

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 6 (82) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Норенко И.В. Частные военные компании: перспективы создания в России и возможные угрозы государственному суверенитету	7
Теория и история военного права	
2. Полунин С.В., Асеев А.Г. О причинах неприменения норм международного права к советским военнопленным в период Второй мировой войны	14
Военно-административное право	
3. Кайнов В.ИМ., Шеншин В.М. К вопросу об управлении транспортным средством военнослужащим-водителем, находящемся в состоянии опьянения	23
4. Наумов П.Ю., Устюганов А.А., Кононов А.Н. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации	33
5. Некрасов А.А. Административно-правовое регулирование правил пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами	42
6. Овчаров О.А. Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования	47
7. Цуциев С.А. Концептуальные предложения по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы в Вооруженных силах Российской Федерации	55
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
8. Баранников М.М., Харитонов С.С. О реализации жилищных прав военнослужащих в контексте правовых предписаний по материалам военно-судебной практики	65
9. Ветошкина А.А., Ветошкин П.В. О некоторых особенностях и современных тенденциях реализации военнослужащими права на труд	73
10. Корякин В.М. Система и полномочия органов, осуществляющих реализацию военно-социальной политики в отношении участников специальной военной операции и членов их семей	80
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
11. Борисов А.В. Уголовно-правовая характеристика уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами	94
12. Вотченко И.А. О составе преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен»	99

13. Загубный Д.Ю.	
Основные этапы развития российского законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против военной службы	103
14. Закомолдин Р.В.	
О сближении и гармонизации норм и положений военно-уголовного законодательства государств-участников ОДКБ	109
15. Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С.	
Уголовно-процессуальные издержки (по материалам военно-судебной практики)	115
16. Иванов А.Л.	
Преступления, связанные с самоубийством: эволюция правовых взглядов и практические вопросы квалификации	121
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
17. Азизов А.Г.	
Расширение НАТО в Арктическом регионе	129
18. Холиков И.В., Тхаммавонгса С.	
Характеристика современного правового обеспечения военной безопасности и военной политики США и Китая	136

Указатель сокращений

абз. — абзац

ВВСТ — вооружение, военная и специальная техника

ВВС — военно-воздушные силы

ВМС — военно-морские силы

ГВКГ — Главный военный клинический госпиталь

ГВМУ — Главное военно-медицинское управление

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГПС — государственная противопожарная служба

ГСЭН — государственный санитарно-эпидемиологический надзор

ДПС — дорожно-патрульная служба

ДТП — дорожно-транспортное происшествие

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минпросвещения России — Министерство просвещения Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

п. — пункт

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

РПЦ — Русская православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГАУ — Федеральное государственное автономное учреждение

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСКН России — Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков

ЦБ РФ — Центральный банк Российской Федерации

ч. — часть

ЧВК — частная военная компания

ЧВОК — частная военная охранный компания

Правовое обеспечение национальной безопасности

Частные военные компании: перспективы создания в России и возможные угрозы государственному суверенитету

© **Норенко Игорь Васильевич**,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с возможным созданием и функционированием в Российской Федерации частных военных компаний. По мнению автора, частные военные компании представляют реальную угрозу государственному суверенитету, а их создание противоречит Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: частные военные компании, Военная доктрина Российской Федерации, государственный суверенитет, наемничество, наемник.

Private military companies: prospects for creation in Russia and possible threats to state sovereignty

© **Norenko I.V.**,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article deals with topical issues related to the possible creation and functioning of private military companies in the Russian Federation. According to the author, private military companies pose a real threat to state sovereignty, and their creation contradicts the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: private military companies (PMCs), Military doctrine of the Russian Federation, state sovereignty, mercenary, mercenary

Частные военные компании (ЧВК) первоначально возникли в экономической сфере деятельности для обеспечения безопасности при добыче полезных ископаемых, охраны различных перевозок. Однако в дальнейшем она стали участвовать в военных и антитеррористических операциях, проводимых государственными органами. В связи с этим возник вопрос о возможности официальной передачи части функций государства по обеспечению обороны страны и безопасности государства частным военным компаниям, или же такая пе-

редача не только не принесет положительных результатов, но и, напротив, будет фактически способствовать подрыву основ государственного строя?

Функция обороны осуществляется различными средствами: экономическими, политическими, дипломатическими, военными и др. В мирное время осуществляется подготовка к отражению возможного нападения извне, а в условиях вооруженного конфликта (или военного времени) оборона осуществляется в форме прямой

вооруженной борьбы с конкретным противником.

Современные войны — это войны без формального объявления войны, асимметричные конфликты и конфликты низкой интенсивности, войны в киберпространстве. При этом как никогда актуально утверждение Лиддела Гарта, что государство может достичь своей цели, не прибегая к своей основной мощи, а действуя посредством стратегических непрямых действий, задача которых — вывести противника из равновесия¹. А силовыми агентами такой стратегии, по мнению ряда аналитиков, как раз и могут быть ЧВК. По нашему мнению, это, по сути, один из немногих плюсов подобных компаний. В новых условиях для успешного ведения современной войны нужны не только новые средства, но и параллельные государственным иные военизированные структуры.

Как отмечают В.П. Григонис, Н.В. Зубарев, Н.В. Носов и Д.А. Лагошин, «в наши дни частные военные компании нередко занимают равноправное положение с регулярными армиями. Более того, ... такие структуры будут играть все более значительную роль в вооруженных конфликтах и войнах XXI века»². По их мнению, частные военные компании «представляют собой распространенные в международной практике структуры, уполномоченные государствами для решения специальных задач», при этом сложности правового регулирования деятельности российских частных военных компаний связаны в первую очередь с полным отсутствием законодательной базы в данной области³.

¹ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. М.: ИЛ, 1957 // http://militera.lib.ru/science/liddel_hart1/index.html (дата обращения 11.07.2023 г.)

² Григонис В.П., Зубарев Н.В., Носов Н.В., Лагошин Д.А. Организационно-правовые основы частных военных компаний в современном геополитическом противоборстве. Частные военные компании при проведении специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 9. С. 32—33.

³ Там же, С. 34.

Публичные дискуссии о целесообразности создания ЧВК в России ведутся как минимум с 2012 г.

Одним из первых законопроектов, направленных на регулирование деятельности ЧВК, стал законопроект № 62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний»⁴. Законопроект содержал ряд положений, не соответствующих или не в полной мере соответствующих Конституции Российской Федерации и иным законодательным актам, в связи с чем был возвращен инициатору.

Отметим, что единственное нормативно закрепленное упоминание о ЧВК содержится в Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), в соответствии с которой к основным внешним военным опасностям относится, в том числе, деятельность иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников (подп. «л» п. 12). При этом указывается, что участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний является одной из характерных черт и особенностей современных военных конфликтов (подп. «з» п. 15). Таким образом, в Военной доктрине Российской Федерации фактически выражено негативное отношение к частным военным компаниям.

Между тем, в 2014, 2016 и 2018 годах предпринимались и другие попытки принять закон, направленный на легализацию создания и деятельности ЧВК, которые также были отклонены⁵.

Новые инициативы принятия соответствующего закона были проявлены после июньских событий 2023 г. с ЧВК «Вагнер». Так, о необходимости закона, который бы регулировал деятельность ЧВК, заявил председатель комитета Государ-

⁴ Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/62015-6> (дата обращения 10.07.2023).

⁵ Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2937823> (дата обращения 24.07.2023).

ственной думы по обороне А. Картаполов, а фракция «Справедливая Россия — За правду» в лице ее лидера С. Миронова планировала внести в Госдуму соответствующий законопроект «в ближайшее время». В то же время председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас заявил, что разработка отдельного закона по ЧВК не является актуальной¹.

Таким образом, к настоящему времени в Российской Федерации не только отсутствует правовое регулирование вопросов создания и деятельности ЧВК, но и не сложилось какое-либо единое мнение у законодателей, политических и государственных деятелей относительно целесообразности или нецелесообразности разработки соответствующей нормативной правовой базы.

Следует констатировать, что в современных правовых реалиях России при буквальном толковании закона создание ЧВК не представляется возможным по следующим основаниям.

Во-первых, создание ЧВК на территории России противоречит Конституции Российской Федерации и иному федеральному законодательству.

Согласно Конституции Российской Федерации и Федеральному закону «Об обороне» для обеспечения обороны страны и безопасности государства создается и действует регулярная профессиональная армия, включая военно-морской флот, имеющая, в отличие от иррегулярных войск, установленные в узаконенном порядке штатную организацию, типовое вооружение, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучения и воспитания личного состава, форму одежды, а также централизованную систему управления и снабжения²

К обороне привлекаются также другие войска (войска национальной гвардии Российской Федерации); а для выполнения отдельных задач в области обороны — воинские формирования (например, спасательные воинские формирования федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны) и органы (Служба внешней разведки Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности и другие). На военное время могут создаваться специальные формирования. При этом Конституцией запрещается создание и деятельность вооруженных формирований (п. 5 ст. 13).

После принятия 1 июля 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации и внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон «Об обороне» на законодательном уровне было установлено, что создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, не предусмотренных федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону.

Казалось бы, законодатель «поставил точку» в вопросе о том, «быть или не быть» в Российской Федерации частным военным компаниям. Тем не менее, дискуссия об этом не прекращается.

Сторонники частных военных компаний, как правило, объясняют необходимость легализации их деятельности в России вопросами обеспечения обороны государства тогда, когда «затруднительно или порой даже невозможно эффективно решить задачи с использованием официальных государственных силовых структур»³. По мнению С.Н. Рудых, выполнение некоторых функций государственных органов силами частных военных компаний позволит рассредоточить властные полномочия

¹ Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/07/09/984416-gosdumu-vnesut> (дата обращения 10.07.2023).

² Большая российская энциклопедия // Режим доступа: https://bigenc.ru/military_science/text/3502826 (дата обращения 10.07.2023).

³ Константин Сивков о борьбе вокруг будущих частных военных предприятий и организаций. — URL: <http://www.warfiles.ru/show-107615-rossiyskie-chvk-est-li-u-nih-budushee.html> (дата обращения 11.07.2023 г.).

и не допустить их чрезмерной концентрации в одних руках¹.

По нашему мнению, с этим нельзя согласиться в полной мере, т.к. фактически будет иметь место присвоение частными военными компаниями публичных функций, т.е. полная или частичная реализация функций, свойственных только государству.

В тоже время стоит признать, что сейчас во всем мире растет спрос на «военные» услуги в случаях, когда государство не в состоянии реализовать свои национальные интересы в силовой области, в связи с политическими или юридическими сложностями. И данный факт нельзя игнорировать. Так, по мнению В.П. Григониса и его соавторов, «теоретически использование ЧВК предоставляет милитаристскому направлению внешней политики государства иммунитет от действия международного права и даже локальных законов. Нормативно ведение военных действий руками ЧВК легко представить не как политический конфликт, а как вопрос соблюдения контракта между двумя компаниями. Соответственно там, где действует корпоративное право, никто, даже ООН, не может в полной мере требовать публичности и правовой транспарентности. Допустимый ответ на любые упреки в такой ситуации: государство не вмешивается во внутренние дела ЧВК»².

Во-вторых, в соответствии со ст. 359 УК РФ (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 24 июня 2023 г.) уголовным преступлением признается наемничество, т.е. вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или во-

енных действиях, которое наказывается лишением свободы на срок от 12 до 18 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет либо без такового. Если те же деяния совершены лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего, то срок лишения свободы составляет от 15 до 20 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет либо без такового.

Указанная статья УК РФ предусматривает наказание и в отношении самого наемника, а именно: участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет с ограничением свободы на срок до 1 года либо без такового. В примечании к данной статье дается и понятие наемника: наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

Соответственно сотрудники ЧВК согласно уголовному законодательству признаются наемниками, которые не только не могут легально осуществлять свою деятельность, но и, более того, подлежат уголовной ответственности. Данный тезис поддержан многими военными юристами³.

¹ Рудых С.Н., Раздобудько В.О. Функции частных военных компаний и их правовая регламентация в России // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.В. Кешикова. Изд.: Байкальский государственный университет экономики и права. 2015. С. 167—172.

² Григонис В.П., Зубарев Н.В., Носов Н.В., Лагошин Д.А. Указ соч. С. 40.

³ См., напр.: Корякин В.М., Харитонов В.С. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 4 (261). С. 95—101; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы

В-третьих, события вокруг ЧВК «Вагнер», произошедшие в июне 2023 г., показали, что такие компании при определенных условиях представляют реальную угрозу суверенитету государства. Причем на такую угрозу исследователи обращали внимание задолго до указанных событий¹. Государство обязано обеспечивать безопасность своими силами, т.к. это одно из проявлений ее суверенитета.

В-четвертых, стоит согласиться с позицией В.Н. Старцуна, что «вопрос легализации ЧВК — это, прежде всего, вопрос международно-правовой ответственности за неблагоприятные последствия их деятельности, ... риски такой ответственности многократно возрастают, а международно-правовые институты защиты — напротив, утрачивают свою эффективность...», эти и ряд других «факторов свидетельствуют о приоритете на данном этапе альтернативного направления решения вопроса создания частных военных компаний: отказ от формирования самостоятельного законодательства о ЧВК в пользу адаптации законодательства о военной службе в целях задействования «нештатного» ресурса в достижении национальных геополитических интересов (путем привлечения к участию в контртеррористических операциях контрактников на короткие сроки)»².

И, в-пятых, отдельного решения потребует вопрос о наделении ЧВК имуществом военного назначения, так как в настоящее время в силу закона, военное

оружие и военная техника, а также боеприпасы к ним, находятся в исключительной собственности Российской Федерации и передаются собственником в оперативное управление Вооруженным Силам Российской Федерации для выполнения функций по обеспечению обороны и безопасности.

На основании вышеизложенного, следует сделать вывод, что создание ЧВК на территории Российской Федерации и, соответственно, делегирование им части государственных полномочий и функций по обеспечению обороны и безопасности, в современных правовых реалиях противоречит действующему законодательству и, в целом, может нести угрозу суверенитету и целостности России.

Однако стоит отметить, что во многих других странах, например, в США, напротив, «деятельность ЧВК регулируется государственными нормативно-правовыми документами. Так, на федеральном уровне действия личного состава таких компаний регламентированы значительным количеством законодательных актов, в которых подчеркиваются их «вспомогательные действия» в интересах государства, Пентагона, госдепартамента, ЦРУ и других ведомств, что гарантирует им определенную защиту при судебных разбирательствах. Использование ЧВК за рубежом регламентируется положениями международного документа «О кодексе поведения частных военных и охранных компаний», подписанного в 2008 г. в швейцарском городе Монтрё представителями 17 стран (в том числе США, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Китая, Украины и Польши)»³.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, в то же время стоит признать, что создание и деятельность ЧВК имеет и определенные плюсы. В первую очередь, это возможность для государства использовать ЧВК на территориях других стран для реализации национальных интересов без прямого участия самого государства, но при его финансировании.

Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424, и др.

¹ См., напр.: Смирнов С.В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа, 16—17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 98—102.

² Старцун В.Н. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности о создании частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2. С. 72—73.

³ Григонис В.П., Зубарев Н.В., Носов Н.В., Лагошин Д.А. Указ соч. С.34.

Например, известным является тот факт, что одним из первых крупных государственных контрактов с ЧВК являлся контракт 1974 г., заключенный между ЧВК «Vinnell Corp.» американского военно-промышленного концерна «Northrop Grumman» и правительством США; сумма контракта составляла более чем полмиллиарда долларов. Контракт был заключен для подготовки сотрудниками ЧВК Национальной гвардии Саудовской Аравии и защиты нефтяных месторождений в этой стране.¹

В качестве еще одного плюса и сторонники, и противники ЧВК отмечают создание рабочих мест, в первую очередь для бывших военнослужащих, уволенных с военной службы по организационно-штатным или иным основаниям, но желающим продолжить свою военную службу.

Таким образом, стоит отметить, что ЧВК и их деятельность имеют как минусы, так и плюсы в различных политических, правовых и международных ситуациях. Но самое главное, ЧВК — это реальность времени. Более того, начиная с появления первой ЧВК и вплоть до настоящего времени, количество ЧВК только увеличивается.

«Вопрос легализации частных военных компаний непростой, он должен обсуждаться правительством и Госдумой, но пока что юридически такие компании, в том числе "Вагнер", не существуют». Об этом заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин, слова которого 13 июля 2023 года приводит газета «Коммерсантъ».²

Таким образом, можно сделать вывод, что создание ЧВК, в целом, несет определенную угрозу суверенитету Российской Федерации и целостности государства, и, соответственно, делегирование им части полномочий государства по обеспечению обороны и безопасности на территории страны не представляется возможным.

Практика создания и деятельности ЧВК на территории России в нынешних правовых реалиях недопустима, так как противоречит положениям Конституции Российской Федерации.

В то же время, в современных условиях ЧВК могут быть незаменимы в регионах мира, в которых необходимо отстаивать интересы тех государств, которые выходят или стремятся выйти из единой системы контроля со стороны прежнего гегемона — США — в целях формирования новых экономических зон влияния и взаимодействия, но которые по политическим и экономическим причинам пока прямо и открыто действовать не могут. В таких случаях ЧВК станут не просто необходимы, а фактически незаменимы. Например, в настоящее время по инициативе Ирана намечилось создание экономического союза крупнейших поставщиков газа, а именно, Ирана, России, Туркмении и Катара, в целях транспортировки газа через территорию Ирана.³ Формирование данного экономического союза крайне невыгодно ни США, ни странам Запада, в связи с чем неизбежны провокации, диверсии и иные недружественные действия с их стороны, в частности, в отношении объектов, которые будут создаваться для реализации указанного проекта. С охраной и осуществлением иных действий по обеспечению безопасности объектов могли бы успешно справиться частные кадровые военные структуры, такие, например, как ЧВК «Вагнер», хорошо зарекомендовавшая себя в Сирии, а в настоящее время, и в Африке. Привлечение ЧВК поможет избежать негативной мировой реакции. Иными словами, стоит признать целесообразность создания ЧВК для осуществления деятельности исключительно за пределами России.

В заключение стоит отметить, что в Российской Федерации назрела необходимость разработки нормативной правовой базы, регулирующей вопросы создания и деятельности частных военных компаний, что будет только способствовать укреплению

¹ Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YsUuJ27Qk1A9cpMK> (дата обращения 24.07.2023).

² Режим доступа: <https://tass.ru/politika/18272351> (дата обращения 22.09.2023).

³ Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/partnership/782466> (дата обращения 22.09.2023).

нию суверенитета, обороноспособности страны и безопасности государства, но, вместе с тем, неизбежно повлечет за собой существенные изменения в ряде отраслей законодательства страны.

Библиография

1. Григонис, В. П. Организационно-правовые основы частных военных компаний в современном геополитическом противоборстве. Частные военные компании при проведении специальной военной операции / В.П. Григонис, Н.В. Зубарев, Н.В. Носов, Д.А. Лагошин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 9. — С. 32—41.

2. Корякин, В.М. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 4 (261). — С. 95—101.

3. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий / Лиддел Гарт Б.Х. — М.: ИЛ, 1957.

4. Моргуленко, Е. А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С. С. Харитонов, С. Н. Шарапов // *Военно-юридический журнал*. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

5. Рудых, С. Н. Функции частных военных компаний и их правовая регламентация в России / С.Н. Рудых, В.О. Раздобудько // *Проблемы*

организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.В. Кешикова. — Иркутск: Изд.: Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. — С. 167—172.

6. Смирнов, С.В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства / С.В. Смирнов // *Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика»* (г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 2. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. — С. 98—102.

7. Старцун, В.Н. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности о создании частных военных компаний в Российской Федерации / В.Н. Старцун // *Вестник военного права*. — 2017. — № 2. — С. 72—73.

8. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В.С. Харитонов // *Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г.* / Отв. редактор О.И. Александрова. — Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.

Теория и история военного права

О причинах неприменения норм международного права к советским военнопленным в период Второй мировой войны

© **Полунин Сергей Викторович**,

кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и административного права. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции.

© **Асеев Александр Григорьевич**,

профессор кафедры конституционного и административного права. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доцент

Аннотация. Статья посвящена достаточно дискуссионным в науке проблемам режима военного плена в период Второй мировой войны. Анализу подверглись некоторые статистические данные о количестве советских военнопленных, находившихся в немецком плену, и их смертности. В рамках противодействия фальсификации истории критическому анализу подвергся ряд научных трудов, объяснявших причину негуманного отношения к советским военнопленным. На научной основе установлены причины неприменения норм международного права к советским гражданам, находящимся в немецком плену.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Германия, нацизм, Женевская конвенция, военный плен, советские военнопленные, преступление, Международный военный трибунал.

On the reasons for the non-application of the norms of international law to Soviet prisoners of war during the Second World War

© **Polunin S.V.**

Head of the department of constitutional and administrative law, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, candidate of law, colonel of justice.

© **Aseev A.G.**

Professor of the department of constitutional and administrative law, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the problems of the regime of military captivity during the Second World War, which are quite controversial in science. Some statistical data on the number of Soviet prisoners of war who were in German captivity and their mortality were analyzed. As part of the counteraction to

the falsification of history, a number of scientific works were critically analyzed, explaining the reason for the inhumane attitude towards Soviet prisoners of war. On a scientific basis, the reasons for the non-application of the norms of international law to Soviet citizens in German captivity have been established.

Key words: World War II, Germany, Nazism, Geneva Convention, military captivity, Soviet prisoners of war, crime, International Military Tribunal.

Проблема военного плена периода Второй мировой войны является одной из наименее исследованных в отечественной и зарубежной исторической (историко-правовой) науке. В состоянии дискуссии находятся вопросы численности военнопленных в период Второй мировой войны, их смертности и репатриации. Так, с опорой на архивные материалы сотрудники Военно-исторического центра Генштаба под руководством Г.Ф. Кривошеева установили, что численность советских военнопленных в германских лагерях составляла 4 059 тыс., а с учётом пропавших без вести — 4 559 тыс. человек¹. Н.П. Дембицкий пришёл к выводу о том, что советских военнопленных было не менее 5 млн человек, из которых свыше 3 млн погибли (более 60 %)².

Иных результатов достигли зарубежные исследователи. В 1964 г. западногерманский учёный Г. Якобсен на основе анализа информации из документов ОКВ сделал вывод, что за период войны численность советских военнопленных в немецком плену составила около 5 700 000 человек. В 1991 г. профессором К. Штрайтом эта численность была уточнена: 5 734 528 человек, из которых погибло около 3 300 000 человек (около 57,8 %). Исследователь А. Даллин в 1958 г. полагал, что в немецком плену умерло 3 700 000 человек (64 % от общей численности со-

ветских военнопленных)³.

Настоящее исследование не имеет задачи установления точных статистических данных, и, по мнению авторов, сделать это не представляется возможным по различным причинам, таким, как: отсутствие учёта военнопленных в ряде лагерей для военнопленных, пересыльных пунктов и в пути следования; содержание в концентрационных лагерях военнопленных вместе с гражданским населением; сокрытие следов военных преступлений (уничтожение документов, сожжение тел, сокрытие мест массовых захоронений); отсутствие уверенности в достоверности информации, содержащейся в донесениях; отсутствие уверенности в установлении всех мест захоронения погибших (умерших) военнопленных; иные причины объективного и субъективного характера.

Для сравнения с данными о погибших советских военнопленных представляют научный интерес результаты исследования К. Штрайта, согласно которым по состоянию на 31 января 1945 г. в немецком плену находилось: французов — 893 672 человек, из которых погибли (умерли) — 14 147 человек (1,58 %); англичан — 161 386 человек, из которых 1 851 человек (1,15 %) погибли (умерли); американцев — 45 576, среди которых 136 человек (0,3 %) погибли или умерли⁴.

Сравнительный анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 237. Цит. по: Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 24.

² Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество. 1941—1945. Кн. 2 С. 236. Цит. по: Земсков В.Н. Указ. соч. // Российская история, 2011. № 3. С. 26.

³ Мухамеджанов М.М. Советские и германские военнопленные в годы Второй мировой войны (сравнительный анализ численности) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С.169.

⁴ Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. М., 2009. С. 258, 434. Цит. по: Томсинов В.А. Великая Отечественная война (1941—1945): что это было? // Вестник Московского университета, Серия 11. Право. 2010. № 3. С. 30.

гибель (смерть) советских военнопленных являлась результатом реализации «особенных» правил обращения с ними. Нормативной основой этому послужили: директива от 6 июня 1941 г. «Об обращении с политическими комиссарами»¹, директива от 13 мая 1941 г. «О применении военной подсудности в районе Барбаросса и об особых мерах войск»², распоряжение от 8 сентября 1941 г. «Об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных»³ и другие официальные документы военно-политического руководства Германии. Из содержания этих документов следует, что фактической причиной неприменения норм международного права к советским гражданам являлась идеология: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии»⁴.

Справедливости ради следует отметить, что в отношении «особенных» правил обращения с советскими военнопленными не было единодушия среди нацистской верхушки. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис выразил своё несогласие с содержанием вышеупомянутого распоряжения от 8 сентября 1941 г., заявив: «Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому

применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII в., они унаследовались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни мстью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции»⁵. Однако этот протест был проигнорирован. Г. Кейтель свою позицию по данному вопросу выразил следующим образом: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры»⁶. То есть, как справедливо отметил Франсуа Буньон: «Нацистская Германия с самого начала превратила борьбу против Советского Союза в идеологический крестовый поход и расовую войну, поправшую все законы ведения войн»⁷.

В научной и публицистической литературе зачастую встречается утверждение о том, что к советским гражданам положения Женевской конвенции не применялись в связи с неподписанием соответствующего международного соглашения. Так, например, Г.Б. Романовский полагает, что «Советский Союз долгое время жил, исходя из логики «осажденного лагеря». Весь остальной мир отказывался вступать с ним в переговоры. Это, по-видимому, послужило одной из причин неподписания СССР

¹ Richtlinien für die Behandlung politischer Kommissare [Kommissarbefehl], Nr. 44822/41 g.K.Chefs. vom 6. Juni 1941 // Bayerische Staatsbibliothek: [web site]. URL:

http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0088_kbe&object=facsimile&st=&l=de (дата обращения: 22.04.2023).

² Erlaß über die Ausübung der Kriegsgerichtsbarkeit im Gebiet "Barbarossa" und über besondere Maßnahmen der Truppe [Kriegsgerichtsbarkeitserlaß], 13. Mai 1941. // Ibid.. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0093_kgs&l=de (дата обращения: 22.04.2023).

³ Anordnungen für die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in allen Kriegsgefangenenlagern vom 8.9.41. / Anlage zu Tagebuch-Nr. 3058 // Ibid. URL:

http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0090_gef&l=de (дата обращения: 22.04.2023).

⁴ Ibid.

⁵ Приговор Международного военного трибунала от 1 окт. 1946 г. // Текст официально опубликован не был.

⁶ Там же.

⁷ Буньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917—1991) / Пер. с фр. М., 1998. С. 22—23. Цит. по: Романовский Г.Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) // Гражданин и право, 2014. № 8. С. 9.

Конвенции 1929 г. В результате число советских граждан, погибших в плену, исчисляется миллионами»¹. То есть, по мнению этого учёного, подписание СССР Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными» надёжно гарантировало бы гуманное отношение к пленённым красноармейцам и число их, погибших в немецком плену, исчислялось бы уже не миллионами...

М.Е. Ерин в своей статье, осуждая действия нацистов, также возлагает груз ответственности за гибель военнопленных на советское правительство, мотивируя тем, что «советское правительство не поддержало инициативу Международного Красного Креста об оказании гуманитарной помощи своим военнопленным и о содействии в организации помощи связи с ними через нейтральные страны». Это, по мнению Ерина, явилось «подходящим поводом для ужесточения немцами обращения с советскими военнопленными». Вызывает недоумение уровень «осведомлённости» этого исследователя, полагающего, что советское правительство даже «не подняло голос протеста против их бедственного состояния»². В этой связи автору публикации было бы не лишним ознакомиться с Нотой наркома иностранных дел В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 ноября 1941 г.³

Аналогичная точка зрения прослеживается в работе П.М. Поляна «Жертвы двух диктатур...», который также осуждает действия нацистов, однако «огромную долю

моральной и юридической ответственности за бесчеловечное обращение немцев с пленными красноармейцами [возлагает на] сталинский режим», мотивируя это мнение отсутствием подписи СССР под Женевской конвенцией, которое «развязало ... руки Вермахта, руки Гестапо, руки СД и СС»⁴.

В этом случае не вписываются в данную позицию положения приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. № 003830/42 «Об уничтожении диверсантов и парашютистов», которым фактически был наложен запрет на применение норм и принципов международного права в отношении военнослужащих Англии. Так, в п. 1 данного приказа Гитлер упрекал в несоблюдении норм Женевского международного соглашения «членами команд вражеских стран». На фоне упоминания норм международного права особо цинично выглядят положения п. 3 этого же приказа: «Отныне во всех операциях командования немецких войск в Европе или в Африке по отношению к противнику, даже если внешне речь идет о солдате (группе солдат) в форме, как с оружием, так и без оружия — уничтожать в борьбе или при преследовании вплоть до последнего мужчины. ... Даже если эти субъекты изыскивали возможность сдачи в плен, принципиально нужно отказывать им в прощении»⁵. Другими словами, приказом были закреплены правила, запрещённые нормами международного права: война на уничтожение; пленных не брать. Из анализа содержания документа следует, что эти «вражеские страны» находились на территории Европы и Африки, а лицами, непосредственно нарушающими положения международной Конвенции, являлись диверсанты англичане и их пособники. Между тем Великобритания подписала 27 июля

¹ Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 9.

² Ерин М.Е. Российские историки о судьбе советских военнопленных в нацистской Германии // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны: доклады участников международной научно-практической конференции / Сост. В. Селемев, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Хартионов. Дрезден-Минск. С. 30. Доступ: [сайт]. URL: WWW.dokst.de (дата обращения: 23.10.2023).

³ Нота Народного Комиссара Иностранных дел товарища В.М. Молотова о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных от 25 нояб. 1941 г. // газ. Героический поход, 30 нояб. 1941 г. № 141. С. 1-2.

⁴ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002, С. 70.

⁵ Befehl über die Vernichtung von Kommandotrups und Fallschirmspringern ["Kommandobefehl"] Vom 18. Oktober 1942 // DocumentArchiv.de: [web site]. URL: <http://www.documentarchiv.de/ns/1942/kommandobefehl.html> (дата обращения: 08.10.2019).

1929 г., а 4 февраля 1932 г. ратифицировала соответствующее международное соглашение¹.

Международным военным трибуналом в рамках Нюрнбергского процесса были установлены и иные факты нарушения международных правил ведения войны в отношении английских военнослужащих, в том числе регулирующих режим военного плена. Например, «в марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера после того, как они были пойманы. Их трупы были немедленно подвешены к кремации...»².

В Нюрнбергском процессе было так же установлено, что «за время войны многие сдавшиеся немцам в плен солдаты союзных армий немедленно расстреливались, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики». В материалах Приговора, основанных на письменном показании А. Зутте — адъютанта из концентрационного лагеря Маутхаузен, содержится информация, например, о расстреле американских военнопленных. В частности, «американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта на Балканах в январе 1945 года, насчитывавшая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, была доставлена в Маутхаузен... — все они были расстреляны»³. Между тем США так же, как и Великобритания 27 июля 1929 г. подписала, а 4 февраля 1932 г. ратифицировала Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными». Таким образом, подписание и ратификация Конвенции не повлияли на участь американских военнопленных.

Приведённые данные демонстрируют, с одной стороны, закрепление норм меж-

дународного права в национальном законодательстве Германии (см.: ст. 4 Конституции Германского Рейха⁴), а с другой — установление на подзаконном уровне нормативных предписаний о несоблюдении или вообще прямом нарушении международных норм под угрозой наказания (см., например: п. 6 приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. № 003830/42⁵, распоряжение № 39058/41 от 8 сентября 1941 г.⁶). При этом наличие факта подписания и ратификации международных соглашений не обеспечило соблюдения норм международного права немецкой армией в период Второй мировой войны.

Историко-правовой анализ практики реализации норм международного права военно-политическим руководством Германии позволяет сделать, с некоторой осторожностью, вывод о том, что игнорирование норм международного права является не исключением из правил, а давней военно-политической традицией. К. Маркс и Ф. Энгельс в своё время пришли к выводу о том, что циничное попрание международной законности являлось своеобразной исторической традицией Германии. По их мнению, германцы ещё во времена «седой древности» проявляли себя как разбойники и пираты, в особенности в войнах против славян: «... в период переселения народов и их войн со славянами они [были] первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени»⁷.

⁴ Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919 // Österreichische Nationalbibliothek – Alex – Deutsches Reichsgesetzblatt T. I 1867–1945: [web site]. URL: <http://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=dra&datum=1919&page=1585&size=45> (дата обращения: 18.08.2023).

⁵ Befehl über die Vernichtung von Kommandotrups und Fallschirmspringern ["Kommandobefehl"] Vom 18. Oktober 1942.

⁶ Anordnungen für die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in allen Kriegsgefangenenlagern vom 8.9.41.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. XVI. Ч. I. С. 471-477. Цит. по: Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века) (под редакцией Л.Н. Шестакова). М.: Зерцало, 2008. С. 77.

¹ Полуниин С.В. Анализ законодательства Германии периода Второй мировой войны с точки зрения нормативного закрепления общепризнанных норм международного права // История государства и права. 2016. № 23. С. 25.

² Приговор Международного военного трибунала от 1 окт. 1946 г.

³ Там же.

В период франко-прусской войны (1870—1871 гг.) были зафиксированы многочисленные факты нарушения международных обычаев ведения войны и международного права. Представитель нейтральной прессы англичанин Гаррисон писал: «На немцах, на них самих и на их детях будет тяготеть проклятие за то, что они возобновили в современной Европе наиболее кровавые и варварские предания прошлого: полное опустошение неприятельской страны и систематическое избивание частных лиц»¹. Следует подчеркнуть, что садистское глумление немцев над мирным населением оккупированной части Франции, иные «зверства прусской армии имели место с полного согласия и одобрения германского правительства во главе с пресловутым «железным канцлером» Бисмарком, девизом политики которого в отношении оккупированной части Франции было: расстреливать, вешать и опустошать». Бисмарк не гнушался никакими средствами в своей внешней политике и не скрывал своего пренебрежительного отношения к международным договорам. «Прочность всех договоров между большими государствами, — говорил он, — становится условной, как только они подвергнутся испытанию в "борьбе за существование"»².

Методы реализации внешней политики германских империалистов не изменились и в начале XX в. Вильгельм II 26 июня 1900 г., направляя германскую военную экспедицию в Китай для подавления движения боксеров, заявил: «Лишь только вы придете туда, пощады не давать, пленных не брать! Подобно тому как тысячу лет назад при короле Этцеле гунны оставили по себе память о своей мощи, до сих пор сохранившуюся в преданиях и сказках, точно так же благодаря вашим деяниям имя немцев в Китае должно запомниться на тысячу лет, так, чтобы никогда китайцы не посмели даже косо взглянуть на

немца»³. Сложно удержаться от комментария: нацизмом от высказывания Вильгельма II так и разит!

Попраение международных законов, глумления Германией над международными обычаями имело место и в период Первой мировой войны. Согласно положениям Гаагской конвенции, пленные могли использоваться только на работах в гражданском секторе с целью покрытия части расходов на содержание пленных, производимых государством, во власти которого они находились. Запрещалось принуждать военнопленных к поступлению на военную службу государства, где они удерживались, или «применять их труд к работам, имеющим военно-оборонительное значение, направленным во вред их отечества, или к усилению военной мощи врага»⁴. По словам председателя Чрезвычайной следственной комиссии Н.П. Карабчевского (1917 г.) в период Первой мировой войны нарушение германскими и австро-венгерскими властями принципов не только международного, но и естественного права в отношении русских военнопленных осуществлялось «с чудовищным цинизмом». «Под страхом истязаний и расстрела насильствовали их воинскую совесть, воинскую честь и естественное чувство любви к родине, принуждая их работать для военных целей против своих же братьев и союзников»⁵. В основе такого обращения лежали приказы военно-политического руководства Германии и Австро-Венгрии. Так, например, согласно приказу австрийского военного министра (1915 г.), «военнопленными надлежит пользоваться также и для производства работ военно-оборонительного характера. Военнопленные сначала приглашаются ис-

³ Бюлов Бернгард. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 164. Цит. по: Кожевников Ф.И. Указ. соч. С. 135.

⁴ Наши военно-пленные въ Германіи и Австро-Венгріи (По дополнительнымъ сведениямъ) / Чрезвычайная Следственная Коммисія. Петроградъ: Сентаская типографія 1917 г. С. 5 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/node/351133/source> (дата обращения: 18.08.2023).

⁵ Там же. С. 5.

¹ Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. С. 340—342. Цит. по: Кожевников Ф.И. Указ. соч. С. 135.

² Там же.

полнить таковые за денежное вознаграждение. В отношении тех, которые не пожелают добровольно откликнуться на предложение, должны быть использованы все меры убеждений, а в случае их недействительности — угрозы с объяснением тяжких последствий отказа. Наиболее упорствующие наказываются соответствующим числом палочных ударов и подвешиванием к столбу до тех пор, пока они не согласятся работать. Те пленные, которые своим примером и устным воздействием вызовут среди товарищей открытое возмущение или упорное сопротивление, могут быть расстреляны»¹.

От германской международной практики не отставала и немецкая наука международного права, в которой активно развивались нигилистические концепции и политико-правовые учения Лассока, Цорна, Кауфмана и других «мыслителей», пытавшихся дискредитировать значение международного права как регулятора международных отношений, тем самым демонтируя ценность любых международных соглашений. На этом фоне нарушение Германией договора с СССР о ненападении от 23 августа 1939 г. (пакт Молотова-Риббентропа) не вызывает удивления, чему подтверждением является мнение рейхфюрера СС Гимлера, высказанное в ноябре 1939 г.: «Договор с Россией есть лишь временное «тактическое мероприятие». Он ни в коем случае не имеет в виду решительного отказа от борьбы против СССР»². Так же и подписание с последующей ратификацией Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» Германией было одним из временных «тактических мероприятий», отнюдь не предполагавшее неукоснительности её соблюдения.

Следует согласиться с мнением Ф.И. Кожевникова в том, что «самые бес-

церемонные нарушения международных законов, самые ужасные преступления, которые когда-либо были известны истории Германии, бледнеют перед злодеяниями гитлеровских агрессоров, [которые] довели до крайних пределов самые худшие черты немецкой «отечественной традиции» во всех областях их внутренней и внешней политики»³.

Окончательную точку в дискуссии о причинах неприменения Женевской конвенции следует поставить с опорой на текст приговора Международного военного трибунала: «Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным»⁴.

Приказы Гитлера и его «клики» получили правовую оценку Международного военного трибунала как преступные. При этом многочисленными исследованиями установлено, что массовые преступления против советских военнопленных, находившихся в немецком плену, совершались как по приказам «сверху», так и по инициативе отдельных должностных лиц. Жестокость к военнопленным была вызвана не только «исполнительностью» и садизмом солдат гитлеровской армии, но и, как это не парадоксально, «идеализмом и жертвенностью». И в этом далеко не последнюю роль играли военные капелланы. Так, католический капеллан 113-й кавалерийской дивизии после расправы над пленными успокаивал немецких солдат: «Так угодно Господу»⁵.

Доктор юридических наук профессор

³ Кожевников Ф.И. Указ. соч. С. 78.

⁴ Приговор Международного военного трибунала от 1 окт. 1946 г.

⁵ Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS – Verbrechen an der Ostfront 1941/42 / Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 2008. 667 s. Цит. по: Полунин С.В. Преступления гитлеровской армии против человечности в период Великой Отечественной войны / С.В. Полунин, Н.В. Даничев // История государства и права, 2020. № 5. С. 8.

¹ Там же. С. 8

² Собственноручные показания генерал-фельдфебеля Ф. Шёрнера. 15 дек. 1945 г. // ЦА ФСБ России. Д.Н-21138. В 20х тт. Т.1.Л.102-107. // Исторические материалы [сайт]. URL: https://istmat.org/node/59661#_edn1 (дата обращения 09.10.2023).

ЛГУ Н.С. Алексеев, выступавший экспертом в уголовных процессах над нацистскими преступниками в 60—70-х годах, пришёл к выводу о том, что причинами антигуманного обращения с советскими военнопленными являлись «фашистская человеконенавистническая идеология, традиции германской военщины и народоистребительной теории завоевателя, оккупанта, угнетателя, принадлежавшего "к нации господ"»¹.

Таким образом, неподписание советской стороной Женевской конвенции, а равно и отсутствие её ратификации, не являлись причинами антигуманного поведения военнослужащих гитлеровской армии. Гибель (смерть) советских военнопленных являлась результатом реализации «особенных» правил обращения с советскими военнопленными, которые, в свою очередь, «гармонично вписывались» в генеральный план «Ост», предполагавший регулярные действия оккупационных властей по «освобождению» захваченных немцами территорий СССР от коренного, главным образом русского, населения². Не случайно А. Штрайм назвал отношение к советским военнопленным «акцией уничтожения»³. Гибель огромного количества советских военнопленных следует квалифицировать не только как военное преступление, связанное с систематическими убийствами и истязаниями пленных, но и чудовищное преступление против человечности, совершённое нацистами в отношении советских граждан, находящихся в немецком плену. Основной причиной игнорирования международно-правовых норм при обращении с советскими военнопленными, по мнению авторов, явилась

германская военно-политическая традиция, «заправленная идеологическим соусом» нацизма.

Подписание и ратификация международных соглашений как не являлись, так и не являются абсолютным гарантом соблюдения норм международного права, и реалии сегодняшнего дня являются тому красноречивым подтверждением.

Библиография

1. Алексеев, Н.С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества / Н.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1986. — 398 с.
2. Ерин, М.Е. Российские историки о судьбе советских военнопленных в нацистской Германии / М.Е. Ерин // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны: доклады участников международной научно-практической конференции / Составители В. Селеменов, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Хартионов. — Дрезден-Минск, 2005. — С. 22—65.
3. Земсков, В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности / В.Н. Земсков // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 22—32.
4. Кожевников, Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века) : под ред. Л.Н. Шестакова / Ф.И. Кожевников. — М.: Зерцало, 2008. — 181 с.
5. Мухамеджанов, М.М. Советские и германские военнопленные в годы Второй мировой войны (сравнительный анализ численности) / М.М. Мухамеджанов // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 168—171.
6. Полуни, С.В. Анализ законодательства Германии периода Второй мировой войны с точки зрения нормативного закрепления общепризнанных норм международного права / С.В. Полуни // История государства и права. — 2016. — № 23. — С. 23—26.
7. Полуни, С.В. Преступления гитлеровской армии против человечности в период Великой Отечественной войны / С.В. Полуни, Н.В. Даничев // История государства и права. — 2020. — № 5. — С. 3—9.
8. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. — М.: РОССПЭН, 2002. — 978 с.
9. Романовский, Г.Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. — 2014. — № 8. — С. 3—17.
10. Стратиевский, Д. Советские военнопленные Второй мировой и гуманитарное право. Могла ли Москва спасти своих граждан? / Д. Стратиевский // Журнал российских и восточных

¹ Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М.: Юрид. лит., 1986. С. 167.

² Томсинов В.А. Указ. соч. С. 22.

³ Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in „Fall Barbarossa“. Heidelberg/Karlsruhe 1981.S.7. Цит. по: Стратиевский Д. Советские военнопленные Второй мировой и гуманитарное право. Могла ли Москва спасти своих граждан? // Журнал российских и восточных исследований, 2014. № 1 (5). С. 87.

исследований. — 2014. — № 1 (5). — С. 79—90.

11. Томсинов, В.А. Великая Отечественная война (1941—1945): что это было? / В.А. Томсинов

// Вестник Московского университета. — Серия 11.

Право. — 2010. — № 3. — С. 16—34.

Военно-административное право

К вопросу об управлении транспортным средством военнослужащим-водителем, находящемся в состоянии опьянения

© **Кайнов Владимир Иванович,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

© **Шеншин Виктор Михайлович,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Аннотация. В продолжение начатой ранее дискуссии авторами рассматриваются некоторые решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации с точки зрения применения их в отношении военнослужащих, управляющих транспортными средствами и находящимися в состоянии опьянения. Рассматривается ситуация, когда при отмене постановления об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, из-за процессуальных нарушений изъять из баз данных информацию об опьянении не получится. Исследован вопрос отмены административного наказания за «феназипамное» вождение транспортного средства.

Ключевые слова: военнослужащий; административное правонарушение; «лекарственное» опьянение; Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации.

To the question of driving a vehicle by a clerical driver who is in a state of intoxication

© **Kainov V.I.,**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice; Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

© **Shenshin V.M.,**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg

University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev; Associate Professor of the Department of Law of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Annotation. In continuation of the discussion started earlier, the authors consider some decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation from the point of view of their application to military personnel operating vehicles and being intoxicated. The situation is being considered when, when canceling the decision on an administrative offense provided for in Article 12.8 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation, due to procedural violations, it will not be possible to remove information about intoxication from databases. The question of the abolition of administrative punishment for "phenazipamous" driving of a vehicle is investigated.

Keywords: serviceman; administrative offense; "medicinal" intoxication; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation.

Продолжая дискуссию об управлении транспортным средством в состоянии опьянения, отметим, что данная проблема не сходит с повестки дня как у законодателя, так и у высших судов Российской Федерации¹. Правоприменительная практика показывает отсутствие динамики снижения административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 КоАП РФ².

Авторы статьи отмечают, что привлечение военнослужащих к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, отличается от особенностей привлечения граждан к указанному виду ответственности за аналогичное административное правонарушение. Акцентируем внимание на том, что в соответствии с приложением № 7 к ДУ ВС РФ к грубому дисциплинарному проступку относится совершение военнослужащим административного правонарушения при исполнении обязанностей военной службы в состоянии опьянения, а также отказ военнослужаще-

го от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Таким образом, данный вид ответственности наступает только в том случае, когда военнослужащий совершает административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.8 КоАП РФ. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что указанным приложением к грубому дисциплинарному проступку относится совершение военнослужащим административного правонарушения, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность. Так, частью 1 ст. 2.5 КоАП РФ установлено, что за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 данной статьи, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность. Однако ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ предписано, что за административные правонарушения, предусмотренные гл. 12 КоАП РФ, лица, указанные в ч. 1 данной статьи, несут административную ответственность на общих основаниях. Таким образом, следует констатировать, что за совершенное военнослужащим или гражданином, призванным на военные

¹ Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78.

² Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих. 2011.

сборы, административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП Российской Федерации, указанные лица будут привлекаться к административной ответственности.

В статье акцентируется внимание на тот факт, что за совершение военнослужащим грубого дисциплинарного проступка к нему в качестве меры государственного реагирования может быть в соответствии с пунктом 54 ДУ ВС РФ применены следующие виды дисциплинарных наказаний: предупреждение о неполном служебном соответствии; снижение в воинской должности; снижение в воинском звании на одну ступень; снижение в воинском звании на одну ступень со снижением в воинской должности; досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта; дисциплинарный арест. Здесь мы указали наиболее строгие виды дисциплинарных взысканий, хотя, конечно же, к военнослужащему-правонарушителю могут быть применены и более мягкие виды дисциплинарных взысканий.

Санкция ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ предусматривает следующие виды административных наказаний: наложение административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет.

Как показывает судебная практика, зачастую военнослужащие при совершении рассматриваемого административного правонарушения скрывали свой статус, то есть статус военнослужащего. Делалось это в целях уплаты ими административного штрафа и уклонения от дисциплинарного наказания. Общеизвестно, что в соответствии ст. 1 ДУ ВС РФ воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров

(начальников).

Таким образом, сокрытие совершенного военнослужащим административного правонарушения пагубно влияет на состояние воинской дисциплины в подразделении. И вместе с тем, нюансы привлечения военнослужащих к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.8 КоАП РФ, не отличаются от производства по делам об административных правонарушениях в отношении граждан. Соответственно судебная практика, принимаемая судами общей юрисдикции по вопросам привлечения к административной ответственности за данный вид правонарушения, применима и к военнослужащим. Данная судебная практика достаточно разнообразна и обширна.

Министр внутренних дел Российской Федерации в одном из своих выступлений сделал вывод о том, что в 2023 г. подразделения Госавтоинспекции выявили более 400 тыс. фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения, из них каждый девятый повторно. В ходе проверки поступивших от граждан сигналов было задержано почти 34 тыс. водителей, находящихся в состоянии опьянения. Число происшествий с их участием уменьшилось на 20 процентов, а погибших — почти на треть¹.

Судебная практика по привлечению военнослужащих к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ подтверждает рост таких правонарушений.²

Так, например, Пензенским гарнизонным военным судом в 2023 г. по делам об административных правонарушениях су-

¹ <https://www.pnp.ru/social/kolokolcev-nazval-chislo-ryanykh-voditeley.html>

² См., например: Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу рассмотрения военными судами дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5 (310). С. 45—52; Сотникова В.В., Харитонов С.С. Об оценке состояния опьянения военнослужащего, совершившего административное правонарушение (по материалам военно-судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 73—79.

дьями вынесено 34 постановления по ст. 12.8 КоАП РФ о назначении административных наказаний, что составило 75,5 % от общего числа поступивших материалов. В аналогичном периоде 2022 г. постановлений в данном гарнизонном военном суде по этой статье было вынесено 33, что составило 97 % от общего количества поступивших материалов. Таким образом, отмечается увеличение количества вынесенных постановлений о привлечении военнослужащих, совершивших административное правонарушение по ст. 12.8 КоАП РФ к административному наказанию на 3,03 %. Авторы статьи отмечают, что в 2023 г. в сравнении с 2022 г. увеличилось количество привлечённых данным военным судом к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ с 3-х до 4-х военнослужащих. Согласно приведенным данным, в 2023 г. привлечены за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, 10 военнослужащих, а в 2022 г. по данному составу был привлечен только лишь 1 военнослужащий. Отмечается, что за период с 21 декабря 2022 г. по 20 июня 2023 г. имелись случаи в практике этого суда, когда лицо, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении по ст. 12.8 КоАП РФ, не признавало своей вины, свою непричастность к совершению административного правонарушения объясняло различными основаниями.

Из числа рассмотренных в первом полугодии 2023 г. дел об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, данным военным судом в качестве примера следует рассмотреть дело об административном правонарушении, совершенном П. и П., возбужденное в отношении их за несоблюдение требований, предусмотренных ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. Указанные военнослужащие во избежание административной ответственности приводили следующие доводы.

Так, П., управляя автомобилем в нарушение п. 2.3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, при

наличии признаков алкогольного опьянения, не выполнил законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В суде виновным себя не признал и указал, что не отказывался от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, а попросил вызвать военную полицию, поскольку по месту прохождения военной подготовки ему объяснили, что военнослужащие, призванные на военную службу по мобилизации, должны подчиняться требованиям военной полиции. Приведенные протоколы, акты и другие документы суд признал допустимыми доказательствами по делу об административном правонарушении, поскольку они составлены уполномоченными должностными лицами, получены в соответствии с требованиями закона и полностью согласуются между собой.

При этом доводы П. о том, что он не отказывался от прохождения какого-либо освидетельствования на состояние опьянения и просил вызвать сотрудников военной полиции, судом были признаны как несостоятельные. Это было обусловлено тем, что в ходе исследования судом доказательств по делу, в том числе объяснений должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, осмотренными в суде видеозаписями, подтверждается, что П. инспектором ДПС неоднократно разъяснялось, что данное должностное лицо полиции уполномочено требовать от водителя транспортного средства прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Также П. сотрудником ГИБДД под видеозапись было указано, что военнослужащие на общих основаниях несут административную ответственность за невыполнение требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Несмотря на это, П. от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения отказался. Обстоятельством, отягчающим ад-

министративную ответственность, суд признал повторное совершение П. однородного административного правонарушения (в марте, апреле, мае, июле и августе 2022 г.). В соответствии с ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания П. суд учел характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, а также указанное выше отягчающее административную ответственность обстоятельство. В результате, рассмотрев данное противоправное деяние, совершенное военнослужащим П., военный суд признал его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, на основании которой назначил ему наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 руб. с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 7 месяцев.

16 июня 2023 г. Пензенским гарнизонным военным судом было вынесено постановление в отношении другого военнослужащего, который также не признал свою вину в совершении административного правонарушения. Согласно материалам дела, П., являясь военным водителем, в нарушение п. 2.3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, не выполнил законного требования уполномоченного должностного лица ГИБДД о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В суде П. вину в совершении административного правонарушения не признал и сообщил, что не выполнил требование сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, поскольку опасался несвоевременно прибыть на службу. Также он указал, что в тот же день прошел медицинское освидетельствование, по результатам которого у него состояние опьянения было не установлено. Приведенные протоколы, акты и другие документы военный суд признал допустимыми доказательствами по делу об административном правонарушении, поскольку они составлены уполномоченными должностными лицами, получены в со-

ответствии с требованиями закона и полностью согласуются между собой. Судом был исследован представленный защитником обвиняемого лица акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения, по результатам которого у П. состояние опьянения было не установлено. Давая оценку указанному акту и доводам П. о том, что он самостоятельно прошел медицинское освидетельствование на состояние опьянения, которое у него не установлено, суд пришел к выводам, что состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, носит формальный характер, объективная сторона которого состоит из факта невыполнения водителем-военнослужащим законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Наличие или отсутствие состояния опьянения не является предметом исследования данного состава административного правонарушения, следовательно, не имеет значения для разрешения дела по существу, поэтому наличие акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения и доводы П. о самостоятельном прохождении медицинского освидетельствования, которым состояние опьянения не установлено, основанием для выводов суда о невиновности данного лица не являются. В судебном заседании была осмотрена видеозапись, которая подтвердила, что П. отказался от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. С учетом характера совершенного административного правонарушения, а также учитывая личность П., как военнослужащего, и его имущественное положение, положительную характеристику, а также смягчающие и отягчающие административную ответственность обстоятельства, судья пришел к выводу о назначении ему наказания в виде административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 8 месяцев.

Обращение к рассматриваемой тематике обусловлено принимаемыми Консти-

туционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации решений, затрагивающих спектр вопросов по управлению транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, в том числе и водителями-военнослужащими.

В одном из своих решений Конституционный Суд сделал акцент на то, что при отмене постановления об управлении транспортным средством в состоянии опьянения из-за процессуальных нарушений, изъять своевременно из баз данных информацию об опьянении конкретного водителя не всегда получится. Так, мировым судьей было принято решение о лишении водителя транспортного средства права управления транспортным средством за управление последним в состоянии опьянения (медицинское освидетельствование задержанного водителя показало наличие метамфетамина и дельта 9-гидроканнабиноловой кислоты в его анализе, которые превышали допустимые характеристики). Здесь требуется пояснить, что в кассационной инстанции постановление о наказании удалось отменить — суд обратил внимание, что инспектор ДПС начал процедуру освидетельствования водителя в связи с участием его автомобиля в дорожно-транспортном происшествии (ДТП), при этом иных оснований для освидетельствования (признаки опьянения — покраснение лица, поведение, не соответствующее обстановке и т.п.) в направлении на медицинское освидетельствование указано не было, что является нарушением процедуры: само по себе ДТП с пострадавшими не входит в число оснований, предусмотренных ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ для проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, а доказательств вынесения определения о возбуждении дела по ст. 12.24 КоАП РФ в материалах дела не имеется. После возвращения водительского удостоверения водитель транспортного средства потребовал у медицинской организации, в которой проводилось медицинское освидетельствование, компенсировать моральный

вред и удалить его персональные данные (а именно — сведения о результатах освидетельствования) из соответствующей базы данных, поскольку:

— по результатам спорного освидетельствования был составлен акт о нахождении водителя транспортного средства в состоянии наркотического опьянения, однако затем дело по ст. 12.8 КоАП РФ было прекращено;

— между тем, сведения о якобы имевшем месте факте употребления наркотиков у задержанного лица содержатся в информационных базах ответчика, они могут явиться основанием для постановки на учет к врачу-наркологу, и как следствие сделать невозможным продление срока действия водительского удостоверения истицы;

— при этом освидетельствование на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, является не только мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении, но и видом медицинской помощи. А ответчик допустил многочисленные нарушения порядка проведения медицинского освидетельствования — не оформил информационное добровольное согласие, работник истца не имел необходимой квалификации, проводил исследования на оборудовании и с использованием реагентов, не имеющих регистрационных удостоверений, что привело к ложноположительному результату, порочащего имя истица.

Однако суды всех инстанций отказали в удовлетворении этих требований, обосновав свое решение тем, что¹:

— доводы о проведении освидетельствования некомпетентным персоналом, возможной подмене объекта исследования либо его результатов уже проверялись судами при производстве по делу об админи-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 августа 2022 г. по делу № 8Г-7240/2022[88-7644/2022], апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 26 апреля 2022 г. по делу № 33-2607/2022.

стративном правонарушении и были отклонены судами как не нашедшие своего подтверждения;

— по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении акт медицинского освидетельствования недопустимым доказательством не признан;

— как указано в постановлении о прекращении дела об административном правонарушении, основанием для этого явились нарушения, допущенные сотрудником ГИБДД при направлении истца на медицинское освидетельствование;

— процедуру медицинского освидетельствования на состояние опьянения в рассматриваемом случае необходимо рассматривать как обязательный этап производства по делу об административном правонарушении, но не как самостоятельную услугу;

истец за медицинской помощью не обращался, был направлен в медицинскую организацию должностным лицом полиции и, по смыслу Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», пациентом не являлся;

— поэтому оформления индивидуального добровольного согласия на медицинское освидетельствование в указанном случае не требовалось;

— анализатор и реагенты, с помощью которых проводились спорные исследования, использовались на основании бессрочных регистрационных удостоверений, действующих в момент проведения освидетельствования;

— передача результатов освидетельствования сотрудникам полиции и в наркологический диспансер не является нарушением правил обработки персональных данных и врачебной тайны и не может рассматриваться как распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство. При этом правомерность возможной постановки на наркологический учет либо прекращения права управления транспортными средствами не является предметом

судебного разбирательства в рамках иска о компенсации морального вреда.

Не добившись успеха в судах общей юрисдикции, истец подал жалобу в Конституционный Суд, указывая на неконституционность ряда норм федерального законодательства, в том числе Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан», КоАП РФ и порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. По мнению истца, спорные нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют медицинским организациям проводить медицинское освидетельствование гражданина на состояние опьянения:

— в отсутствие в процессуальных документах сведений, указывающих на нахождение гражданина в состоянии опьянения;

— без получения индивидуального согласия на медицинское вмешательство;

— без информирования лица о правовых (договорных) основаниях оказания соответствующей медицинской услуги;

— специалистами, не обладающими необходимой для этого квалификацией;

— с использованием медицинских изделий, которые не прошли государственную регистрацию.

Однако Конституционный Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, поскольку, формально оспаривая конституционность перечисленных в жалобе нормативных актов, истца фактически настаивает на проверке порядка проведения в отношении него медицинского освидетельствования на состояние опьянения и выражает несогласие с принятыми по ее делу судебными актами¹.

Считаем целесообразным, для похожего примера, рассмотреть вопрос, когда со-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 2095-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки П. на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями ряда нормативных актов».

трудника, который находится в состоянии опьянения, допускать к работе нельзя.

Так, суд признал правомерным привлечение работодателя к ответственности в виде штрафа (30 тыс. руб.) за появление сотрудника на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения.

Согласно ст. 76 ТК РФ работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к работе) работника, появившегося на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. Вместе с тем, в нарушение этой нормы, а также ст. 22, 214 ТК РФ, работодатель допустил к работе сотрудника в состоянии опьянения, что было установлено государственной инспекцией труда при проведении расследования несчастного случая со смертельным исходом, произошедшего на территории организации. За допущенное нарушение требований ТК РФ на работодателя был наложен штраф¹.

Особым случаем является ситуация, когда водителя, которого лишили права управления транспортным средством за пьяное «феназепамовое» вождение, практически добился отмены административного наказания. Так, отменяя ранее состоявшиеся судебные акты и возвращая дело об административном правонарушении на новое рассмотрение, Верховный Суд в одном из своих решений отметил следующее:

— привлекая водителя транспортного средства к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, суд исходил из того, что по результатам химико-токсикологического исследования биологической среды освидетельствуемого обнаружено вещество «феназепам», вызывающее нарушение физических и психических функций организма, которые могут повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности. На основании данного обстоятельства судом сделан вывод о нарушении п. 2.7 Правил дорожного движения, которым запрещается управлять

транспортным средством, в том числе под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание;

— однако необходимо учитывать, что по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.8 КоАП РФ, доказательствами состояния опьянения водителя являются акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

— согласно п. 15 Порядка медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) медицинское заключение «установлено состояние опьянения» выносится при положительном результате повторного исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя или при обнаружении по результатам химико-токсикологических исследований в пробе биологического объекта одного или нескольких наркотических средств и (или) психотропных веществ;

— из спорного акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения следует, что по результатам исследования выдыхаемого воздуха наличие этилового спирта не обнаружено, результат исследования 0,00 мг/л, при этом в биологическом объекте освидетельствуемого по результатам химико-токсикологического исследования обнаружен феназепам. Однако лекарственное средство «Феназепам», а также его аналоги в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации², не внесены;

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». Решением Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2014 г. № АКПИ14-523, оставленным без изменения Определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № АПЛ14-426, данное постановление признано не противоречащим действующему законодательству в части, предусматривающей внесение изменений в Перечень по представлению ФСКН России без согласования с Минздравом России, а также в части

¹ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 мая 2023 г. № 16-1756/2023.

— из буквального толкования примечания к статье 12.8 КоАП РФ административная ответственность по названной норме закона наступает только за управление транспортным средством лицом, употреблявшим алкогольные напитки, наркотические средства или психотропные вещества;

— следовательно, выводы судов о нахождении водителя в момент управления транспортным средством в состоянии опьянения являются преждевременными;

— при этом КС РФ в Постановлении от 24 ноября 2022 г. № 51-П указал на то, что впредь до внесения в законодательство необходимых изменений управление транспортным средством лицом, употребившим лекарственные препараты, не содержащие этилового спирта, наркотических средств и психотропных веществ, не может служить основанием для привлечения к ответственности, предусмотренной ст. 12.8 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

В Постановлении Верховного Суда от 5 сентября 2023 г. № 41-АД23-7-К4 содержится решение, отменяющее судебное решение нижестоящего суда о наказании водителя, принявшего трамадол и габапентин. Суть дела: водитель транспортного средства был привлечен к административному наказанию в виде полутора лет лишения права управления транспортным средством за управление последним в состоянии опьянения — в ходе медосвидетельствования в его анализе были обнаружены габапентин и трамадол. Учитывая данные доводы, Верховный Суд Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласился и отправил дело на новое рассмотрение. В своем решении Верховный Суд, указал, что:

— основанием полагать, что водитель находится в состоянии опьянения, послужили выявленные у него сотрудником ДПС ГИБДД признаки опьянения —

отнесения к наркотическим средствам Перечня производных №-метилэфедрона, (нафталин-1-ил)(1-пентил-1Н-индол-3-ил) метанон (JWH-018), эфедрона (меткатинон), за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в Перечень.

нарушение речи, поведение, не соответствующее обстановке, резкое изменение окраски кожных покровов лица. Поскольку по результатам освидетельствования на состояние алкогольного опьянения наличие этилового спирта в выдыхаемом воздухе не обнаружено, водитель был направлен на медицинское освидетельствование на состояние опьянения;

— согласно п. 15 Правил проведения такого освидетельствования медицинское заключение «установлено состояние опьянения» выносится, в частности, при положительном результате повторного исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя или при обнаружении по результатам химико-токсикологического исследования в пробе биологического объекта одного или нескольких наркотических средств и (или) психотропных веществ;

— между тем в биологическом объекте освидетельствуемого по результатам химико-токсикологического исследования обнаружены габапентин (противоэпилептическое средство) и трамадол (обезболивающее). Однако ни эти лекарственные средства, ни их аналоги не включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства России от 30 июня 1998 г. № 681.

Таким образом, в завершении рассмотрения актуальных вопросов административного процессуального права Российской Федерации, авторы статьи приходят к выводу о том, что законодательная база, регламентирующая привлечение водителя-военнослужащего к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, достаточно объемная. Вместе с тем, она позволяет вполне успешно привлекать виновных лиц-военнослужащих к административной ответственности за управления транспортным средством в состоянии опьянения. Это способствует укреплению воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Библиография

Аникин, И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / И.А. Аникин // Административное право и процесс. — 2015 — № 7 — С. 75—78.

Раков, А.В. К вопросу рассмотрения военными судами дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 5 (310). — С. 45—52.

Сотникова, В.В. Об оценке состояния опьянения военнослужащего, совершившего административное правонарушение (по материалам военно-судебной практики) / В.В. Сотникова, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 8 (313). — С. 73—79.

Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев; К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — Москва: За права военнослужащих, 2011. — 332 с.

Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации

© **Наумов Петр Юрьевич,**

кандидат педагогических наук, помощник начальника ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации» по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения;

© **Утюганов Андрей Анатольевич,**

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры тактики и служебно-боевого применения ФГКВОУ ВО «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»;

© **Кононов Алексей Николаевич,**

кандидат педагогических наук, начальник кафедры теории и истории государства и права ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. В статье путем изучения специфики деятельности, требований нормативных правовых актов и практики организации правового обеспечения раскрываются некоторые особенности деятельности правовых (юридических) подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации. Для решения этой задачи приведены виды медицинских организаций, в которых созданы правовые подразделения, раскрыто предназначение этих организаций. Изучаются основные задачи и функции правовых подразделений медицинских организаций, анализируются основные направления их служебной деятельности, а также аспекты, подлежащие правовому сопровождению. Полученные в исследовании результаты можно использовать в дальнейшем познании проблемных аспектов военного права, а также при обучении юристов по военно-правовой специализации.

Ключевые слова: правовые подразделения; правовая работа; установленные сферы деятельности; правовое обеспечение; медицинская деятельность; медицинская помощь; охрана здоровья граждан.

Some features of the organization and activities of legal divisions of medical organizations of the National Guard troops of the Russian Federation

© **Naumov P.Y.,**

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Federal State Clinical Institution «Main Military Clinical Hospital of the National Guard of the Russian Federation» for legal work - Head of the Legal Support Department;

© Utyuganov A.A.,

candidate of psychological sciences, teacher of the department of tactics and service-combat use of the Perm Military Institute of the National Guard of the Russian Federation;

© Kononov A.N.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the «Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation»

Annotation. By studying the specifics of activities, the requirements of regulatory legal acts and the practice of organizing legal support, the article reveals some features of the activities of legal (legal) divisions of medical organizations of the National Guard troops of the Russian Federation. To solve this problem, the types of medical organizations in which legal divisions have been created are given, and the purpose of these organizations is revealed. The main tasks and functions of the legal departments of medical organizations are studied, the main directions of their official activities are analyzed, as well as aspects that are subject to legal support. The results obtained in the study can be used in further knowledge of problematic aspects of military law, as well as in training lawyers in military legal specialization.

Key words: legal divisions; legal work; established areas of activity; legal support; medical activities; health care; protecting the health of citizens.

Построение эффективного медицинского обеспечения армии и иных вооруженных формирований с древнейших времен считаются важными и необходимыми мероприятиями. Солдаты и офицеры, входящие в состав любых вооруженных сил, предназначены для участия в боевых действиях, войнах и вооруженных конфликтах, участие в которых неизбежно связано с поддержанием и восстановлением здоровья, ранениями и заболеваниями личного состава¹. В связи с этим, от уровня, скорости оказания и качества медицинской помощи зависит не только то, насколько быстро раненые и больные вернутся в строй². Качественная и своевременная ме-

дицинская помощь существенно оказывает влияние на боевой дух своей армии и подрывает моральное состояние противника³.

В последние годы глава государства для совершенствования организации публичной власти в сфере обеспечения национальной безопасности при реформировании ее системы производил весьма понятный акцент на дальнейшее повышение эффективности деятельности, совершенствование функций и структуры правоохранительных органов⁴.

области медицины и здравоохранения в условиях чрезвычайных ситуаций. М.: Издательство Истоки, 2007.

³ Большакова В.М. Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30—37.

⁴ Асеев А.Г., Большакова В.М., Бабарыкин О.В., Наумов П.Ю. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 52—57.

¹ Холиков, И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации // Современное право. 2010. № 3. С. 23—28; Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336 № 8. С. 51—57.

² Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002; Холиков И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в

В целях укрепления законности и правопорядка, обеспечения государственной и общественной безопасности, охраны прав и свобод человека и гражданина, на основании Указа Президента России была образована новая государственная военная организация и федеральный орган исполнительной власти — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, который согласно структуры федеральных органов исполнительной власти относится к органам, руководство деятельностью которых и осуществляет Президент России¹.

Также Президентом Российской Федерации постановлено следующее: образовать Росгвардию и преобразовать внутренние войска МВД России в войска национальной гвардии Российской Федерации². Несмотря на то, что в новой редакции подп. «д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации в качестве подчиненного Президенту Российской Федерации органа Росгвардия не поименована, сущность ее деятельности детерминировано важностью решения возложенных на неё законом задач³.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих войск национальной гвардии, особенности реализации этого права и порядок оказания медицинской помощи в лечебных, лечебно-поликлинических и профилактических ведомственных медицинских организаци-

ях, медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения установлены ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей» и другими нормативными правовыми актами⁴.

В настоящее время для оказания медицинской помощи военнослужащим и сотрудникам войск национальной гвардии Российской Федерации имеется восемь военных госпиталей, семь санаториев, два отдельных медико-санитарных батальона, один клиничко-диагностический центр, Главный центр государственного санитарно-эпидемиологического надзора, четыре окружных центра госсанэпиднадзора, восемьдесят три группы медицинского обеспечения в территориальных управлениях Росгвардии, медицинские подразделения организаций, соединений и воинских частей. Ежегодно стационарная медицинская помощь оказывается более чем 30 тыс. человек, около 20 тыс. человек проходят санаторно-курортное лечение, оздоровительный отдых и медико-психологическую реабилитацию в войсковых здравницах⁵.

¹ Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумов П.Ю. [и др.] К новой реформе правоохранительных структур? (Комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти») // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 4 (273). С. 79—85.

² Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. [и др.] Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 83—89.

³ Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумов П.Ю. [и др.] К новой реформе правоохранительных структур?

⁴ Наумова Л.Ю., Пятилышнова О.М. [и др.] Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 10. С. 77—82.

⁵ Официальный сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: [https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/medicinskie-](https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/medicinskie)

В соответствии с ч. 11 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская организация — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Положения названного Федерального закона, регулирующие деятельность медицинских организаций, распространяются на иные юридические лица независимо от организационно-правовой формы, осуществляющие наряду с основной (уставной) деятельностью медицинскую деятельность, и применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности¹.

Согласно номенклатуре медицинских организаций (приказ Минздрава России от 6 августа 2013 г. № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций») в войсках национальной гвардии действуют медицинские организации по виду медицинской деятельности (лечебно-профилактические (госпиталя, санатории, клинично-диагностический центр), по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Главный центр государственного санитарно-эпидемиологического надзора, окружные центры госсанэпиднадзора), особого типа (Центр военно-врачебной экспертизы), являющиеся по территориальному признаку федеральными учреждениями здравоохранения.

Помимо задач оказания медицинской помощи раненым и больным, восстановления и поддержания здоровья личного со-

става, осуществления фармацевтической, а также иных видов лицензируемой деятельности перед медицинскими организациями и их коллективами стоят задачи, непосредственно связанные с организацией и осуществление правовой работы, поскольку одним из обязательных и основных признаков правового государства является господство закона, а реализация принципа законности в деятельности любых организаций или граждан является в России конституционно-значимой ценностью².

В основе принципа законности, пронизывающего все сферы деятельности государства и закрепленного в основном законе страны, лежит властное предписание о том, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Огромную роль в решении задач поддержания законности занимают юридические службы, которые созданы для её укрепления и проведения правовой работы в соответствующем органе государственной власти³. Кроме того, сохраняется роль правовой работы в создании оптимальных условий для выявления состояния и формирования правосознания как фактора поведения военнослужащих, их компетентного общественного мнения по вопросам положения сил обороны и безопасности в обществе, борьбы с преступностью, коррупцией, повышения правовой подготовки военнослужащих, активизации их участия в правотворчестве и правоприменении⁴.

² Бабайцева Е.С., Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

³ Землин А.И., Рощин С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 37—44.

⁴ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121—128; Холиков И.В. Актуальные вопросы правового

organizacji [Электронный ресурс], дата обращения 15.08.2023.

¹ Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 30—38.

При рассмотрении деятельности медицинской (военно-медицинской) организации в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» медицинская деятельность подлежит лицензированию в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Исключение составляют медицинские пункты, корабельные медицинские службы, медицинские взводы, медицинские роты, медицинские отряды, медицинские отряды специального назначения, госпитальные суда, мобильные медицинские группы Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также медицинские роты, медицинские пункты, лазареты, центры соединений, воинских частей и организаций войск национальной гвардии Российской Федерации, осуществляющие свою деятельность без лицензирования. Указанные законоположения установлены ч. 3 ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» и ч. 6 ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹.

Правовая работа в деятельности медицинских организаций и учреждений не на всех исторических этапах организовывалась достаточно эффективно. Это отчасти объяснялось высокой степенью детальной регламентации деятельности медицинских

работников подзаконными правовыми актами Минздрава России (что, как показывает историко-правовой анализ, традиционно для нашей страны страдает несовершенством предписаний, недостатками в работе судебной системы, а также некоторой «инертностью» значительной части населения России в части защиты своих прав и законных интересов при оказании некачественной или небезопасной медицинской помощи².

В последние годы наблюдается тенденция к росту внимания контролирующих органов к деятельности медицинских организаций, уровню качества оказываемых ими медицинских и иных услуг, усиленному контролю и надзору за соблюдением правовых предписаний в сфере охраны здоровья граждан и благополучия человека³.

Другой тенденцией, которая наметилась в последние годы, является рост активности пациентов в сфере судебной защиты своих прав и законных интересов при получении ими медицинских и сопутствующих услуг. Так сегодня получают распространение иски, возникающие из споров об объеме, правильности подбора, эффективности и качестве медицинских услуг, оказанных пациентам, иски о компенсации морального вреда, причиненного в результате ятрогенных факторов или по иным причинам⁴.

Сейчас некавалифицированная работа как медицинского персонала военно-медицинской организации, так и правового подразделения, осуществляющего защиту их интересов, могут повлечь серьезные и длительные финансовые и репутационные риски для этого учреждения.

обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 12(293). С. 116—120.

¹ Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49—56.

² Исхаков Э.Р. Особенности обеспечения и защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также прав пациентов в нормативно-правовых актах допетровской Руси // *История государства и права*. 2012. № 20. С. 25—29.

³ Викулова Н.Н. Предоставление медицинскими организациями платных медицинских услуг: анализ судебной практики // *Административное право*. 2015. № 1. С. 15—20.

⁴ Канунникова Л.В. Компенсация морального вреда по искам о качестве медицинских услуг // *Медицинское право*. 2014. № 6. С. 22—26.

Что касается финансовых потерь, которые может понести военно-медицинская организация (в результате взыскания компенсации за причиненный вред пациенту или по иным причинам), то под ним в соответствии с Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» возмещение ущерба, причиненного военнослужащими третьим лицам, а также уплаченные воинской частью неустойки (штрафы, пени) и компенсации в связи с неправомерными действиями (бездействием) военнослужащих.

Основными направлениями деятельности юридической службы военно-медицинской организации, как и в любой другой воинской части (организации) войск национальной гвардии является организационно-правовая работа (ее планирование, оформление результатов, совещательные мероприятия, комплектование юридической службы, материально-техническое обеспечение) нормотворческая деятельность (деятельность по разработке, сопровождению, утверждению, хранению и изменению правовых актов), правовой контроль (правовая экспертиза проектов правовых актов и многих других документов), судебно-исковая работа (представление интересов по поданным военно-медицинской организацией искам, защита по предъявленным искам, осуществление защиты по делам об административных правонарушениях), информационно-правовое обеспечение (консультирование персонала и пациентов, ведение учета нормативных правовых актов и содержание информационно-правовых систем). Деятельность юридической службы военно-медицинской организации не по форме, а по содержанию и специфике отличается от деятельности юридических служб в других военных организациях.

Важнейшим аспектом деятельности должностных лиц правового подразделения военно-медицинской организации войск национальной гвардии России является представление интересов и защита правовыми средствами медицинской организации. В этом плане ключевой является способность и готовность юриста пра-

вильно организовать процедуру доказывания по делу. Порядок доказывания по «медицинским делам» можно условно разделить на основанные направления, которые характерны и для дел по иным предметам спора: а) собирание доказательств; б) проверка доказательств; в) оценка доказательств; г) представление доказательств суду; д) юридическое сопровождение доказательств в ходе судебных разбирательств. При этом к собиранию доказательств по медицинским делам следует относить действия по обнаружению, фиксации и классификации доказательств, необходимых для обоснования правильности проведения конкретных медицинских вмешательств¹.

Отдельно хотелось бы отметить, что к доказательствам, которые могут быть представлены в суд, и в которых могут содержаться сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дел, связанных с судебной защитой военно-медицинских организаций относится: материалы и результаты медицинских экспертиз: судебно-медицинской экспертизы (акты, справки, заключения и др.), военно-врачебной экспертизы, а также документы, образующиеся в деятельности военно-врачебных комиссий (протоколы заседаний, справки, акты и др.); информированные добровольные согласия на проведение соответствующих видов медицинских вмешательств и отказы от медицинского вмешательства; протоколы консилиумов врачей; результаты проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) оформленные актом проверки; акт проверки и иные документы, полученные по результатам проведения ведомственного контроля качества и без-

¹ Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 78—86; Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций / В.М. Большакова // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210—217.

опасности медицинской деятельности; протоколы заседаний врачебной комиссии и ее подкомиссий ; материалы оценки и внутреннего контроля качества медицинской деятельности; медицинские справки и заключения ; материалы договоров на оказание платных медицинских услуг; документы (справки, расчеты, договоры, прайс-листы, приказы об установлении цен) в обоснование стоимости медицинских услуг; медицинская документация (медицинские карты и документы) содержащие сведения об установлении диагноза основного и сопутствующих заболеваний, проведении обследования и лечения, назначении лекарственных средств и т.д., образующиеся в ходе оказания медицинской помощи; материалы рассмотрения обращений граждан и организаций (ответы на обращения, разбирательства по фактам обращений, заключения должностных лиц по результатам рассмотрения обращений); материалы расследования (проверки) обстоятельств получения увечья (ранения, травмы, контузии), гибели (смерти) (справки об обстоятельствах наступления страхового случая, справки о травме, справки о тяжести увечья (ранения, травмы, контузии), полученного застрахованным лицом); материалы расследования несчастных случаев на производстве¹.

Немаловажным аспектом в деятельности юридических подразделений медицинских организаций выступает формирование базы локальных правовых актов. Их значение существенно возрастает в контексте роста хозяйственной самостоятельности медицинских учреждений как субъектов гражданско-правовых отношений. Именно построение оптимальной системы локальных правовых актов каждой медицинской организации фактически выступает базовым, первичным элементом её надлежащего повседневного функционирования, а также обеспечивает качество оказания медицинской помощи. При этом такое функционирование не ограничивается исключительно взаимодействием между медицинской организацией и пациентом, но и напрямую затрагивает внутреннюю

организацию работы, как самого медицинского учреждения, так и комплекс трудовых правоотношений такой организации и медицинских работников².

Важным аспектом деятельности юридического подразделения военно-медицинской организации является участие в проведении проверок в рамках государственного (муниципального) контроля, защита правовыми средствами интересов медицинской организации при осуществлении контрольной и надзорной деятельности, а также производстве по делам об административных правонарушениях. Для эффективного представления интересов в таких делах (вопросах) необходимы обширные знания и практические умения в области организации общественного здравоохранения, формирования доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья, порядка исполнения контрольно-надзорной деятельности. При получении новых видов лицензий на различные виды медицинских работ (услуг) также необходимо организовать правовое обеспечение лицензирования медицинской деятельности и обращения с лекарственными препаратами.

Принимает участие правовое подразделение военно-медицинской организации и в рассмотрении обращений (заявлений, жалоб) военнослужащих и иных граждан, организаций, а также организации и осуществлении наделения полномочиями должностных лиц, выдаче доверенностей пациентам и проведении их правовой экспертизы.

Для осуществления правовой работы в медицинских организациях, с учетом особенностей их деятельности, необходимы высококвалифицированные специалисты юридического профиля, обладающие специальными знаниями в области правового регулирования общественного здравоохранения, оказания медицинской помощи, фармацевтической деятельности. Вопрос подготовки подобных специалистов для деятельности в составе юридической

¹ Там же.

² Хзаян, Н.Н. Локальные правовые акты медицинских учреждений // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 41—50.

службы военно-медицинских организаций остается актуальным, поскольку образовательные программы по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» направлены в основе своей на формирование общей юридической подготовленности специалиста. Для эффективной работы в юридической должности в военно-медицинской организации таким специалистам целесообразно проходить повышение квалификации по соответствующим программам дополнительного профессионального образования в образовательных организациях высшего образования, где организована подготовка в области медицинского права.

В настоящее время на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова, Алтайского государственного медицинского университета, Новосибирского государственного медицинского университета функционируют кафедры медицинского права. Также кафедры, на которых изучаются различные аспекты медицинского права, созданы в Астраханской государственной медицинской академии, Московском государственном медикостоматологическом университете имени А.И. Евдокимова, Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, Самарском государственном медицинском университете и других образовательных организациях. Изучению правовых аспектов оказания медицинской помощи населению и отдельным категориям граждан посвящены образовательные программы (в том числе магистратуры) в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Правовое регулирование обращения технологий здравоохранения), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Правовое обеспечение управления в сфере здравоохранения. Медицинское право), Нижегородском национальном исследовательском государственном университете имени Н.И. Лобачевско-

го (Юрист в здравоохранении) и других вузах.

Помимо знаний в области специфических аспектов деятельности в сфере медицины (нормативного порядка проведения медицинского обследования и освидетельствования, объема, качества и безопасности предоставляемых медицинских услуг, проведения судебно-медицинских, психиатрических, военно-врачебных и иных экспертиз), такие специалисты фактически должны быть универсальными работниками во всей правовой сфере, а именно — в области служебного, трудового, гражданского, административного, арбитражного, жилищного и иных прав, нормы которых ежедневно применяются при осуществлении организации медицинской и фармацевтической деятельности, договорной, претензионной и судебной работы.

Библиография

1. Асеев, А.Г. К новой реформе правоохранительных структур? (Комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти») / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов [и др.] // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 4 (273). — С. 79—85.
2. Асеев, А.Г. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, О.В. Бабарыкин, П.Ю. Наумов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 6 (275). — С. 52—57.
3. Асеев, А.Г. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, Л.Ю. Наумова [и др.] // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 1 (270). — С. 83—89.
4. Бабайцева, Е.С. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военным служащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования / Е.С. Бабайцева, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // *Военное право.* — 2021. — № 5 (69). — С. 78—86.
5. Бабайцева, Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева,

И.В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.

6. Большакова, В.М. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, А.Н. Кононов // Военное право. — 2021. — № 2 (66). — С. 210—217.

7. Большакова В.М. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2 (283). — С. 30—37.

8. Большакова, В.М. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4(285). — С. 30—38.

9. Большакова, В.М. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 12-1. — С. 49—56.

10. Викулова, Н.Н. Предоставление медицинскими организациями платных медицинских услуг: анализ судебной практики / Н.Н. Викулова // Административное право. — 2015. — № 1. — С. 15—20.

11. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4 (65). — С. 121—128.

12. Землин, А.И. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации /

А.И. Землин, С.Р. Рошин // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 37—44.

13. Исхаков, Э.Р. Особенности обеспечения и защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также прав пациентов в нормативно-правовых актах допетровской Руси / Э.Р. Исхаков // История государства и права. — 2012. — № 20. — С. 25—29.

14. Канунникова, Л.В. Компенсация морального вреда по искам о качестве медицинских услуг / Л.В. Канунникова // Медицинское право. — 2014. — № 6. — С. 22—26.

15. Наумова, Л.Ю. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи / Л.Ю. Наумова, О.М. Пятильшнова [и др.] // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 10. — С. 77—82.

16. Хзанян, Н.Н. Локальные правовые акты медицинских учреждений / Н.Н. Хзанян // Журнал российского права. — 2014. — № 11. — С. 41—50.

17. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И. В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120.

18. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. — 160 с.

19. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 336. — № 8. — С. 51—57.

20. Холиков, И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области медицины и здравоохранения в условиях чрезвычайных ситуаций / И.В. Холиков. — Москва: Изд. «Истоки», 2007. — 260 с.

21. Холиков, И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации / И.В. Холиков // Современное право. — 2010. — № 3. — С. 23—28.

Административно-правовое регулирование правил пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа проблем
пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы административно-правового регулирования правил пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами. В работе анализируются правовые дефиниции «пути международного сообщения», «международные транспортные коридоры», «воздушные коридоры», «морские коридоры со схемами разделения движения», а также их соотношение и использование в правотворческой деятельности.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, государственная граница, пути международного сообщения, международные транспортные коридоры, воздушные коридоры, морские коридоры со схемами разделения движения.

Administrative and legal regulation of the rules of crossing the state border of the Russian Federation by persons and vehicles

© Nekrasov A.A.,
Doctor of Military Sciences, Professor, Leading
Researcher at the Center for Analysis of Border
Security Problems

Annotation. The article examines the problematic issues of administrative and legal regulation of the rules of crossing the state border of the Russian Federation by persons and vehicles. The paper analyzes the legal definitions of "international communication routes", "international transport corridors", "air corridors", "sea corridors with traffic separation schemes", as well as their correlation and use in law-making activities.

Keywords: administrative and legal regulation, state border, international communication routes, international transport corridors, air corridors, sea corridors with traffic separation schemes.

Административно-правовое регулирование является разновидностью правового регулирования. В связи с этим его можно определить, как направленное воздействие на общественные отношения в сфере государственного управления системой административно-правовых средств регулирования, закрепленных в нормах действующего законодательства¹.

В развитие данных положений большинство авторов, исследовавших содержание административно-правового регу-

лирования различных областей общественных отношений, в том числе в областях регулирования административно-правовых режимов, выделяют в них правотворческую, правоприменительную и правоохранительную составляющие. Это дает основание рассматривать содержание административно-правового регулирования правил пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами как единство осуществляемых уполномоченными субъектами этих трех видов деятельности².

¹ Савостин А.А. Методы административно-правового регулирования общественных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 12.

² Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Изд-во БЕК, 1995. С. 216; Розанов И.С. Административно-правовые режимы по

Исследование всех составляющих содержание административно-правового регулирования правил пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами требует отдельного научного исследования¹. Поэтому в данной статье будет рассмотрена только правотворческая составляющая.

Необходимо отметить, что правила пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами являются составной частью режима государственной границы Российской Федерации. Данный режим с учетом его правовой основы относится к числу международно-правовых режимов, хотя в нем присутствует достаточное количество административно-правовых норм. Следовательно, и режим пересечения государственной границы Российской Федерации лицами и транспортными средствами регулируется как международно-правовыми, так и административно-правовыми нормами.

Рассмотрим данное утверждение более подробно.

законодательству Российской Федерации, их предназначение и структура // Государство и право. 1996. № 6. С. 84—91; Бахрах Д. Н. Административное право. М.: Бек, 1996. С. 203; Атаманчук Г. В. Административное право. М.: РАГС, 2003. С. 148; Саклаков П. Н. Административно-правовые режимы, применяемые для обеспечения пограничной безопасности Российской Федерации : монография. М. 2006. С. 16. и др.

¹ Отдельные вопросы административно-правового регулирования рассматривались в работах: Аулов В. К., Туганов Ю. Н. Проекты нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21—25; Туганов Ю. Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 15—21; Туганов Ю. Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 1 (199). С. 10—19 и др.

В ст. 9 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон о границе) установлено, что пересечение Государственной границы на суше лицами и транспортными средствами осуществляется на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения. Однако анализ международных правовых актов и российского законодательства позволяет высказать сомнения в легитимности дефиниции «пути международного сообщения».

Нелегитимность данного термина доказывается тем, что он, за исключением Закона о границе, не применяется ни в международных правовых актах, ни в российском законодательстве в сфере транспортного сообщения. Кроме того, в законодательстве о государственной границе не дается определения содержания данной дефиниции.

Вместе с тем, необходимо отметить, что современные международные автомобильные, воздушные, железнодорожные, морские, речные и трубопроводные коммуникации образуют единую связующую сеть, обеспечивающую доставку людей и грузов в любую точку мира. Это достигается путем использования международных транспортных коридоров (далее — МТК).

Впервые вопросы организации и оформления МТК были рассмотрены на Второй общеевропейской конференции по транспорту (о. Крит, март 1994 г.). Было принято решение о создании 9 транспортных коридоров и 13 ответвлений от них. На Конференции было зафиксировано, что «МТК — совокупность магистральных транспортных коммуникаций различных видов транспорта с соответствующей инфраструктурой, обеспечивающей перевозки в международном сообщении на направлениях их большей концентрации»².

В резолюции Конференции указано, что МТК ориентированы на все виды

² Резолюция Второй общеевропейской конференции по транспорту (о. Крит, март 1994 г.) // URL: <http://www.cyberleninka.ru> (Дата обращения: 11.08.2023).

транспорта — автомобильный, железнодорожный, водный и авиационный.

В Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (далее — Транспортная стратегия) дается несколько иное определение МТК, хотя его содержание не имеет существенных различий. Так, в Транспортной стратегии отмечено, что «Международный транспортный коридор» — совокупность маршрутов, проходящих по территориям государств и обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении на направлениях их наибольшей концентрации, а также совокупность технологических и организационно-правовых условий осуществления этих перевозок»¹ (рис.).

Вероятно, термин «пути международного сообщения», применяемый в Законе о границе, следует заменить на «сухопутные МТК», установив для него следующее определение: *сухопутный международный транспортный коридор* — совокупность железнодорожных и автомобильных маршрутов, проходящих по территориям государств и обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении на направлениях их наибольшей концентрации, а также совокупность технологических и организационно-правовых условий осуществления этих перевозок.

Далее в Законе о границе отмечается, что воздушные суда пересекают Государственную границу по специально выделенным воздушным коридорам пролета с соблюдением правил, устанавливаемых Правительством Российской Федерации и публикуемых в документах аэронавигационной информации.

Воздушный коридор пересечения государственной границы Российской Федерации — часть воздушного пространства над государственной границей Российской Федерации, определенная для пересечения ее воздушными судами, выполняющими международные полеты. Он обозначается

географическими координатами точки пересечения участка воздушной трассы или местной воздушной линии, открытых для международных полетов.

Воздушный коридор по представлению заинтересованных организаций разрабатывается и утверждается Минобороны России по согласованию с ФСБ России и публикуется в перечне воздушных коридоров пересечения государственной границы Российской Федерации².

К российским границам ведут более 20 международных воздушных трасс. В основном они заканчиваются в международных аэропортах России или являются транзитными,

Установление правил пересечения государственной границы воздушными судами относится в основном к области внутренней компетенции государства. Из признания этого факта исходит Чикагская конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. (далее — Чикагская конвенция). В соответствии со ст. 11 Чикагской конвенции законы и правила, касающиеся допуска на его территорию или убытия с его территории воздушных судов, занятых в международной авиации, применяются к воздушным судам всех Договаривающихся государств без различия их национальности и соблюдаются такими воздушными судами при прибытии, убытии или во время пребывания в пределах территории этого государства. Этим государства-участники Чикагской конвенции зафиксировали, что законы каждой из стран, регулирующие полеты в суверенном воздушном пространстве, взаимно признаются и соблюдаются при международных полетах воздушных судов, их регистрации в пределах территории других государств. Аналогичным образом заключают двусторонние соглашения о воздушном сообщении, содержащие в обязательном порядке статью о применении законов о допуске и вылете к воздушным судам другой стороны.

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р.

² Пограничный словарь. М.: Академия ФПС России, 2002.

Рис. — Система международных транспортных коридоров, проходящих по территории России

Вместе с тем, Международная организация гражданской авиации (ИКАО) разрабатывает общие требования к составлению карт, к физическим характеристикам, конфигурации, материальной части, техническим характеристикам, персоналу или правилам, единообразное применение которого признается необходимым для обеспечения безопасности или регулярности международной аэронавигации и которые должны соблюдать участники Конвенции¹.

В Российской Федерации Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации, разрабатываются Правительством Российской Федерации в соответствии с Воздушным кодексом Российской Федерации и Конвенцией о международной гражданской авиации. В них установлено, что пересечение государственной границы Российской Федерации воздушными судами при выполнении международных полетов осуществляется по воздушным коридорам

пролета государственной границы Российской Федерации².

Анализ содержания Закона о границе, показывает, что в нем остается неурегулированным вопрос пересечения судами морской государственной границы Российской Федерации.

Вместе с тем данный порядок определен как международными правовыми актами, так и российским законодательством. Так, в статье 22 Конвенции ООН по морскому праву (Морские коридоры и схемы разделения движения в территориальном море) установлено, что прибрежное государство в случае необходимости и с учетом безопасности судоходства может потребовать от иностранных судов, осуществляющих право мирного прохода через его территориальное море, пользоваться такими морскими коридорами и схемами разделения движения, которые оно может установить или предписать для регулирования прохода судов.

¹ Аэронавигационные карты: Приложение 4 к Конвенции о международной гражданской авиации.

² Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138.

Эта норма международного права закреплена в ст. 13 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», в которой определено, что морские коридоры и схемы разделения движения в территориальном море разрабатываются федеральным органом исполнительной власти по обороне, утверждаются Правительством Российской Федерации и публикуются в «Извещениях мореплавателям».

В Российской Федерации компетентной национальной гидрографической организацией, ответственной за опубликование «Извещений мореплавателям», является Управление навигации и океанографии Минобороны России, которое издает «Извещения мореплавателям» еженедельно и отдельными выпусками, подразделяющимися по характеру публикуемой информации на постоянные, временные и предварительные. Кроме того, ежегодно в первом номере «Извещений мореплавателям» публикуются новые источники российского морского законодательства.

Следовательно, ст. 9 Закона о границе (пересечение Государственной границы лицами и транспортными средствами) необходимо дополнить абзацем следующего содержания: «Российские и иностранные суда, иностранные военные корабли и другие государственные суда, эксплуатируемые в некоммерческих целях, пересекают Государственную границу на море по морскими коридорам и схемам разделения движения».

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что МТК, проходящие по российской территории, следует классифицировать следующим образом:

- сухопутные международные транспортные коридоры;
- воздушные коридоры;
- морские коридоры со схемами разделения движения.

Соответственно, данные понятия должны быть отражены в Законе о границе.

Под административно-правовым регулированием правил пересечения государственной границы Российской Федерации следует понимать осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей, актов применения права) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения, связанное с пересечением государственной границы лицами и транспортными средствами, с целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в пограничной сфере.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права / С.С. Алексеев. — М.: Изд-во БЕК, 1995.
2. Атаманчук, Г. В. Административное право / Г.В. Атаманчук. — М.: РАГС, 2003.
3. Аулов, В.К. Проекты нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.
4. Бахрах, Д. Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. — М.: Бек, 1996.
5. Розанов, И. С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их предназначение и структура / И.С. Розанов // Государство и право. — 1996. — № 6. — С. 84—91.
6. Саклаков, П. Н. Административно-правовые режимы, применяемые для обеспечения пограничной безопасности Российской Федерации: монография / П.Н. Саклаков. М., 2006. С. 16.
7. Савостин, А.А. Методы административно-правового регулирования общественных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Савостин. — М., 2006.
8. Туганов, Ю.Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 6 (204). — С. 15—21.
9. Туганов, Ю.Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 1 (199). — С. 10—19.

Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования

© Овчаров Олег Андреевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. Статья является продолжением разговора, начатого в предыдущих статьях (см.: Военное право, 2023, № 4, с. 86—92; № 5, с. 49—56). В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные вопросы правового регулирования целей и задач военного духовенства в части совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации командирами, заместителями по военно-политической работе, личным составом и военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере, с учетом произошедших изменений в законодательстве, кратко рассмотрены некоторые недостатки и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: правовая работа, право военнослужащих на свободу вероисповедания, военное духовенство, военная служба, духовно-нравственные ценности, духовно-просветительская работа.

The goals and objectives of the military clergy: the problems of their legal regulation

© Ovcharov O.A.,
candidate of legal Sciences

Annotation. The article is a continuation of the conversation started in the previous article (see: Military Law, 2023, No. 4, pp. 86-92; No. 5, pp. 49-56). The article briefly discusses and analyzes certain issues of legal regulation of the goals and objectives of the military clergy in terms of improving legal work in the field of state-church relations when commanders, deputies for military-political work, personnel and military clergy exercise their powers in the religious sphere, taking into account the changes in legislation, briefly discusses some shortcomings and possible ways of their solution are proposed.

Key words: legal work, the right of military personnel to freedom of religion, military clergy, military service, spiritual and moral values, spiritual and educational work.

Седьмая проблема — проблема прямого подчинения военного духовенства и вмешательство командования в его религиозную деятельность в войсках, включая корректировку целей и задач деятельности военных священников.

Возложение на военное духовенство государством задач, не свойственных религиозной деятельности священства и самих религиозных организаций, создает проблемы с подчинением военных священнослужителей командирам, а с этим подчинением создает условия для вмешательства командования (государства) в деятельность религиозной организации, которую представляет капеллан в войсках. Это входит в противоречие с принципом отделения религиозных объединений

(включая военное духовенство) от государства, закрепленным в России статьей 14 Конституции России. Негативных примеров такого вмешательства командования в религиозную деятельность военного духовенства можно привести много как в нашей отечественной истории, так и в мировой практике. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Один из благочинных по делу о неудовольствиях, возникших между полковым командиром и священником того полка, очень характерно высказался, что, «полковники, если пожелают, в каждом поступке священника, касающемся церковного благочестия, могут найти нарушения субординации». Всего чаще командиры из иноверцев по своему религиоз-

ному фанатизму становились во враждебные отношения к полковому духовенству и, не понимая значение православных обрядов, нередко давали священнику приказание служить обедню в неурочное время, или назначали вместо панихиды — молебен и пр. Замечания священника относительно благопристойности военных чинов в церкви, добросовестное и неспешное исполнение богослужения подвергали его упрёкам со стороны военного начальства. Иногда протесты священников против незаконных требований полковых командиров были недействительны. Самоуправство командиров нередко проявлялось в предписаниях полковым священникам совершать браки без соблюдения формальностей, требуемых законом, в приказании отправлять требы по полкам, расположенным по разным местам, без выдачи на это прогонов¹.

В указе Св. Синода от 29 ноября 1776 г. прописано: «того года, ноября 14 дня, Св. Синоду, член онаго преосвященный Иннокентий, архиепископ Псковский, доношением представил, что минувшего 17 октября, в рижское духовное правление, состоящего в Финляндии сибирского пехотного полка, священник Василий Вересович приносил жалобу о посажении его тогож полку полковником Луниным на пушечный караул, вместе с колодниками, безвинно, якобы только за невенчание брака онаго полку подпоручика Николая Шубина с лютеранкою без помазания ея св. миром и просил о защите»².

В 18 веке военная коллегия и генерал-аншефы рассматривали немало жалоб полковых священников на самоуправство командиров. Так в 1764 г. священник вятского пехотного полка доносил князю Трубецкому на полковника Гинцера, от которого он «не точию неоднократно держан был под караулом, но, по приказанию полковничьему, публично через город Ревель воинскою командою связан-

ный, тащен был». Св. Синод вынужден был не один раз посылать указы в военную коллегия с предписанием, «о подтверждении командирам не штрафовать впредь полковых священников»³.

Рассмотрим и примеры из зарубежного опыта. Министры ВВС и ВМС США в 2004 г. издали директивы, согласно которым, во избежание «ущемления» прав неверующих, командирам подразделений запрещается давать возможность капелланам проведение службы за пределами храмов за исключением экстраординарных случаев. В инструкции ВМС также указывается, что без разрешения командования военно-морские священники не имеют права произносить молитвы на борту боевых кораблей во время проводящихся там церемоний светской направленности — типа торжественных собраний и вечеров личного состава, спортивных мероприятий и т.д. При этом подчеркивается, что, произнося «короткую не фанатичную молитву» во имя абстрактного Бога на общих собраниях матросов и офицеров, организуемых по различным поводам, капелланы должны учитывать религиозную «плюралистичность» аудитории и не произносить имени Иисуса Христа.

Появление директив вызвало негативную реакцию как в самих вооруженных силах, так и за их пределами. Многие религиозные деятели усмотрели в этом ущемление прав священников на свободу слова и собраний. Председатель организации американских евангелистов «Союз Свободы» адвокат Мэтью Стивер заявил по этому поводу: «В действительности проблема заключается в том, что эти указания (упомянутые выше директивы) фактически переворачивают с ног на голову почти 225-летнюю историю военного флота. В течение этого времени капелланам разрешалось выражать свои религиозные взгляды, будь то протестанты, католики, иудаисты или приверженцы других верований. Я полагаю, что ВМС должны следовать этой старой, конституционной и общечеловеческой традиции, а

¹ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 80.

² Там же. С. 82-83.

³ Там же. С. 74.

не заниматься цензурой проповедей морских капелланов». Активисты Национального совета духовенства (National Clergy Council), объединяющего управления христианских организаций и духовенства церковью в США, 21 декабря 2006 г. провели пикет-брифинг напротив Белого дома в Вашингтоне с требованием упразднить новые правила, запрещающие военным священникам молиться во имя Иисуса Христа. Президент Национального совета, священнослужитель Роб Шенк (Rob Schenk) заявил, что «учить, что говорить в молитве и как, является нарушением конституционных прав американцев». Кроме того, он отметил: «Стыдно, что такая акция происходит в нашей стране, когда наша армия борется за конституционные права в других государствах».

Многие капелланы в ВМС и ВВС убеждены: новые указания министров по вопросу отправления религиозных обрядов означают, что теперь командиры получили возможность диктовать военным священникам время произнесения молитв и их содержание. Военные священники считают, что такой подход нарушает их права, предусмотренные Конституцией и некоторые из них протестуют против такого решения командования. Так, широко известен случай с капелланом отделения ВМС США в Норфолке (штат Вирджиния) лейтенантом Гордоном Клингеншмитом, который в 2006 г. объявил голодовку и обратился в федеральный суд с иском, защищающим право солдат молиться в соответствии с традициями их религий¹.

В 2003 г. министерство обороны Канады выдало инструкцию о семейном статусе военнослужащих, в разработке которой участвовал капеллан полковник Стэн Джонстон. «Каждый капеллан должен относиться ко всем парам, независимо от их сексуальной ориентации, с уважением», — говорится в документе. Если вера запрещает ему проводить церемонию самому, он должен найти другого священника

и всячески содействовать заключению брака. Капеллан ВВС от Объединенной церкви лейтенант Дэвид Гринвуд 15 июня 2005 г. впервые в истории канадских вооруженных сил благословил брак двух офицеров-гомосексуалистов².

Таким образом, можно увидеть, что указанный конфликт интересов и перегибы со стороны командования приводят к переподчинению военного священнослужителя от религиозной организации — государству и вмешательству государства, в лице командиров, в религиозную деятельность религиозных организаций, включая военное духовенство.

Вместе с тем, содержание деятельности военных священнослужителей определяется стоящими перед ними целями и задачами, соответствующими им обязанностями. Устав Русской Православной Церкви, *принят Освященным Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г.* (в редакции 2017 г.)³, определяет основные общие для всех священников обязанности. В частности, п. XVII.26 Устава гласит, что обязанности членов причта определяются канонами и распоряжениями епархиального архиерея или настоятеля. К членам причта относятся и военные священнослужители, которые должны руководствоваться в своей религиозной деятельности в войсках не указаниями командира, а канонами Церкви и распоряжениями своего священноначалия. А просьбы командиров должны исполнять лишь в части, не противоречащей указанным канонам и распоряжениям своего вышестоящего церковного начальства.

При этом следует учитывать, что на духовенство, выполняющее указанные обязанности на постоянной основе в военной среде, среди воинских коллективов, оказывает определенное воздействие ряд факторов, обуславливая специфические отличительные особенности деятельности, связанной с выполнением своих священнических обязанностей. Среди таких факторов необходимо указать на следующие

¹ По материалам: Беляков А. Религиозное воспитание в иностранных армиях [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=40010> (дата обращения: 23.11.2022).

² Там же.

³ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419782.html>

щие особенности, связанные с военной службой подопечных верующих:

— участие в боевых действиях, повышенная опасность для жизни и здоровья;

— суровые и опасные условия исполнения обязанностей военной службы (командировки, проверки, прыжки с парашютом, войсковые учения и т.п.);

— повышенная мобильность частей и подразделений, частые перемещения по территории России и за её пределами;

— повышенная субординация и единоначалие в военных организациях;

— закрытость и недоступность территорий воинских частей (военных гарнизонов) для деятельности религиозных организаций (без разрешения командования);

— жёстко регламентированный распорядок дня и отсутствие свободного времени для религиозной работы;

— походные или казарменные условия жизни, отсутствие служебного жилья и отрыв от семей;

— доступ к информации, содержащей государственную тайну, и необходимость соблюдения соответствующего режима секретности.

Учитывая указанные особенности, в т.ч. и в условиях боевых действий, необходимо выработать и закрепить юридически границы полномочий командира в отношении военных священников (например, на поле боя или в части определения необходимого времени для проведения богослужений, другой религиозной работы с личным составом), такие, которые не нарушают ст. 14 Конституции России и российское законодательство, включая уголовное. Согласно ст. 148 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, в т.ч. и лицами с использованием своего служебного положения.

Среди задач военного духовенства на первом месте стоит проведение в войсках богослужений и других религиозных обрядов. Однако подзаконными актами командования времени в распорядке дня или

регламенте служебного времени для совершения этих богослужений не предусмотрено. Возникает вопрос: является ли такие действия командования воспрепятствованием деятельности военного духовенства в войсках и подпадают ли эти деяния командиров под действие ст. 148 УК РФ?

Восьмая проблема — проблема несогласованности задач и обязанностей военного духовенства в части богослужебной деятельности военных священников.

Богослужения занимают центральное место в деятельности духовенства, в т.ч. и военного, и составляют главное содержание его религиозной деятельности, в т.ч. и в войсках, представляют основную его заботу. Вместе с тем, в военных условиях эта деятельность претерпевает некоторые особенности, обусловленные военно-административными отношениями, жизнью и бытом воинов, характером их ратной деятельности, спецификой боевых будней, всевозможных учений и походной жизни воинов.

Для понимания важности богослужения в ратном труде воинов представляет немалый интерес в этой связи описание событий взятия Казани царем Иоанном Грозным, вскоре после его венчания на царство в 1547 г. Приступив к Казани, царь остановил войско на обширном поле и развернул ту хоругвь, которая была некогда с Дмитрием Донским в Куликовой битве, и служил молебн. Духовенство, которое находилось в войске, торжественно, при построении полков, начало служить молебн о победе во время брани против супостатов. После завершения молебна царь обратился к воеводам и воинам: «Настало время нашему подвигу! Постоим единодушно за свою веру и за нашу братию, православных христиан, которые уже много лет томятся в плену у Казанцев!». Все войска подготовились к тому, чтобы двинуться к городу, когда будут взорваны подкопы, подведенные под его стены. Сам царь Иоанн Васильевич надел полное воинское вооружение и стал на молитву в походной церкви, находившейся при царском шатре. Когда во время богослужения дьякон читал Евангелие и

возгласил: «И будет едино стадо и един пастырь» — раздался страшный грохот от первого взорванного подкопа. Несмотря на это, обедня продолжалась, и во время ектении при словах: «Еще молимся Господу Богу нашему помиловать государя нашего, царя Иоанна Васильевича, и покорить под ноже его всякого врага и супостата» — грянул второй подкоп, еще сильнее первого. Тогда все царское войско устремилось в проломы и ворвалось в город. Сам царь, помолясь Богу и приложившись к иконе Святого Сергия, приехал к войску и увидел уже русские знамена на стенах и башнях Казани. Отслужив благодарственный молебен Богу за дарованную победу, царь приказал очистить город от развалин и на лучшем месте его повелел заложить соборный храм, а потом обошел все стены Казани, предшествуемый духовенством, которое кропило стены и башни освященной водой¹.

Приведённый исторический факт представляет собой наглядный пример того, как использовать духовный потенциал, богослужебную деятельность военного духовенства в военном деле, в боевых условиях, с одной стороны, во спасение душ воинов, сражающихся на поле брани и рискующих своей жизнью, и с другой стороны, — на благо государства и его народа.

С появлением военного духовенства на него были, прежде всего, возложены обязанности, связанные с его спецификой деятельности, те обязанности, которые никто, кроме священника исполнять в войсках не мог, а в XVIII в. они уже были закреплены юридически. Как сообщает Н. Невзоров, главная обязанность полковых священников, изложенная в военном уставе, состояла в отправлении богослужения «во вся утра и вечера и полдень» с пением и молитвами. За неотправление богослужения, «без знатной причины», священник подвергался рублёвому штрафу в пользу госпиталя; в случае же не трезвого поведения, во время отправления богослужения, после вторичного замеча-

ния, виновный «отсылался к духовному суду и лишался своего чина и достоинства»².

При Петре I для каждой части войск были назначены особые полковые священники и флотские иеромонахи. Устав военный 1716 г. и Морской устав 1720 г. уже описывают обязанности духовенства. В частности, Морской устав от 13 января 1720 г. предписывал, что «на котором корабле определена будет церковь, тогда священник должен оную в добром порядке иметь и в воскресные, и в празднуемые дни, ежели жестокая погода не помешает, литургию отправлять. Также поучение словесное, или на письме читать, в наставление людям, а в прочие дни, молитвы положенные» (Глава IX. «О священниках. О начальном священнике», ст. 3).

В этой связи полезно сравнить указанные выше обязанности с теми обязанностями штатного военного священника, которые определены ему Положением о военном духовенстве РПЦ в Российской Федерации (приняты Св. Синодом РПЦ на заседании 25—26.12.2013 г.). В п. 5.1. этого положения устанавливается, что военный священник обязан основное внимание уделять пастырской, духовно-просветительской работе среди военнослужащих, но ничего не говорится об обязанности основное внимание уделять богослужебной деятельности, хотя среди основных задач в п. 3.1 указанного Положения на первом месте стоит задача, связанная с совершением богослужений и религиозных обрядов. Совершение обрядов и треб по просьбе военнослужащих (служащих) и членов их семей в обязанности военного священника Положение включает, а вот совершение богослужений почему-то исключает. Обнаруживается некоторая несогласованность задач и обязанностей военного духовенства, которую необходимо устранить, прямо прописав в этом Положении, что основной обязанностью военного священника

¹ Поляков Г., прот. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. С. 32—33.

² Невзоров Н. Указ. соч. С. 7—8.

является совершение богослужений, ведь никто кроме священника эту обязанность совершить не может. Именно в этом суть его деятельности, именно это и отличает его от других должностных лиц воинской части.

По слову святителя Игнатия (Брянчанинова): «Где вера, там нет ни печали, ни страха, там мужество и твёрдость ничем не одолимая»¹. Поэтому возгревание и воспитание веры у воинов с помощью богослужений способствует формированию необходимых воинских качеств. Регулярное проведение богослужений также призвано удерживать внимание на высоких духовных образах, соприкасаться с высшими мирами, возвышать душу воинов, очищать их от зла, вдохновлять на ратные подвиги, мужественное перенесение тягот и лишений военной службы, добросовестное исполнение своих обязанностей, а посредством этого — укреплять воинскую дисциплину и правопорядок в войсках. Власть командиров, воинский быт, казарменное положение, распорядок дня, учения и походы накладывают свой отпечаток, свои особенности на выполнение священником своих задач, в т.ч. и на порядок отправления богослужений.

Девятая проблема — проблема выполнения военным духовенством задач по организации богослужений в перемещающейся воинской части, временно дислоцирующейся на чужой канонической территории.

Другой особенностью, обусловленной спецификой военной службы и положением военного духовенства, отражающейся на богослужебной деятельности и решаемых в этой связи задач, является то, что воинские части часто меняют место своей дислокации и богослужебную деятельность приходится осуществлять на чужой канонической территории, в разных епархиях, вторгаясь в религиозную жизнь чужого прихода, находящегося под руководством другой епархиальной церковной власти, в том числе и на территории иностранных государств.

Вместе с тем, 15-е правило Первого Вселенского Собора гласит: «По причине многих смятений и происходящих неустойств, заблагорассуждено совершенно прекратить обычай, вопреки апостольскому правилу, обретшийся в некоторых местах: дабы из города в город не переходил ни епископ, ни пресвитер, ни диакон. Если же кто, по сем определении святого и великаго Собора, таковое что-либо предприимет, или допустит сделать с собою таковое дело: распоряжение да будет совершенно недействительно, и перешедший да будет возвращен в церковь, в которой рукоположен во епископа, или пресвитера, или диакона».

Как видно из вышеизложенного, особенности богослужебной деятельности военного духовенства, обусловленные совершением различных служб в различных населённых пунктах, по месту дислокации перемещающихся с места на место воинских частей, приводят к столкновению интересов военного духовенства с духовенством местного прихода. Церковная власть вроде бы одна, да подчиняется разному начальству по своей властной вертикали, разным епархиальным архиереям, что во многом и обуславливало возникновение разного рода нестроений и различных недоразумений в отношениях между военным и епархиальным духовенством, осуществляющим свою деятельность на той или иной канонической территории.

Указанная проблема ставит вопрос о придании особого статуса воинским храмам, в т.ч. и походным (мобильным, переносным) и подчиненность священнослужителей этих воинских храмов власти не местных архиереев, а центральной власти — Патриарха Московского и всея Руси, Священного Синода РПЦ и поставленного ими священнослужителя (митрополита или протопресвитера военного и морского духовенства), уполномоченного от их имени руководить всем военным духовенством по церковным, богослужебным и пастырским вопросам. Встает вопрос о создании централизованной, относительно самостоятельной структуре военного духовенства в лоне РПЦ.

¹ Цит. по: Непознанный мир веры. М., 2010. С. 312.

В 2023 г. исполнилось 14 лет с тех пор, как руководством государства Российского было принято решение о воссоздании некогда ликвидированного института военного духовенства в войсках. Богослужения являются основным средством реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания и являются предметом заботы не только военного духовенства, но и командования, полем совместной деятельности государства и церкви, сферой сотрудничества военного духовенства и командиров. Поэтому опыт прежних столетий в этой сфере общественных отношений, актуальный для военного дела, необходимо и далее исследовать в научном плане с тем, чтобы исключить повтор ошибок и недостатков прошлого в правовой работе, в современном нормотворчестве и правоприменении на местах – в войсках.

Таким образом, подведя итог, можно сделать некоторые выводы:

1. Нарастающие в ходе информационного противодействия Запада проблемы в деморализации и духовном разложении населения нашей страны и ее Вооруженных Сил вынуждают государство вносить в законодательство и подзаконные акты соответствующие изменения, направленные на укрепление единства (посредством сохранения памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, преемственности в развитии государства), а также на защиту, сохранение и укрепления российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем, военное духовенство, которое занималось этим на протяжении многих веков, так и остается государством не востребованным. В правовом пространстве государства ни военное духовенство, ни его цели и задачи так и не получили своего должного закрепления, несмотря на то, что де-факто военные священники трудятся в войсках уже не один десяток лет, а Президент России в 2009 г. давал поручение воссоздать институт военного духовенства в России.

2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей (утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809) не соответствуют Конституции России в ч. 2 ст. 67.1, которой провозглашается преемственность в развитии государства, сохранение памяти «предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». В Основах нет ни веры в Бога, ни соответствующих ей высоких духовных идеалов, которыми жили наши предки и созидали могучее наше государство, защищая его с призывом «За Веру, Царя и Отечество». Необходимо исправить этот недостаток, сохранить память предков, и Веру, и Бога, и Богом данные идеалы (заповеди Божии) поставить в Основах на должное место и указать, что в силовых ведомствах главным субъектом этой деятельности по сохранению, укреплению и защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей является военное духовенство.

3. Анализ статей 1, 2, 28 и ч. 2 ст. 67.1 Конституции России, ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», возлагающих на государство (в лице уполномоченных представителей, включая командиров) обязанность признавать, соблюдать и защищать право граждан на свободу вероисповедания, уважать внутренние установления религиозных организаций, в совокупности со ст. 148 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, — ставит вопрос о включении внутренних установлений религиозных организаций (находящихся под защитой государства) в систему российского права, где на общенациональном уровне необходимо закрепить цели и задачи военного духовенства.

4. Следует отметить, что особенности богослужebной деятельности военного духовенства обусловлены спецификой ратной деятельности воинских коллективов, в которых он несёт свою священническую службу. С одной стороны, эти особенности обусловлены властью коман-

дилов, считающих полковых священников своими подчиненными, наряду с другим личным составом, а потому, злоупотребляя командирской властью, вмешивающихся порой в богослужебную деятельность подчиненных им священников. С другой стороны, особенности богослужебной деятельности военного духовенства связаны с походной жизнью воинских частей, тяготами и лишениями военной службы, необходимостью совершения богослужений на чужой канонической территории, вторгаясь в приходскую жизнь той или иной епархии.

5. В Положении о военном духовенстве РПЦ в Российской Федерации, принятом Св. Синодом, обнаруживается некоторое несоответствие задач и обязанностей военного духовенства в части совершения богослужений. Совершение богослужений поименовано в основных задачах, но отсутствует в обязанностях военного священника. Необходимо среди обязанностей военного священника, перечисленных в п. 5. 1 Положения, указать также и обязанность по совершению богослужений для личного состава и членов их семей, поскольку именно через богослужеб-

ную деятельность, прежде всего, и осуществляется служение Богу, это главное направление деятельности военного духовенства, его наиважнейшая обязанность, отличающая его от других должностных лиц военной организации.

6. Особенности богослужебной деятельности военного духовенства и их правовое регулирование необходимо исследовать с целью создать благоприятные условия для реализации прав военнослужащих на свободу вероисповедания, для укрепления морального духа личного состава, для правильной организации деятельности командования и военного духовенства, для исключения при этом нарушения командирами (по незнанию) норм церковного права (и привлечения их к уголовной ответственности), для обеспечения уважительного к нему отношения.

Библиография

1. Поляков, Г., прот. Военное духовенство России / Г. Поляков. — М.: ТИИЦ, 2002.
2. Невзоров, Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России / Н. Невзоров. — СПб., 1875.

Концептуальные предложения по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы в Вооруженных силах Российской Федерации

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник «Государственный научно-
исследовательский испытательный институт
военной медицины» Министерства обороны
Российской Федерации (ФГБУ «ГНИИИ ВМ»
Минобороны России), г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена анализу контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы Вооруженных сил Российской Федерации в аспекте системы управления безопасностью военной службы. Изучены руководящие документы Минобороны России, определяющие порядок реализации этих видов деятельности в Армии и на Флоте. Установлено, в частности, что контрольная (надзорная) функция медицинской службы до сих пор осуществляется фактически автономно, с широкими полномочиями по выявлению и пресечению нарушений требований санитарного законодательства во всех видах жизнедеятельности войск (организация питания, размещения и др.). Исключением является военно-профессиональная подготовка личного состава, которой, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Однако, контроль (надзор), как выяснилось, осуществляется вне формата системы обеспечения безопасности военной службы, что, в итоге, негативно сказывается на выполнении личным составом Армии и Флота поставленных задач. Используя системный и процессный подходы, необходимо принципиальным образом трансформировать контрольную (надзорную) деятельность медицинской службы, сделав ее элементом (частью целого) единого процесса обеспечения безопасности военной службы в воинской части. Это позволит существенно повысить результативность функционирования системы управления безопасностью, придав ей упреждающий (профилактический) характер.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, медицинская служба, контроль, надзор, гигиена, безопасность, военная служба.

Conceptual proposals on enhancement of monitoring (supervising) activity in the Russian Armed Forces' Medical Service

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medicine, Retired Medical service Colonel, senior research officer of FSBI "State Scientific Research and Test Institute of Military Medicine", Ministry for Defence of Russian Federation, Saint Petersburg

Abstract. The article covers an analysis of monitoring (supervising) activity in the Russian Armed Forces' Medical Service in terms of the military service security management system. The Russian Defense Ministry's guidance documents defining the standard operating procedures in the Army and Navy were examined. Particularly, it has been established that the medical service's monitoring (supervising) function was still performed autonomously, at large in identification and control of health legislation breaches in all the types of troops' vital activity (catering, accommodating, water service, etc.). An exception to this is the personnel professional military education, which is neglected. However, it emerged that monitoring (supervising) was exercising outside the format of military service security system, and ultimately had a negative effect on the Army-Navy's operational commitment. When using system and process approaches, it's necessary to transform critically the medical service monitoring (supervising) activity, by making it part of a sin-

gle military service security process at military bases. This will allow boosting of security management system's efficiency by providing it with a preemptive (prophylactic) property.

Key words: Armed Forces of the Russian Federation, naval medicine, medical service, monitoring, supervising, security, military service.

Во многовековой истории Вооруженных Сил нашей страны нетрудно найти непростые периоды военного строительства, которые не иначе как судьбоносными не назовешь. Реформы касались разных сторон многогранной деятельности Армии и Флота России, однако, очевиден тот факт, что результативная реализация вводимых преобразований требует неперменной адекватной реакции со стороны других видов обеспечения Вооруженных Сил. В противном случае поставленные цели в запланированной перспективе и ожидаемом объеме достигнуты не будут и все затраченные усилия будут напрасны

В середине 90-х годов XX столетия в Вооруженных Силах стартовала очередная реформа, значение которой трудно переоценить: она затронула все аспекты жизнедеятельности войск, начиная от численного состава Вооруженных Сил и заканчивая их структурой. По понятным причинам, в этой статье мы не в состоянии анализировать все направления всестороннего обеспечения Армии и на Флота. Мы остановимся только на одном — контрольной (надзорной) функции, реализуемой медицинской службой в формате медицинского обеспечения войск. До недавнего времени особых претензий к названной выше функции медицинской службы, как правило, не было: декларируемые требования к организации военной службы практически полностью укладывались в формат требований медицинского контроля и государственного санитарно-эпидемиологического надзора (ГСЭН). Да, несомненно, были и есть законодательно установленные нормативы к условиям военной службы как в мирное, так и в военное время, но они легко «преодолевались» волевым решением командира при постановке задач. По этой причине возникали непростые ситуации, которые списывались на «тяготы и лишения» военной службы, а их надлежало преодолевать. Обсуждение и коррекция

условий выполнения поставленной задачи, в принципе, не допускались.

Вскоре ситуация резко изменилась: впервые, за всю историю существования в России государственных регулярных воинских формирований, условия военной службы были законодательно лимитированы жесткими рамками гигиенических нормативов. Итогом этой деятельности стала система обеспечения безопасности военной службы (БВС). Была создана ее организационная структура; чуть позже — разработаны и утверждены нормативные правовые и иные акты по безопасности ратного труда¹ и пр. Новое направление деятельности, как нам видится, предполагало применение ресурсов штатных (действующих) организационных структур воинской части (корабля и пр.), но уже в формате вновь решаемой проблемы: своевременная и полная актуализация деятельности структурных подразделений, служб и начальствующих лиц в рамках новых задач должна гарантировать получение в максимально короткие сроки желаемого результата — создание безопасных условий военной службы для военнослужащих. Однако время шло, а запланированного результата достичь в должной мере не удавалось. Причин этому немало, и одна из них, на наш взгляд, заключается в несвоевременной и (или) неадекватной актуализации

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2015 г. № 444 «Об утверждении Руководства по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации»; Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации. Служба войск и обеспечение безопасности военной службы // для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 205/2/585.

текущей деятельности служб, структурных подразделений и пр. в воинской части (корабля). С этой целью мы проанализировали деятельность медицинской службы в формате системы обеспечения безопасности военной службы.

С позиций русского языка понятия «контроль» и «надзор» практически совпадают: в первом случае это проверка кого-либо, чего-либо; во втором — наблюдение за кем-либо, чем-либо с целью контроля¹. С точки зрения организации процесса «контроль» относится к одной из управленческих функций и является периодическим («срезовым») мероприятием; «надзор» осуществляется государственными органами с целью исполнения законов, это непрерывное наблюдение и проверка. Контролирующие органы осуществляют ещё и оценку целесообразности того или иного процесса, а надзорные только следование закону и конституции.

Как оказалось, до сих пор контрольная (надзорная) деятельность медицинской службы является неактуальной по формату системы обеспечения безопасности военной службы: нет единства в понимании целей и задач, способов достижения и критериев оценки. Как результат, ущемляются права военнослужащих на безопасный труд. Необходимо её (деятельность) трансформировать, сместив фокус внимания на военно-профессиональную подготовку личного состава, создав в итоге *единую упреждающую систему текущего (активного) наблюдения за условиями военной службы*.

Контрольная (надзорная) функция, осуществляемая на всех уровнях организационной структуры Вооружённых Сил в формате медицинского контроля и ГСЭН за всеми видами повседневной деятельности Армии и Флота, является одним из важнейших направлений деятельности медицинской службы. Цель контрольной (надзорной) деятельности — содействие в

создании благоприятных условий в войсках для успешного и своевременного выполнения личным составом поставленных задач. Организуется она органами управления медицинской службой, а реализуется — военно-медицинскими подразделениями, частями и организациями, осуществляемыми свою деятельность в соответствии с планами работы на предстоящий календарный период.

Целью планирования является качественное и своевременное *выполнение задач, стоящих перед медицинской службой*, а процедура планирования предусматривает «согласование планов установленным порядком»². Полагаем, что столь лаконичная форма изложения рассматриваемой процедуры позволяет утверждать, что медицинский контроль и ГСЭН в целом были и по-прежнему остаются самостоятельными (обособленными) видами деятельности медицинской службы, реализуемые, преимущественно, без учёта целей и задач руководителей других служб, структурных подразделений, в том числе и безопасности военной службы. Такой «индивидуально ориентированный подход» в управлении контрольной (надзорной) деятельностью медицинской службы на современном этапе реформирования Вооружённых Сил, на наш взгляд, результативным не является.

Что касается безопасности военной службы, то в основу управления безопасностью заложены системный и процессный подходы, основанные, в частности, на принципах единоначалия, персональной ответственности командира (начальника) воинской части (корабля) за безопасность. В формате такой организации управления безопасностью военной службы контрольная (надзорная) деятельность медицинской службы, полагаем, рассматривается как часть единого процесса создания и поддержания высокой боеготовности и боеспособности Армии и Флота. Процедура планирования в системе обеспечения безопасности военной службы, в частности,

¹ Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.

² Руководство по медицинскому обеспечению Вооружённых Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.

является тому подтверждением: планирование представляет собой коллективную работу всех заинтересованных лиц по установлению (согласованию) места, времени и последовательности проведения мероприятий по обеспечению безопасности военной службы, проводимую на основании принятого решения командиром воинской части. Процесс выработки решения начинается с формирования информационной базы данных; участники — все должностные лица, имеющие отношение к вопросам безопасности военной службы. Начальник медицинской службы должен быть готовым доложить, наряду с другими должностными лицами, о вновь выявленных (либо актуальных) опасностях и соответствующих им профессиональных рисках повреждения здоровья военнослужащих, установленных законом социальных гарантиях; об опасных объектах в месте дислокации воинской части; о рабочих местах военнослужащих, видах работ, осуществляемых в условиях воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы и др. Но в руководящих документах медицинской службы по организации контрольных (надзорных) мероприятий¹ ничего подобного мы не найдем (функциональный подход к управлению). Ситуация, на наш взгляд, складывается весьма тревожная: нет четкого понимания в планировании, в частности, контрольных (надзорных) мероприятий за повседневной деятельностью личного состава воинской части.

Следующая «несостыковка» касается смыслового наполнения контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы: в настоящее время основной целью деятельности военных врачей по медицинскому обеспечению войск, как и раньше, является сохранение и укрепление здоровья военнослужащих. До недавнего времени это было аксиомой. Но как выяснилось, проблема сохранения жизни и здоровья военнослужащего в процессе прохождения военной службы законодателя в такой постановке конечного результата деятельности органов военного управле-

ния интересует мало: основной целью деятельности командира любой воинской части является, в частности, обеспечение защищенности военнослужащих от воздействия вредных и опасных факторов военной службы. На наш взгляд, жизнь и здоровье военнослужащих, да и, пожалуй, сам воин, остались вне границ интересов системы обеспечения безопасности военной службы. Фокус внимания должностных лиц сместился с охраны жизни и здоровья военнослужащих на выявление и оценку неблагоприятных факторов военной службы на их рабочих местах. Трудность восприятия рассматриваемого материала заключается в том, что смысловое наполнение этих понятий очень близкое. Как результат — создается иллюзия их идентичности. Однако дело обстоит иначе: наличие защищенности военнослужащего от воздействия какого-либо вредного (опасного) фактора военной службы может гарантировать сохранение его жизни, но не здоровья, что для условий мирного времени совершенно недопустимо, а вот для военного — логично. Полагаем, неуместными выглядят заявления должностных лиц Вооруженных Сил о гарантиях полного сохранения здоровья военнослужащих в военное время: это физически невозможно реализовать, да и противоречит методам решения поставленных боевых задач. А вот сохранение жизни военнослужащего — задача вполне реальная. Кроме того, предупреждение возникновения профессиональных заболеваний, травматизма и гибели военнослужащих по причине воздействия неблагоприятных факторов военной службы, как известно, весьма актуальное направление деятельности по сохранению жизни и здоровья военнослужащих как в мирное, так и в военное время. Однако, закономерны вопросы: где взять перечень неблагоприятных факторов ратного труда? Какие факторы являются вредными, а какие опасными и почему? В каких подразделениях и на каких рабочих местах военнослужащих эти факторы генерируются? Какие риски повреждения здоровья военнослужащих возможны в этой связи? и др. Подобного рода вопросов, в первую очередь, к представителям медицинской

¹ Там же.

службы очень много, а вот исчерпывающих ответов, к сожалению, мало. При таком подходе к рассмотрению процесса воинской службы невольно возникают сомнения в необходимости и целесообразности некоторых видов фактической деятельности медицинской службы, а именно медицинских осмотров и диспансеризации военнослужащих¹.

Основными критериями нарушения требований безопасности военной службы, как известно², определены гибель военнослужащего и получение им увечья (ранение, травма, контузия), но обязательно с трудопотерями, следовательно, если за отчетный период подобного рода происшествий не случилось — значит в части созданы безопасные условия военной службы и наоборот. Все очень просто, убедительно и не требует сложных расчетов. Даже доктор не нужен: информацию по санитарным и безвозвратным потерям личного состава доложит командир подразделения. И никакие результаты инструментально-лабораторных измерений факторов военной службы, а также донозологической гигиенической диагностики здоровья военнослужащих органами военного руководства внимание не принимаются. Следовательно, диспансеризация военнослужащих, включающая в себя профилактический медицинский осмотр и дополнительные инструментально-лабораторные методы обследований, проводимых в целях оценки состояния их здоровья, в том числе определение группы здоровья и группы диспансерного наблюдения, для целей безопасности военной службы никакого значения не имеют. Но так ли это?

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 285 «Об установлении Порядка прохождения военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации медицинских осмотров и диспансеризации».

² Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации. Служба войск и обеспечение безопасности военной службы // для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 205/2/585.

Как известно, одной из целей диспансеризации является диагностика заболеваний и поражений, полученных в результате эксплуатации объектов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), воздействия неблагоприятных факторов военной службы. Медицинские осмотры военнослужащих проводят с целью контроля за состоянием их здоровья и своевременного выявления заболеваний, начальных проявлений профессиональной патологии, травм (любых). По всей видимости, имеет место невольное слияние вопросов целеполагания сохранения жизни и здоровья военнослужащих в мирное и военное время. Необходимо четко и беспристрастно разграничить эти состояния жизнедеятельности войск с точки зрения сохранения жизни и здоровья военнослужащих. Однако, несмотря на явное наличие общих интересов этих двух видов обеспечения, в приказе Министра обороны Российской Федерации № 285 мы не найдем упоминаний или ссылок на безопасность военной службы, организацию взаимодействия и пр.

Руководящие документы³ предписывают медицинской службе проведение медицинского контроля и ГСЭН за организацией и условиями боевой подготовки личного состава, а также участие в работе *комиссии по безопасности военной службы*. В чем конкретно заключается это участие — неизвестно. Врачу части (корабля) предлагается особое внимание уделять контролю за видами деятельности военнослужащих, связанных с повышенным риском для жизни и здоровья: это огневая подготовка, преодоление водных преград боевыми машинами, проведение парашютных прыжков, десантирование и другие. Но это виды учебно-боевой деятельности, реализация которых сопряжена с воздействием конкретных неблагоприятных факторов военного труда. Вопрос: каких? Мы снова возвращаемся к перечню вредных и опасных факторов военной службы, о котором говорили ранее, но которого в воинской части (на корабле) пока

³ Руководство по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.

нет. А если предположить, что есть, то важен анамнез его происхождения.

Объектами контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы в воинской части являются все виды повседневной жизнедеятельности личного состава. Время пребывания военного врача на объектах воинской части, а также объем проводимых при этом исследований, в том числе и инструментально-лабораторных, безусловно, разные и определяются их вкладом в поддержание высокой боеготовности и боеспособности войск. Согласно основополагающим документам по безопасности военной службы самым важным видом деятельности войск является военно-профессиональная подготовка, которой охвачен весь личный состав полка (корабля) без исключения. Позволим себе напомнить, что войска могут находиться в двух состояниях: либо готовиться, либо осуществлять вооруженную защиту Отечества¹. Кроме того, все опасности и профессиональные риски повреждения здоровья связаны, главным образом, с учебно-боевой подготовкой войск, которая имеется не только у боевых подразделений, но и у военнослужащих тыла, штаба и др. подразделений обеспечения (но об этом почему-то все забывают).

Что касается организации питания, водообеспечения, размещения и др., то эти виды деятельности, на наш взгляд, должны рассматриваться не более, как факторы военной службы, которые при определенных условиях могут стать источниками рисков повреждения здоровья военнослужащих (массовые инфекционные заболевания). Руководство по медицинскому обеспечению (2017) также относит военно-профессиональную подготовку к категории первостепенных видов деятельности войск: отдельно рассматриваются особенности военного труда моряков, летчиков, личного состава РВСН и др. Однако фактически, войскового врача чаще всего, и это не секрет, мы сможем найти на объек-

тах продовольственной службы (столовые солдатская, офицерская, солдатская «Чайная», продовольственные склады и пр.), размещения (казармы, гауптвахта и др.), банно-прачечного обслуживания (баня и др.), водообеспечения и др. И это не прихоть командира или некомпетентность врача части. Согласно установленному регламенту² частота посещения объектов питания и водоснабжения в воинской части при реализации медицинского контроля в плановом порядке составляет, как правило, не реже одного раза в неделю, а по ряду мероприятий — еще чаще: например, оценка санитарного состояния столовой и определение доброкачественности приготовленной пищи проводятся перед каждым ее приемом. Логичен вопрос: зачем? Что это меняет и от чего предохраняет? Следует заметить, что при действующем регламенте организации приема пищи качественно выполнить ни первую, ни вторую задачи фактически невозможно. Что бы добиться желаемого в столовую врачу нужно приходить не за 30 минут, а как минимум за 2 часа до приема пищи. Да и то, гарантий безопасности никаких нет: на основании только органолептических методов исследований готовой пищи это сделать невозможно. А для чего три раза в сутки оценивать санитарное состояние столовой? И почему оно такое нестабильное? В итоге врач части невольно становится заложником (причем, трижды в течение суток) этой непростой ситуации, превращаясь, в случае возникновения массового инфекционного заболевания, в того самого «некомпетентного» специалиста, который не смог разобраться в сути происходящего и допустил «профессиональную ошибку».

Другой пример, на наш взгляд, нелепой ситуации: ежемесячный отбор проб суточного рациона, в частности, солдатского пайка для определения его химического состава (количества белков, жиров, углеводов и пр.) и энергетической ценности. Исследование очень серьезное и до-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

² Руководство по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.

стоверность результатов во многом зависит от правильного отбора проб, а это непростой процесс, требующий значительных временных затрат, в том числе, и на их транспортировку в гигиеническую лабораторию. Обращаем внимание: в системе аккредитации лабораторий процедура отбора проб и процедура транспортировки этих проб к месту исследования предполагают наличие специальных знаний и практических навыков, а самое главное — наличие разрешительного документа на вид деятельности. Медицинская служба воинской части такими специалистами не располагает. Как правило результат этого исследования типичен: неправильный отбор проб готовой пищи; содержание жира превышает установленную норму на 30—50 %. Опять возникает вопрос: а зачем так все усложнять? Если речь идет о санитарно-эпидемиологической экспертизе, проводимой по показаниям, то все понятно, а так, в плановом порядке, пожалуй, излишне сложно, затратно и медленно.

Есть более понятные и оперативные способы контроля доведения норм довольствия до военнослужащих — это весовой метод, для реализации которого медицинской службе части ничего не нужно иметь: все находится в столовой. Но самое главное — мы имеем незамедлительный результат, на основании которого уже можно предпринимать корректирующие действия. В целом, Перечень инструментально-лабораторных исследований, обязательных для исполнения медицинской службой воинской части¹, является, на наш взгляд, громоздким и весьма спорным, так как многие из них никак не связаны с выявлением вредных и опасных факторов военной службы. Кроме того, около 48 % всех ежемесячно запланированных к реализации исследований приходится на изучение вопросов организации питания военнослужащих, примерно 43 % — организации водоснабжения и порядка 9 % — организации размещения, соответственно². Одна-

ко здесь мы не найдем инструментальных и лабораторных исследований условий военного труда. Предлагаемые к реализации измерение температуры воздуха в служебных и производственных помещениях, а также определение искусственной освещенности (расчетным методом Ватт), на наш взгляд, в условиях современных диагностических технологий выглядят крайне неубедительно, пожалуй, даже дилетантски. Конечно, при желании эти методы можно использовать для медицинского контроля условий военного труда офисных рабочих мест (в штабах, в специальных фортификационных сооружениях и др.), однако, обитаемые отделения подвижных образцов ВВСТ в названном выше Перечне, никак не фигурируют. К тому же опять возникают вопросы по поводу термометра: его вид, поверка, условия хранения, наличие лицензионной методики термометрии и пр.?

Такое пристальное внимание медицинской службы к контролю вопросов организации питания, размещения, водообеспечения, банно-прачечного обслуживания военнослужащих, на наш взгляд, является чрезмерным, которое реализуется в ущерб контролю за условиями военного труда. Невольно складывается впечатление, что медицинская служба на протяжении вот уже длительного времени берет на себя несвойственные ей функции, подменяя собой плановую работу тыловых служб обеспечения (продовольственной, вещевого и др.). Несомненно, в свое время это было актуально и диктовалось конкретными обстоятельствами, но, полагаем, острота этих вопросов спала, и пора пересмотреть концептуальную роль медицинской службы в решении этих проблем.

Следующий важный аспект рассматриваемой проблемы — это несоответствие формата действующей контрольной (надзорной) функции медицинской службы, а это медицинский контроль и ГСЭН, основной цели системы обеспечения безопасности военной службы, а это обеспечение защищенности военнослужащих от

¹ Там же.

² Цуциев С.А., Юдин А.Б. Гигиенический контроль за условиями военного труда в формате системы обеспечения безопасности военной службы //

воздействия вредных и опасных факторов военной службы. ГСЭН не в состоянии во всей полноте решать в плановом порядке задачу выявления всех опасностей и соответствующих им профессиональных рисков повреждения здоровья военнослужащих на каждом рабочем месте. Он обеспечивает выявление и пресечение, в случае необходимости, нарушений требований законодательства по вопросам обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия, восстановление правового порядка. Ключевыми показателями эффективности ГСЭН, отражающими уровень минимизации вреда, причиненного жизни и здоровью граждан, и (или) уровень устранения риска его причинения, являются, в частности, количество людей, заболевших инфекционными (паразитарными) болезнями, число пострадавших при пищевых отравлениях, на 1 тысячу человек¹.

Учет объектов контроля ГСЭН обеспечивается органами государственного надзора и должностными лицами путем ведения реестров объектов контроля. К объектам ГСЭН, в частности, относятся: здания, помещения, сооружения, территории, устройства, материалы, транспортные средства и другие объекты, к которым предъявляются обязательные требования. Плановые контрольные (надзорные) мероприятия проводятся на основании плана проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий на очередной календарный год. Однако, медицинская служба до сих пор не располагает штатными силами и средствами для проведения на регулярной основе гигиенической оценки условий военной службы на рабочих местах. В итоге командир полка (корабля) со всеми имеющимися в его распоряжении ресурсами не в состоянии выявить все имеющиеся в части вредные и опасные факторы военной службы, так как это можно идентифицировать при помощи ин-

струментально-лабораторных методов исследований. В его распоряжении имеются, преимущественно, документарные и визуальные методы исследований, а этого, как говорилось выше, недостаточно.

Таким образом, настоящее время медицинская служба Вооруженных Сил, реализуя мероприятия контрольной (надзорной) функции, в состоянии лишь отчасти решать задачи в формате системы обеспечения безопасности военной службы — содействие в обеспечении защищенности военнослужащих от воздействия вредных и опасных факторов военной службы, что позволяет говорить об ущемлении их прав на безопасный труд. Полагаем, пришло время трансформировать эту деятельность, сделав элементом системы управления безопасностью военной службы. Для этого предлагаем, во-первых, синхронизировать (обеспечить гармоничное взаимодействие) документы, определяющие порядок контрольной (надзорной) функции медицинской службы, с документами системы обеспечения безопасности военной службы (гарантия единства целей, задач, методов и пр.).

Во-вторых, расширить формат ныне реализуемого медицинской службой ГСЭН и организовать функционирование в Вооруженных Силах *упреждающей системы управления безопасностью военной службы в формате текущего (активного) наблюдения за условиями военной службы*.

Формы реализации:

а) гигиеническая оценка условий военной службы в воинской части (на корабле) в соответствии принципами организации и проведения специальной оценки условий труда²: периодичность — 1 раз в 5 лет; объект изучения и оценки — все (без исключения) рабочие места военнослужащих; исполнитель — Центры ГСЭН (центрального и окружного подчинения); результат — перечень вредных и опасных факторов военной службы в воинской части; перечень рабочих мест военнослужащих с высокой опасностью военного труда (по подразделениям и пр.), списки военно-

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 марта 2022 г. № 177 «Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на объектах Министерства обороны Российской Федерации».

² Федеральный закон «О специальной оценке рабочих мест по условиям труда».

служащих (по подразделениям и пр.), проходящих военную службу в условиях воздействия вредных и опасных факторов и др.

Эти документы станут основанием для:

— назначения (отмены) военнослужащим социальных гарантий в виде льгот и компенсаций (индивидуально-ориентированный подход);

— разработки и реализации предупреждающих (корректирующих) действий;

— принятия решения о допустимости замещения воинских должностей лицами женского пола (вновь призываемых на военную службу, в период беременности и материнства);

— реализации мероприятий производственного контроля и др.;

б) производственный контроль за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в воинской части (на корабле): периодичность — 1 раз в год (поочередно в теплый и холодный периоды года); объект изучения и оценки — рабочие места военнослужащих; основополагающий документ — Программа производственного контроля в воинской части; исполнитель:

— центры ГСЭН (центрального и окружного подчинения), отдельный медицинский батальон, медицинская рота — отбор проб, их транспортировка и проведение инструментально-лабораторных исследований вредных и опасных условий военной службы: на рабочих местах военнослужащих; на территории дислокации воинской части (маршруты перемещения, на технической позиции и пр.); на границе санитарно-защитных зон;

— специально уполномоченные должностные лица воинской части (корабля) — проведение документарно-визуального контроля: на рабочих местах военнослужащих; на территории дислокации воинской части (маршруты перемещения, на технической позиции и пр.). Документарно-визуальный контроль проводится в составе комиссии по безопасности военной службы с применением «риск-

ориентированного» подхода¹ — это такая форма мировосприятия, когда любая человеческая деятельность рассматривается (анализируется) в аспекте наличия (отсутствия) рисков повреждения здоровья. Это новшество введено совсем недавно и характеризуется двумя особенностями: первое - обязательное участие всех заинтересованных сторон и, главным образом, исполнителей воинских должностей; второе — акцент внимания на самые мелкие нарушения требований гигиены и безопасности труда (учету подлежат ошибки, «промахи» и пр.), на самые незначительные повреждения здоровья (без трудопотерь, мелкие царапины, потертости, поскользывания, запинания и пр.);

— медицинская служба зоны ответственности (проведение медицинских осмотров военнослужащих).

В-третьих, приоритетным направлением контрольной (надзорной) деятельности медицинской службы полагать военно-профессиональную подготовку войск, являющуюся основным источником вредных и опасных условий труда (опасностей и рисков повреждения здоровья) военной службы не только для военнослужащих боевых подразделений воинской части (корабля), но и для подразделений обеспечения (штаб, тыл, медицинская служба и пр.).

Объем контрольной (надзорной) деятельности за остальными видами жизнедеятельности войск (организация питания, водообеспечение, размещение, банно-прачечное обслуживание и др.) должен определяться исключительно количеством и значимостью идентифицированных опасностей и рисков повреждения здоровья военнослужащих. Например, весьма спорным, на наш взгляд, является ныне реализуемое определение содержания активного и остаточного хлора в хлорсодержащих препаратах и растворах. С таким же

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 марта 2022 г. № 177 «Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на объектах Министерства обороны Российской Федерации».

успехом можно определять активное начало и в других фармацевтических препаратах, поставляемых через систему медицинского снабжения. Другой пример: оценка доброкачественности продуктов, получаемых со склада в столовую органолептическим методом. Необходимо отказаться от «мелочной» опеки и не подменять собою повседневную деятельность служб тыла, а также представителей лаборатории по отбору и транспортировке проб воды, продовольствия и пр.

В-четвертых, оснастить лаборатории центров ГСЭН оборудованием, лицензионными методиками, экспертами, позволяющими осуществлять гигиеническую оценку условий военной службы, мероприятия производственного контроля. С этой целью организовать подготовку соответствующих экспертов и их аккредитацию на вид деятельности, равно как и лабораторий. Организовать учет результатов гигиенической оценки условий военной

службы в Центрах ГСЭН (центрального и окружного подчинения).

В-пятых, разграничить вопросы целеполагания надзорной (контрольной) деятельности медицинской службы для мирного и для военного времени, определив соответствующие критерии соответствия.

Полагаем, что актуализация всестороннего обеспечения Армии и Флота позволит не только создать, но и поддерживать в рабочем состоянии эффективную систему управления безопасностью военной службы, основанную на системном и процессном подходах, способную в полной мере реализовывать права военнослужащих на безопасный труд.

Библиография

Цуциев, С.А. Гигиенический контроль за условиями военного труда в формате системы обеспечения безопасности военной службы / С.А. Цуциев, А.Б. Юдин // Вестник Академии военных наук. — 2023 — № 2(83). — С. 118—125.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

О реализации жилищных прав военнослужащих в контексте правовых предписаний по материалам военно-судебной практики

© Баранников Михаил Михайлович,
преподаватель Российского государственного
университета правосудия
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на примерах из судебных решений рассмотрены вопросы правового регулирования реализации прав военнослужащих на жилую площадь.

Ключевые слова: жилищное обеспечение военнослужащих, военнослужащий, военные суды, военно-судебная практика.

On the implementation of housing rights of military personnel in the context of legal regulations based on materials from military judicial practice

© Barannikov M.M.,
lecturer at the Russian State University of Justice
© Kharitonov S.S.,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article, using examples from court decisions, examines the issues of legal regulation of the implementation of the rights of military personnel to living space.

Key words: housing provision for military personnel, military personnel, military courts, military judicial practice.

Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества

Жан-Жак Руссо

Возможность решения «жилищного вопроса» по-прежнему выступает важным мотивирующим фактором при выборе гражданином военной службы по контракту как профессиональной деятельности. К сожалению, в открытом доступе не удастся найти актуальные данные социологических опросов о влиянии «материальной» составляющей принимаемых решений о поступлении на военную службу, и это подтверждает мысль профессора Корякина В.М. о том, «... что последняя по времени относительно полная доступная информа-

ция о результатах мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих датирована 2010 г. Судя по иным отрывочным сведениям, которые можно найти в средствах массовой информации и в Интернете, такой мониторинг в стране проводился и в последующие годы. Однако официальные его результаты не публикуются, до широкой общественности не доводятся и используются, видимо, военными ведомствами лишь для так называемого «внутреннего потребления». Нет ссылок на результаты мониторинга и на

официальном сайте Минобороны России, где с 2019 г. публикуются некоторые статистические данные о социальном развитии Вооруженных Сил Российской Федерации»¹.

Но даже показатели десятилетней давности показывают, что «привлекательными сторонами воинского труда для кандидатов к военной службы по контракту являются как профессиональные, так и прагматические перспективы, – интересная профессия (49 %), решение жилищной проблемы (42 %), организованный и упорядоченный образ жизни (32 %), специальные льготы и преимущества (32%), достижение приличного положения в обществе (31 %)»²

Показателен в этом отношении и вывод директора департамента банковского регулирования и аналитики ЦБ РФ Александра Данилова в ходе XXI всероссийской конференции «Ипотечное кредитование в России», прошедшей в марте 2023 г. — «Сколько среднегодовых зарплат, если не пить, не есть, просто все откладывать, ... сколько лет человеку надо откладывать, чтобы ... купить квартиру? Если в конце 2019 года на "первичке" это было 6 лет, то сейчас это 8 лет. О какой доступности мы говорим?»³

Таким образом, не требует доказательства тезис, что одним из важных и весомых социальных гарантий, стимулирующих интерес к военной службе, является обеспечение военнослужащих жилыми помещениями, которое реализуется через п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон о статусе военно-

служащих), анализ которого представлен в публикациях военных юристов⁴.

И хотя должностные лица органов военного управления понимают ценность этого блага, на практике зачастую жизненные ситуации в отношении жилищных прав военнослужащих складываются разные, что зачастую приводит к неправильным с точки зрения Закона действиям как командиров, так и самих военнослужащих. Но поскольку личность и интересы военнослужащего, так же, как и интересы государства в лице командиров (начальников) защищены правовыми средствами, то закономерно обращение указанных лиц в военные суды для установления истины. Как раз судебные решения позволяют увидеть те проблемные части правовых предписаний, которые по-разному трактуются сторонами и вызывают споры.

1. *Регистрация военнослужащего по месту жительства в жилом помещении в другом населенном пункте не всегда является препятствием для принятия на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания.*

С мая 1994 г. Ш. проходит военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в Тейково Ивановской области. Выслуга лет на военной службе в календарном исчислении — более 29 лет.

Решением начальника жилищного органа в 2021 г. Ш. отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях,

¹ Корякин В.М. Ежегодный мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих приобрел новое правовое регулирование // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5 (298). С. 42.

² См. подробнее: https://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11933494@cmsArticle (дата обращения: 06.11.2023).

³ См.: <https://realty.ria.ru/20230328/kvartira-1861236862.html?ysclid=lf57td85qm142672604> (дата обращения 06.11.2023).

⁴ См., напр.: Глухов Е.А. Возможность увольнения военнослужащего за не связанные с исполнением обязанностей военной службы правонарушения // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 7. С. 16—25; Кудашкин А.В., Харитонов В.С. Обеспечение жилыми помещениями бывших военнослужащих Украины (на примерах судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 62—67; Миронов В.С., Харитонов С.С. О постановке военнослужащих на учет в качестве нуждающихся в получении жилых помещений: современные тенденции военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2021. № 9 (290). С. 76-91; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О некоторых вопросах жилищного обеспечения военнослужащих, являющихся членами семей военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2020. № 10. С. 7-9, и др.

предоставляемых для постоянного проживания. Причина, — Ш. с 4 декабря 2014 г. постоянно зарегистрирован в жилом помещении в Москве, общей площадью 77,1 кв. м, принадлежащем Л. В этой квартире зарегистрировано всего 6 человек. Поскольку учетная норма Решением Ивановской городской думы от 24 мая 2005 г. № 513 установлена в размере 10 кв. м на человека, то Ш. является обеспеченным по установленным нормам жилой площадью для постоянного проживания.

Полагая свои права нарушенными, поскольку в указанном жилом помещении он никогда не проживал, членом семьи собственника этой квартиры не является, Ш. обратился в гарнизонный военный суд с административным иском заявлением, в котором просил признать незаконным решение жилищного органа об отказе в принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях, который был удовлетворен.

Согласно абзацу тринадцатому п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие-граждане признаются нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ, в порядке, утверждаемом Правительством Российской Федерации, и обеспечиваются жилыми помещениями либо денежными средствами на приобретение или строительство жилых помещений в соответствии с настоящим Федеральным законом.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются граждане, не являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения.

В силу ч. 1 и 2 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему

жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи. Члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

Согласно ст. 3 Закона о праве граждан на свободу передвижения регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. При этом наличие или отсутствие у лица регистрации в жилом помещении является лишь одним из доказательств по делу, которое подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами.

По делу установлено, что 8 октября 2012 г. с Ш. был заключен контракт о прохождении военной службы до наступления предельного возраста пребывания на ней, то есть по 7 февраля 2015 г., в дальнейшем он проходит военную службу по контракту, заключенному сверх предельного возраста пребывания на военной службе. При этом суд установил, что Ш. родственником как собственника жилого помещения в Москве, так и родственником кого-либо из членов его семьи не является, в качестве члена семьи собственника в это жилое помещение не вселялся и совместно с Л. и членами ее семьи в нем не проживал, с рождения проживает в Тейково Ивановской области, в том числе с 2014 г. по настоящее время — в съемном жилье, в связи с чем гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу об отсутствии препятствия для принятия Ш. на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания. Суд правильно учел показания свидетеля Л., пояснившей, что проживание в жилом помещении по договору аренды,

так же, как и регистрация в нем, были предоставлены Ш. в 2014 г. в связи с предстоящим увольнением его в 2015 г. с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе для устройства его на работу в Москве.

С такими выводами согласилась и апелляционная инстанция. Подобное толкование приведенных норм законодательства дано в Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 226-КАД22-1-К10¹.

2. По истечении пяти лет с момента утраты права пользования жилым помещением, предназначенным для постоянного проживания, и отсутствии каких-либо доказательств, свидетельствующих об обеспеченности в настоящее время по месту прохождения военной службы жильем, военнослужащий имеет право на обеспечение служебным жилым помещением в этом же населенном пункте.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворено административное исковое заявление Ш. об оспаривании решения жилищного органа об исключении из списка на предоставление служебных жилых помещений.

По делу установлено, что Ш. поступила на военную службу в сентябре 1999 г., в периоды с марта 2011 г. по ноябрь 2013 г., с ноября 2013 г. по октябрь 2016 г. и с октября 2016 г. по январь 2017 г. проходила военную службу по контракту в Дзержинске Нижегородской обл., в Нижнем Новгороде и в Валуйки Белгородской обл., соответственно.

С июля 2017 г. Ш. является военнослужащим воинской части в Дзержинске, где с 24 октября 2019 г. была включена в список на предоставление служебных жилых помещений. Выявив в представленных Ш. документах факт нахождения у нее с 4 июля 2011 г. по 30 июня 2015 г. на праве собственности жилого помещения общей площадью 62,4 кв. м в Дзержинске и по-

следующую его продажу матери, решениями жилищных органов в 2021 г. она исключена из списка на предоставление служебных жилых помещений, как незаконно принятая на него.

Удовлетворяя административный иск Ш., суд исходил из того, что требования жилищного законодательства распространяются на всех граждан России и изъятий не содержат.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 92 ЖК РФ к жилым помещениям специализированного жилищного фонда относятся, в том числе и служебные жилые помещения, а согласно ч. 2 ст. 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте. Суд первой инстанции правильно указал, что в соответствии с ч. 1 ст. 7 ЖК РФ если жилищные отношения не урегулированы жилищным законодательством или соглашением участников таких отношений, и при отсутствии норм гражданского или иного законодательства, прямо регулирующих такие отношения, к ним, если это не противоречит их существу, применяется жилищное законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона).

Так, в соответствии со ст. 53 ЖК РФ граждане, которые с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях совершили действия, в результате которых такие граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий. Согласно ч. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим — гражданам, проходящим военную службу по контракту, предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить слу-

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за первое полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=74 (дата обращения 04.11.2023).

жебные жилые помещения в указанных населенных пунктах — в других близлежащих населенных пунктах.

Из материалов дела следует, что Ш., проходя военную службу в Нижнем Новгороде, 30 июня 2015 г. продала своей матери принадлежащее ей на праве собственности и неполученное от военного ведомства жилое помещение в Дзержинске. С 7 мая 2015 г. Ш. находилась на регистрационном учете по адресам воинских частей.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также учитывая, что со дня утраты Ш. права пользования жилым помещением, предназначенным для постоянного проживания (дня его продажи) прошло более пяти лет, каких-либо доказательств, свидетельствующих о ее обеспеченности жильем в настоящее время по месту прохождения военной службы не представлено, суд первой инстанции пришел к верному выводу о незаконности оспариваемого решения, в связи с чем правильно удовлетворил заявленные требования.

Окружной военный суд, рассматривая апелляционную жалобу административного ответчика, с выводами суда первой инстанции согласился¹.

3. Гражданин, вселенный в качестве члена семьи собственника в соответствующее учетной норме жилое помещение, сохранивший право пользования этим жилым помещением после перехода права собственности на него, оснований для нахождения на жилищном учете не имеет.

Решением начальника филиала «Южный» ФГАУ «Росжилкомплекс» супруга Г. (О.) снята с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, на том основании, что она обеспечена жилым помещением по установленным нормам в качестве члена семьи собственника жилого помещения.

Г. обратился в суд с административным иском заявлением, в котором просил признать незаконным указанное решение и обязать должностное лицо его отменить.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным в апелляционном порядке без изменения, в удовлетворении иска отказано по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений или выделение денежных средств на их приобретение в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Военнослужащие — граждане признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 51 ЖК РФ, одним из условий признания гражданина нуждающимся в жилом помещении является обеспечение его общей площадью жилого помещения для постоянного проживания на одного члена семьи менее учетной нормы либо отсутствие такого жилого помещения вовсе.

Частями 1 и 2 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» указано, что для признания супруга, а также детей и родителей собственника жилого помещения, вселенных

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за первое полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=74 (дата обращения 07.11.2023).

им в это жилье, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки, а также выяснения волеизъявления собственника на их вселение.

По делу установлено, что на основании договора купли-продажи от 9 ноября 2009 г. зарегистрировано право собственности Х. (дочери О. от первого брака) на жилое помещение, расположенное по месту службы в городе N общей площадью 44,80 кв. м. В этом жилом помещении О. зарегистрирована по месту жительства и проживала в нем с 2011 по 2015 гг.

В марте 2013 г. на основании договора дарения данное жилое помещение передано в собственность матери О.

Таким образом, вселившись в 2011 г. в указанное жилое помещение в качестве члена семьи собственника жилого помещения (своей дочери), О. после передачи в 2013 г. этой квартиры по договору дарения в собственность матери этот статус не утратила, сохранила в ней регистрацию по месту жительства, то есть не утратила право пользования данным жилым помещением.

При таких обстоятельствах оснований для нахождения на жилищном учете О., обеспеченной общей площадью жилого помещения выше учетной нормы, установленной в избранном Г. после увольнения месте жительства — городе Y, не имелось¹.

4. При применении статьи 53 ЖК РФ установлению подлежат не только действия, которые привели к уменьшению размера занимаемых гражданами жилых помещений, утрате права пользования

жилыми помещениями или к их отчуждению, но и возникновение в результате этих действий оснований признания граждан нуждающимися в жилых помещениях.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворен административный иск военнослужащей воинской части О. о признании незаконным и отмене решения жилищной комиссии воинской части от 7 июля 2021 г. об отказе в принятии ее на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Суд пришел к выводу о неправомерности отказа, так как после совершения О. в 2015 г. действий по ухудшению жилищных условий в результате отчуждения в пользу брата принадлежащего ей жилого помещения установленный ст. 53 ЖК РФ пятилетний срок истек.

Окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение об отказе в удовлетворении иска, отметив следующее.

Заклучившая контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. О. в 2007 г. унаследовала квартиру в г. Санкт-Петербурге общей площадью 46,5 кв. м, в которой была зарегистрирована с 1994 г. по 3 апреля 2021 г.

В 2015 г. данную квартиру О. подарила брату, а вступившим в законную силу решением районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 февраля 2021 г. по иску брата О. была признана утратившей право пользования этой квартирой с последующим снятием с регистрационного учета.

8 апреля 2021 г., имея выслугу более 20 лет, О. обратилась в жилищную комиссию с заявлением о принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях по договору социального найма по месту прохождения военной службы, в чем ей было отказано на основании п. 3 ч. 1 ст. 54 ЖК РФ.

В соответствии с абзацем тринадцатым п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие — граждане признаются военным ведомством нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ, в

¹ См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 года, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 15.07.2022 г. № 14 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=311 (дата обращения 06.11.2023).

порядке, утвержденном Правительством Российской Федерации, а именно Правилами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2020 г. № 1768 (далее — Правила).

О. просила принять ее на учет, указав, что за последние пять лет действий по намеренному ухудшению жилищных условий не производила, жилых помещений, денежных средств на строительство или приобретение жилья, а также земельных участков не получала, то есть претендовала на признание ее нуждающейся в жилых помещениях на основании п. 1 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 54 ЖК РФ, который применила жилищная комиссия, отказ в принятии граждан на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях допускается в случае, если не истек предусмотренный ст. 53 ЖК РФ пятилетний срок.

В соответствии с п. 12 Правил военнослужащие, которые с намерением приобретения права состоять на учете совершили действия и гражданско-правовые сделки с жилыми помещениями, которые привели к уменьшению размера занимаемых жилых помещений, утрате права их пользования или к их отчуждению, в результате которых военнослужащие могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет не ранее чем через 5 лет со дня совершения указанных намеренных действий.

К действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий, относятся намеренные действия и гражданско-правовые сделки, в результате совершения которых у военнослужащих возникли основания признания их нуждающимися в жилых помещениях, предусмотренные ст. 51 ЖК РФ.

Суд первой инстанции полагал, что к действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий О., следует отнести дарение ею квартиры брату в 2015 г.

Между тем, согласно разъяснениям абзаца второго п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых во-

просах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» жилое помещение может выступать объектом как гражданских, так и жилищных правоотношений. Судам следует иметь в виду, что гражданское законодательство в отличие от жилищного законодательства регулирует отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением жилым помещением как объектом экономического оборота (например, сделки с жилыми помещениями, включая передачу в коммерческий наем жилых помещений).

С учетом приведенных правовых норм и разъяснений юридически значимым обстоятельством является не только сам факт совершения военнослужащими действий, перечисленных в абзацах втором — седьмом п. 12 Правил, но и возникновение в результате этих действий оснований признания их нуждающимися в жилых помещениях, что не было учтено гарнизоном военным судом.

18 мая 2015 г. О. вследствие отчуждения принадлежавшего ей жилого помещения утратила право собственности на него, как на объект гражданских правоотношений. При этом из решения районного суда усматривалось, что по соглашению с братом О. осталась проживать в отчужденной квартире.

Таким образом, брат О., реализуя полномочия собственника жилого помещения, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 30, а также ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, фактически вселил сестру в квартиру в качестве члена семьи.

Данный вывод подтверждается тем, что, произведя отчуждение квартиры, О. с регистрационного учета по месту жительства в ней не снялась, а новый собственник (ее брат) до 2021 г. этот вопрос не ставил и препятствий в реализации О. своих прав, предусмотренных ч. 2 ст. 31 ЖК РФ, не создавал.

К тому же установленный вступившим в силу решением районного суда факт того, что О. являлась членом семьи собственника квартиры, в силу ч. 2 ст. 64 КАС РФ оспариванию и доказыванию по настоящему административному делу не подлежал.

Из справки о регистрации следовало, что по состоянию на 18 мая 2015 г. в квартире по месту жительства были зарегистрированы два человека: О. и ее сын.

С учетом прав собственника жилого помещения на каждого проживающего приходилось по 15,5 кв. м общей площади жилого помещения, что превышает учетную норму по г. Санкт-Петербургу (9 кв. м) и исключает возможность признания О. нуждающейся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, на основании п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ.

Данных о новом месте жительства О. суду представлено не было, из чего следует, что право пользования квартирой, в которой она была зарегистрирована до 3 апреля 2021 г., сохранялось за ней до вступления в законную силу решения районного суда, то есть до 11 марта 2021 г.

Поскольку по решению этого суда О. утратила право пользования жилым помещением вследствие своего поведения, связанного с невыполнением условий проживания в нем, то предписания ст. 53 ЖК РФ жилищной комиссией были к ней применены правомерно и обоснованно (см.: *Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за I полугодие 2022 года,*

утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г. URL: http://Izovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=287 (дата обращения 05.11.2023)).

Библиография

Глухов, Е.А. Возможность увольнения военнослужащего за не связанные с исполнением обязанностей военной службы правонарушения / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение.* — 2018. — № 7. — С. 16—25.

Корякин, В. М. Ежегодный мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих приобрел новое правовое регулирование / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение.* — 2022. — № 5(298). — С. 40—45.

Кудашкин, А.В. Обеспечение жилыми помещениями бывших военнослужащих Украины (на примерах судебной практики) / А.В. Кудашкин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение.* — 2020. — № 7(276). — С. 62—67.

Миронов, В.С. О постановке военнослужащих на учет в качестве нуждающихся в получении жилых помещений: современные тенденции военной судебной практики / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение.* — 2021. — № 9 (290). — С. 76—91.

Туганов, Ю.Н. О некоторых вопросах жилищного обеспечения военнослужащих, являющихся членами семей военнослужащих / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // *Военно-юридический журнал.* — 2020. — № 10. — С. 7—9.

О некоторых особенностях и современных тенденциях реализации военнослужащими права на труд

© Ветошкина Алина Азатовна,
кандидат юридических наук
© Ветошкин Павел Андреевич,
Центр научных исследований вопросов права

Аннотация. В статье раскрываются особенности реализации права на труд военнослужащих, в том числе в период мобилизации, рассматриваются некоторые запреты и ограничения, связанные с прохождением военной службы, выносятся предложения по совершенствованию правового регулирования реализации права на труд военнослужащими, рассматриваются условия совмещения военной службы с иной оплачиваемой деятельностью.

Ключевые слова: право на труд военнослужащих, ограничения и запреты, связанные с прохождением военной службы, иная оплачиваемая деятельность, условия совмещения иной оплачиваемой деятельности с военной службой, основания увольнения с военной службы, особенности распространения антикоррупционных запретов и ограничений на военнослужащих, призванных по мобилизации, увольнение военнослужащих в связи с утратой доверия в условиях мобилизации.

About some features and modern trends of the realization of the right to work of service members

© Vetoshkina A.A.,
Candidate of Legal Sciences
© Vetoshkin P.A.,
Center for scientific research of legal issues

Annotation. The article reveals the peculiarities of the realization of the right to work of military personnel, including during the mobilization period, some prohibitions and restrictions related to military service are considered, proposals are made to improve the legal regulation of the exercise of the right to work of service members, the conditions for combining military service with other paid activities are considered.

Keywords: the right to work of service members, restrictions and prohibitions related to military service, other paid activities, conditions for combining other paid activities with military service, grounds for dismissal from military service, features of the spread of anti-corruption prohibitions and restrictions on service members called up for military service on mobilization, dismissal of service members due to loss of confidence in the conditions of mobilization.

Право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы (п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»). В свою очередь военная служба представляет собой особый вид государственной службы и особую профессиональную деятельность, предполагающую осуществление жизненно важных для государства функций по обеспечению обороны и безопасности государства. Такая специфика профессиональной деятельности определяет повы-

шенные требования к профессионально-психологическим качествам, состоянию здоровья, физической подготовке военнослужащего и его соответствие другим требованиям, установленным нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы в конкретном федеральном органе государственной власти.

В то же время правовой статус военнослужащего предполагает некоторые ограничения прав и свобод человека и гражданина в отношении самого военно-

служащего, в том числе конституционного права на труд. Такие ограничения, установленные п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», обусловлены необходимостью качественного и эффективного исполнения должностных обязанностей и исключения возможности использования должностного положения в корыстных целях. Эти ограничения в большинстве случаев касаются запретов для военнослужащих на получение дополнительного дохода от иной профессиональной деятельности, в том числе предпринимательской, или в связи с использованием служебного положения. Нарушение таких запретов влечёт для военнослужащих наступление юридической ответственности и, в ряде случаев, увольнение с военной службы. Так, согласно подп. «д.1» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» осуществление военнослужащим предпринимательской деятельности или его участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом, вхождения военнослужащего в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации, рассматривается как дисциплинарное коррупционное правонарушение и влечёт увольнение военнослужащего с военной службы. Нарушение иных ограничений, установленных п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» также рассматривается как дисциплинарное коррупционное правонарушение, за совершение которого военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в соответствии с подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

В связи с серьёзностью применяемых санкций за нарушение запретов и ограни-

чений, связанных с прохождением военной службы, с одной стороны, а также необходимостью совершенствования военного законодательства в условиях проведения специальной военной операции и современных военных угроз Российской Федерации, с другой стороны, хотелось бы рассмотреть некоторые актуальные вопросы в сфере реализации военнослужащими права на труд, требующие конкретизации и внесения некоторых изменений в положения Федерального закона «О статусе военнослужащих», а также иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам прохождения военной службы.

В первую очередь мы хотели бы обратить внимание на исключительные обстоятельства, разрешающие иную оплачиваемую деятельность военнослужащих. Как указано выше, военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью помимо военной службы, за исключением педагогической, научной и иной творческой. При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Введение такого запрета со стороны государства вполне логично и обоснованно и, как справедливо указывал В.М. Корякин, «установление для военнослужащих ряда запретов и ограничений является одним из эффективных правовых средств предупреждения коррупции в военной организации государства»¹. Он также говорил о том, что «интерес государства состоит в том, чтобы военнослужащий в полной мере посвящал себя военной службе, развитию своих профессиональных навыков и умений, был в готовности выполнить воз-

¹ Корякин В.М. Дополнительную оплачиваемую деятельность — под контроль командования (комментарий к приказу ФСБ России от 30 июля 2012 г. № 378) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 11. С. 89—95.

ложенные на него обязанности по защите Отечества с оружием в руках в любых условиях, в том числе с риском для жизни»¹, с чем мы также полностью согласны.

Но в то же время законодатель даёт военнослужащим возможность осуществлять иную оплачиваемую деятельность, такую, как педагогическая, научная, творческая, и необходимость нормативного закрепления и регулирования такой деятельности, на наш взгляд, имеет некоторые причины. Во-первых, с учётом исторического экскурса вопроса совмещения военной службы и иной оплачиваемой деятельности² стоит отметить, что факты осуществления военнослужащими иной оплачиваемой деятельности являлись и являются не единичными. Во-вторых, отдельные военнослужащие имеют педагогический, творческий или научный потенциал, а также обладают знаниями, умениями или навыками, которые могут быть применены в общественно-полезных целях или в целях передачи знаний молодым поколениям и их воспитания³. Например, военнослужащий, осуществляя научную деятельность (не в рамках служебной деятельности или служебного задания), а именно разрабатывая и публикуя научные работы, в целом способствует развитию той или иной отрасли науки. В-третьих, исключить полностью какие-либо иные источники получения дополнительных денежных средств помимо денежного довольствия военнослужащего невозможно и нецелесообразно. В качестве таких источников, помимо педагогической, научной и иной творческой деятельности, могут выступать различные социальные выплаты и субсидии, страховые выплаты, доходы от продажи имущества, компенсационные выплаты, материнский капитал и т.п.

Кроме того, отдельные государственные органы имеют право конкретизировать порядок и условия осуществления педагогической, научной и иной творческой деятельности. Например, в отношении во-

еннослужащих органов федеральной службы безопасности действует приказ ФСБ России от 30 июля 2012 г. № 378 «Об условиях совмещения военнослужащими органов федеральной службы безопасности военной службы с иной оплачиваемой деятельностью».

Что касается проблемных моментов в сфере правового регулирования реализации права военнослужащих на осуществление иной оплачиваемой деятельности, то они есть и в используемой терминологии. Так, Федеральный закон «О статусе военнослужащих» не раскрывает понятий «педагогическая, научная и иная творческая деятельность». О их содержании мы можем делать выводы только из других нормативных правовых актов Российской Федерации, проводя аналогию, что может создавать сложности в понимании грани между разрешенной и запрещенной деятельностью. Согласно ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» научная (научно-исследовательская) деятельность — это деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. Ст. 3 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» определяет творческую деятельность как деятельность по созданию культурных ценностей и их интерпретации. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и вовсе не даёт определения понятия «педагогическая деятельность», но говорит о педагогических работниках, как лицах, состоящих в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняющих обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности⁴.

Среди значимых тенденций в сфере реализации права на труд военнослужащих можно выделить изменения российского

¹ Там же.

² Там же.

³ Имеется в виду информация, не относящаяся к государственной и иной охраняемой законом тайне.

⁴ См. п. 21 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации».

законодательства относительно лиц, имеющих статус педагогических работников. Согласно Федеральному закону от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» с 1 января 2023 г. к таким лицам относятся тренеры (а теперь тренеры-преподаватели), т.е. тренерская деятельность тоже стала педагогической. Инструкторы по физической культуре также включены в перечень педагогических работников согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 225 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций». А вот инструкторы по спорту отсутствуют в вышеуказанном перечне должностей отсутствуют, что создает некоторые противоречия.

Необходимость и важность изменений законодательства, позволяющих военнослужащим осуществлять тренерскую деятельность для военной организации государства определяется следующим.

С одной стороны, реализация тренерской деятельности военнослужащими может способствовать патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации, и в первую очередь, детей и молодежи. Как человек, жизненные ценности которого предполагают приоритет интересов государственных, общественных перед личными, а также стремление и готовность защищать свою страну и любовь к Родине, военнослужащий способен оказывать положительное военно-патриотическое воспитательное воздействие в процессе тренерской деятельности на своих подопечных. Важность военно-патриотического воспитания и та роль, которую оно способно сыграть для общества и государство в условиях предвоенного времени и вооруженных конфликтов, не вызывает сомнений и подчеркивается не только в концептуальных нормативных документах

нашего государства, но и в работах многих учёных¹.

С другой стороны, для военной организации государства крайне важно формировать кадровый корпус военнослужащих гражданами, физически подготовленными, имеющими определенные спортивные достижения, особенно в военно-прикладных и служебно-прикладных видах спорта. Поэтому в целом акцент на физическое развитие детей и молодежи, повышение их уровня физической и спортивной подготовки заслуживает особого внимания со стороны государства. Кроме того, в настоящее время в условиях сложной геополитической обстановки, проведения специальной военной операции приобретает актуальность вопрос физической и спортивной подготовки взрослого населения, граждан Российской Федерации, которые могут быть мобилизованы для прохождения военной службы.

Тренерская деятельность, как и иная педагогическая деятельность, направлена на достижение социально-полезных целей, а именно целей, связанных с передачей подрастающему поколению социально значимых знаний, умений, навыков и опыта. Трансляция военнослужащим в процессе тренерской деятельности не только жизненного, но и боевого опыта будет способствовать развитию тех прикладных качеств в подопечных, которые способны положительным образом сказаться на результатах служебной деятельности в случае выбора в будущем профессиональной деятельности военнослужащего.

Возможность осуществления военнослужащими тренерской деятельности может способствовать решению проблемы организации детских и молодежных спортивных секций в отдаленных от развитых городов районах, где не хватает квалифицированных кадров для проведения тренировок и соревнований, что опять же только

¹ Бараненков В.В. Организационно-правовые формы военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки в интересах мобилизации в предвоенный период и в условиях войны // Военное право. 2022. № 6. С. 28—41.

положительным образом может отразиться на формировании личности гражданина Российской Федерации, на воспитании целеустремленности, привычек здорового образа жизни, постановки правильных жизненных целей и выбора будущей профессии.

Решение вышеуказанной кадровой проблемы с привлечением военнослужащих возможно в связи с тем, что, во-первых, высокий уровень физической подготовки является необходимым условием прохождения военной службы, а спортивная подготовка достаточно сильно популярна среди военнослужащих, во-вторых, среди военнослужащих достаточно много лиц, имеющих высокие достижения в области физкультуры и спорта, в-третьих, у отдельных военнослужащих имеются необходимые навыки, опыт и даже квалификация к осуществлению тренерской (инструкторской) деятельности. Кроме того, военнослужащие, способные качественно осуществлять тренерскую (инструкторскую) деятельность, при желании могли бы участвовать в проведении мероприятий физической и спортивной подготовки других военнослужащих своей или иных воинских частей, получая при этом дополнительный доход.

С учётом вышеизложенного представляется весьма значимым как для государства в целом, так и для отдельных военнослужащих расширение их возможностей осуществлять иную деятельность, приносящую доход, что может способствовать улучшению их морально-психологического и материального состояния. Но в то же время для того, чтобы иная оплачиваемая деятельность¹ военнослужащего не перешла в его основную трудовую деятельность и не наносила вреда безопасности государства, на наш взгляд, необходимо соблюдение ряда следующих условий²:

¹ Здесь и далее имеется в виду преподавательская, научная и творческая деятельность.

² Ряд из этих условий уже отражен в приказе ФСБ России от 30 июля 2012 г. № 378 «Об условиях совмещения военнослужащими органов федеральной службы безопасности военной службы с иной оплачиваемой деятельностью».

1) иная оплачиваемая деятельность не должна мешать исполнению обязанностей военной службы. Например, в связи с тем, что военнослужащий основное внимание уделяет дополнительной профессиональной деятельности, он менее ответственно стал относиться к основным своим служебным обязанностям и не справляется с поставленными перед ним задачами;

2) иная оплачиваемая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

3) иная оплачиваемая деятельность должна осуществляться в свободное от службы время (выходные, отпуск (в том числе отпуск по уходу за ребёнком), вне времени, установленного регламентом служебного времени);

4) военнослужащий не должен использовать своё служебное положение в целях создания благоприятных условий для иной оплачиваемой деятельности;

5) у военнослужащего, намеревающегося осуществлять или осуществляющего иную оплачиваемую деятельность, должно отсутствовать неснятое дисциплинарное взыскание «предупреждение о неполном служебном соответствии» или более строгие дисциплинарные взыскания;

6) в рамках осуществления иной оплачиваемой деятельности не должно допускаться разглашение сведений, составляющих государственную тайну, или какой-либо иной служебной информации;

7) доход от иной оплачиваемой деятельности в обязательном порядке должен быть отражён в справке о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера военнослужащего, которая подаётся ежегодно;

8) о намерении осуществлять иную оплачиваемую деятельность военнослужащий в обязательном порядке должен уведомлять командира воинской части рапортом, в котором должно указываться: вид иной оплачиваемой деятельности, ор-

ганизация, в которой военнослужащий намерен осуществлять иную оплачиваемую деятельность, и замещаемую должность, дни и время, в которые будет осуществляться данная деятельность, сроки трудового договора (при наличии). Документы, касающиеся осуществления военнослужащими иной оплачиваемой деятельности, должны подшиваться в личное дело военнослужащего;

9) военнослужащий, намеревающийся осуществлять иную оплачиваемую деятельность, в случаях, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации, должен соответствовать квалификационным требованиям к осуществлению того или иного вида иной оплачиваемой деятельности (например, требований к замещению должностей);

10) военнослужащий также обязан соблюдать иные требования нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам реализации иной оплачиваемой деятельности (например, по уплате налогов);

11) контроль за соблюдением военнослужащими условий совмещения военной службы с иной оплачиваемой деятельностью должны осуществлять их непосредственные начальники.

Рассматривая по сути антикоррупционные запреты и ограничения военнослужащих, установленные в п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», стоит также обратить внимание на особенности распространения, а вернее нераспространения запрета на осуществление предпринимательской деятельности лично или через доверенных лиц, в том числе на участие в управлении коммерческими организациями в отношении мобилизованных граждан-предпринимателей (граждан, являющихся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) организаций, а также осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа)¹. Такое исключе-

ние для указанной категории граждан было установлено Федеральным законом от 20 октября 2022 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации"». Данный Федеральный закон ввёл ст. 21.1 в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», касающуюся особенностей, связанных с призывом на военную службу по мобилизации отдельных категорий граждан и ее прохождением указанными категориями граждан. Хотя, на наш взгляд, с учётом того, что, согласно п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», граждане, призванные по мобилизации, приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту, необходимо было вносить изменения, касающиеся исключения из под запретов и ограничений, связанных с реализацией права на труд военнослужащих, не в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», а конкретно в ст. 10 «Право на труд». Именно данный нормативный правовой акт посвящён правам, свободам, обязанностям, ответственности и другим элементам правового статуса всех военнослужащих, а Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» в большей степени регулирует организационные основы мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации. Кроме того, с объявлением в сентябре 2022 г. частичной мобилизацией в целом встал остро вопрос об особенностях правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации, так как их права, обязанности и ответственность по объёму и содержанию несколько отличаются от тех, что установлены как для военнослу-

¹ Подробнее, см.: Зайков Д.Е. Защита прав мобилизованных граждан-предпринимателей // Военное право. 2023. № 1. С. 107—109; Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного

на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 1. С. 116.

жащих по контракту, так и для военнослужащих по призыву¹.

В условиях мобилизации также возникают трудности с применением положений Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» об ответственности за совершение коррупционных правонарушений в виде увольнения с военной службы по подп. «д.1» п. 1 и подп. «е. 1» п. 2 ст. 51, так как в соответствии Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в период частичной мобилизации определены всего лишь три основания увольнения с военной службы², среди которых «утрата доверия» не предусмотрена. В.М. Корякин писал по этому поводу следующее; «безусловно, в чрезвычайных условиях увольнение по указанным основаниям может быть воспринято как своего рода «поощрение», легальный способ уйти от необходимости рисковать жизнью и здоровьем»³, — в чём мы с ним полностью согласны. Но в то же время, что же делать с реальными и злостными нарушителями, которые требуют мер дисциплинарного воздействия? В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, особенности и порядок реализации мер ответственности за совершение коррупционных правонарушений военнослужащих в военное время и в условиях мобилизации также требует законодательного урегулирования.

Таким образом, реализация военнослужащим права на труд предполагает в качестве основной профессиональной деятельности военную службу, но в исключительных случаях допускается и иная оплачиваемая деятельность, а именно педагогическая, научная, иная творческая деятельность. К исключениям также относится осуществление предпринимательской деятельности лично или через доверенных лиц военнослужащими из числа мобилизованных граждан. Кроме того, остается открытым вопрос о применении мер ответ-

ственности за нарушение антикоррупционных ограничений и запретов в виде увольнения с военной службы в период введения мобилизации в связи с тем, что такое основание к увольнению при действии режима мобилизации не применяется.

Особое значение приобретает расширение содержания педагогической деятельности в части касающейся включения в неё деятельности тренерской. Но в то же время стоит урегулировать возможность осуществления и инструкторской деятельности в области спорта, для чего внести соответствующие изменения либо в п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», либо в законодательство об образовании и физической культуре и спорте. Актуальна и конкретизация понятий педагогическая, научная и творческая деятельность как иная оплачиваемая деятельность, разрешенная военнослужащим.

Также необходимо нормативное закрепление и реальное соблюдение условий осуществления иной оплачиваемой деятельности с учётом того, что такое совмещение военнослужащими военной службы и иной оплачиваемой деятельности не должно ущемлять интересы военной службы, а сама военная служба оставалась главным делом и призванием военнослужащего.

Библиография

1. Бараненков, В.В. Организационно-правовые формы военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки в интересах мобилизации в предвоенный период и в условиях войны / В.В. Бараненков // Военное право. — 2022. — № 6. — С. 28—41.

2. Зайков, Д.Е. Защита прав мобилизованных граждан-предпринимателей / Д.Е. Зайков / Военное право. — 2023. — № 1. — С. 107—109.

3. Корякин В.М. Дополнительную оплачиваемую деятельность — под контроль командования (комментарий к приказу ФСБ России от 30 июля 2012 г. № 378) / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 11. — С. 89—95.

4. Корякин В.М. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы / В.М. Корякин, Я.А. Топорков // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 113—121.

¹ См. подробнее: Корякин В.М., Топорков Я.А. Указ. соч. С. 113—121.

² По возрасту, по состоянию здоровья, в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы (Прим. авторов).

³ Корякин В.М., Топорков Я.А. Указ. соч. С. 120.

Система и полномочия органов, осуществляющих реализацию военно-социальной политики в отношении участников специальной военной операции и членов их семей

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры № 25 ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

Аннотация. В статье проанализирована действующая система органов и организаций, в полномочия которых входит реализация законодательства о социальных гарантиях участников специальной военной операции. Показана роль и место в этой системе Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации. Подробно раскрыты полномочия Минобороны России в сфере обеспечения социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, показана система центральных органов военного управления, уполномоченных в сфере реализации прав и социальных гарантий указанных категорий граждан. Обоснована необходимость координации деятельности органов и организаций в сфере реализации социальных гарантий участников специальной военной операции и членов их семей.

Ключевые слова: военно-социальная политика; специальная военная операция; социальные гарантии; социальная защита военнослужащих и членов их семей; полномочия Президента Российской Федерации; полномочия Минобороны России; военные комиссариаты.

The system and powers of the bodies implementing military-social policy in relation to participants of a special military operation and their family members

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department No. 25 of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense

Annotation. The article analyzes the current system of bodies and organizations whose powers include the implementation of legislation on social guarantees of participants in a special military operation. The role and place of the President of the Russian Federation, the Federal Assembly of the Russian Federation, and the Government of the Russian Federation in this system are shown. The powers of the Ministry of Defense of the Russian Federation in the field of social protection of military personnel, citizens discharged from military service, and their family members are disclosed in detail, the system of central military administration bodies authorized in the field of the implementation of the rights and social guarantees of these categories of citizens is shown. The necessity of coordinating the activities of bodies and organizations in the implementation of social guarantees of participants in a special military operation and their family members is substantiated.

Keywords: military-social policy; special military operation; social guarantees; social protection of servicemen and their families; powers of the President of the Russian Federation; powers of the Ministry of Defense of Russia; military commissariats.

Общие положения законодательства о субъектах военно-социальной политики. Смысл управления социальной сферой заключается в координации, гармонизации взаимодействия подсистем, совершенствовании структуры этого чрезвычайно сложного системного образования. На федеральном уровне военно-социальная сфера является объектом управления для всех органов государственной власти, прежде всего для министерств, ведающих вопросами социальной защиты населения, образования, культуры и межнациональных отношений, здравоохранения, физической культуры и спорта, труда и др. На ведомственном уровне указанные функции выполняют соответствующие структурные подразделения названных органов. Наличие эффективно функционирующей системы государственных органов, на которые возложено практическое осуществление социальной защиты и социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, лиц, пребывающих в добровольческих формированиях, и членов их семей, является важнейшим элементом реализации целей и задач военно-социальной политики в отношении участников специальной военной операции (СВО).

В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возлагается на органы государственной власти, органы местного самоуправления, федеральные суды общей юрисдикции, правоохранительные органы в пределах их полномочий, а также является обязанностью командиров (начальников). Реализации прав указанных категорий граждан в соответствии с законодательством могут также содействовать общественные объединения. Согласно п. 5 ст. 1 Закона о статусе военнослужащих органы государственной власти, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления и организации вправе устанавливать в пределах своих полномочий

дополнительные социальные гарантии и компенсации военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей.

Таким образом, законодательством определен достаточно обширный круг субъектов военно-социальной политики. Рассмотрим компетенцию и функции основных из них.

Президент Российской Федерации. Общее руководство всей системой внутренней и внешней политики российского государства осуществляет *Президент Российской Федерации*, который согласно ст. 87 Конституции Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами. В соответствии с ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Президент Российской Федерации определяет основные направления военной политики Российской Федерации, осуществляет руководство Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами, утверждает концепции и планы их строительства и развития. Свои полномочия по определению основных направлений военной политики государства (составной частью которой является военно-социальная политика) и по их реализации Президент Российской Федерации осуществляет через *Совет Безопасности Российской Федерации*, который в соответствии с Положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175, является конституционным совещательным органом, осуществляющим содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз. Совет Безопасности является органом, обеспечивающим условия для

осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации

В соответствии с п. 5 и 6 ст. 2 Закона о статусе военнослужащих Президент Российской Федерации наделяется полномочиями устанавливать военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, ветеранам дополнительные социальные гарантии и компенсации, а также распространять своими указами социальных гарантии и компенсаций, предусмотренных данным законом для военнослужащих и членов их семей, на других лиц и членов их семей.

Пользуясь данными полномочиями, в ходе СВО, осуществляемой с 24 февраля 2022 г. Президентом Российской Федерации издан ряд правовых актов, связанных с установлением дополнительных социальных гарантий участникам СВО и их семьям, например:

— *Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 № 98* установлены дополнительные единовременные выплаты в размере 3 000 000 руб. участникам СВО, получившим ранения, и 5 000 000 руб. семьям погибших;

— *указами Президента Российской Федерации от 12 августа 2022 г. № 545 и от 31 декабря 2022 г. № 996* определен порядок льготного исчисления выслуги лет участников СВО из числа военнослужащих ФСБ России и Росгвардии;

— *Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 787* установлена единовременная выплата участникам СВО в размере 195 000 руб.;

— *Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 788* мобилизованным военнослужащим установлена ежемесячная социальная выплата в размере 158 000 руб.;

— *Указом Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 582* определены меры по обеспечению обязательного государственного страхования жизни и здоровья граждан Российской Фе-

дерации, пребывающих в добровольческих формированиях;

— *Указом Президента Российской Федерации от 11 сентября 2023 г. № 699* для военнослужащих, заключивших контакты о военной службе в период СВО, и военнослужащих, призванных по мобилизации, которые до поступления (призыва) на военную службу получали пенсию за выслугу лет в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу ...» установлена ежемесячная компенсационная выплата в размере 100 процентов пенсии за выслугу лет, выплачиваемой на день приостановления ее выплаты.

Федеральное Собрание Российской Федерации воздействует на военно-социальную политику в отношении участников СВО и членов их семей через законотворческую деятельность и толкование законов, финансово-бюджетное обеспечение, парламентские слушания, парламентские и депутатские запросы, отчеты должностных лиц, экспертные заключения, контроль за кадровой политикой, деятельность Уполномоченного по правам человека.

В соответствии с Федеральным законом «Об обороне» Государственная Дума рассматривает расходы на оборону, устанавливаемые федеральными законами о федеральном бюджете, принимает федеральные законы в области обороны. Совет Федерации рассматривает расходы на оборону, установленные принятыми Государственной Думой федеральными законами о федеральном бюджете, рассматривает принятые Государственной Думой федеральные законы в области обороны.

Согласно ч. 1 ст. 20 Регламента, утвержденного постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД, Государственная Дума образует следующие комитеты, деятельность которых непосредственно связана с разработкой и принятием законодательных актов, регулирующих социальную политику государства в целом и военно-социальную политику в

частности: Комитет по труду, социальной политике и делам ветеранов; Комитет по бюджету и налогам; Комитет по обороне; Комитет по охране здоровья; Комитет по науке и высшему образованию; Комитет по просвещению; Комитет по вопросам семьи, женщин и детей; Комитет по культуре; Комитет по физической культуре и спорту; Комитет по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству.

В Совете Федерации в соответствии с Регламентом, утвержденным постановлением Совета Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ, законотворческую деятельность в сфере военно-социальной политики осуществляют: Комитет по обороне и безопасности; Комитет по социальной политике; Комитет по науке, образованию и культуре.

Всего за период после начала СВО Федеральным Собранием Российской Федерации рассмотрены и приняты порядка 70 законов о социальной защите военнослужащих и их семей¹.

Правительство Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом от 6 ноября 2020 г. № 4-ФЗ «О Правительстве Российской Федерации» является высшим исполнительным органом государственной власти Российской Федерации и в пределах своих полномочий осуществляет регулирование в социально-экономической сфере, формирует федеральные целевые программы и обеспечивает их реализацию, прогнозирует социально-экономическое развитие Российской Федерации, разрабатывает и осуществляет программы развития приоритетных отраслей экономики, обеспечивает совершенствование бюджетной системы.

Согласно ст. 24 названного законодательного акта в сфере обеспечения обороны и государственной безопасности Правительство Российской Федерации организует оснащение

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов вооружением и военной техникой, их обеспечение материальными средствами, ресурсами и услугами; обеспечивает предоставление социальных гарантий военнослужащим и иным лицам, привлекаемым в соответствии с федеральными законами к обороне страны или обеспечению безопасности государства.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об обороне» Правительство Российской Федерации разрабатывает и представляет в Государственную Думу предложения по расходам на оборону в федеральном бюджете; организует обеспечение Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов материальными средствами, энергетическими и другими ресурсами и услугами по их заказам; определяет условия финансово-хозяйственной деятельности организаций Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов; принимает решение о создании, реорганизации и ликвидации военных образовательных учреждений профессионального образования, факультетов военного обучения и военных учебных центров при образовательных учреждениях высшего профессионального образования; определяет порядок расходования средств, выделяемых на оборону из федерального бюджета, а также источники финансирования Вооруженных, других войск, воинских формирований и органов, привлекаемых к выполнению задач, не связанных с их предназначением.

Значительную роль в военно-социальной политике Российской Федерации играют федеральные органы исполнительной власти. Прежде всего, это относится к Минздраву России, Минтруду России, Минфину России, Минобрнауки России, Минпросвещения России и, безусловно, к федеральным органам исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба. Орган исполнительной власти — это самостоятельная структурная единица в

¹ <https://dumatv.ru/news/kuznetsova--70-zakonov-prinyato-v-zaschitu-voennosluzhaschih-i-ih-semei?ysclid=lo8vk25bxxn9429717>

системе исполнительной власти, реализующая функции государственного управления в пределах предоставляемых ему полномочий в определенной сфере, предмете (объекте) государственного ведения.

Непосредственную реализацию военно-социальной политики в отношении военнослужащих и членов их семей осуществляют федеральные органы исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба. Рассмотрим их функции на примере Минобороны России.

Минобороны России согласно Положению, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также иные установленные законодательством функции в этой области. Обеспечение социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей отнесено указанным Положением к числу основных задач Минобороны России.

Минобороны России в части, касающейся военно-социальной политики, осуществляет следующие полномочия:

— реализует меры правовой и социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

— организует пенсионное обеспечение граждан, уволенных с военной службы, а также членов их семей в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

— организует оперативное, техническое, тыловое и финансовое обеспечение Вооруженных Сил;

— организует функционирование и развитие единых систем технического и тылового обеспечения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

— разрабатывает и осуществляет ком-

плекс профилактических, лечебных, санаторно-курортных, оздоровительных и реабилитационных мероприятий, направленных на охрану и укрепление здоровья военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, членов их семей, организует деятельность медицинских, санаторно-курортных и оздоровительных организаций;

— организует в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах торгово-бытовое обслуживание военнослужащих и членов их семей;

— осуществляет расквартирование и обустройство войск (сил), управление и распоряжение жилищным фондом, закрепленным за Минобороны России, в соответствии с его назначением, организует выполнение работ по инженерным изысканиям, по архитектурно-строительному проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту и техническому перевооружению объектов военной и социальной инфраструктур в Вооруженных Силах, а также эксплуатацию таких объектов.

Министр обороны Российской Федерации в пределах предоставленных ему полномочий:

а) решает вопросы обеспечения прав военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, предоставления им социальных гарантий и компенсаций;

б) представляет в установленном порядке проекты федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по вопросам социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

в) является главным распорядителем средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание Минобороны России и реализацию возложенных на него полномочий;

г) представляет на утверждение в Правительство Российской Федерации

нормы снабжения вещевым имуществом и нормы продовольственных пайков;

д) утверждает временные нормы снабжения вещевым имуществом и нормы продовольственных пайков для отдельных категорий военнослужащих, выполняющих специальные задачи или находящихся в особых климатических условиях;

е) издает приказы по личному составу, дающие право на бесплатную (за исключением государственных пошлин, предусмотренных правилами регистрации) регистрацию военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, для предоставления им жилой площади во всех пунктах дислокации;

ж) подготавливает совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти предложения по совершенствованию систем денежного довольствия военнослужащих, заработной платы гражданского персонала Вооруженных Сил, пенсионного обеспечения лиц, уволенных с военной службы, и их семей;

з) определяет порядок обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил денежным довольствием, устанавливает, исходя из окладов по типовым воинским должностям военнослужащих, утвержденных Правительством Российской Федерации, размеры окладов по другим (нетиповым) воинским должностям соответствующих категорий военнослужащих, а также в пределах выделенных средств — дополнительные выплаты военнослужащим Вооруженных Сил;

и) утверждает перечни должностей военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил, осуществляющих отдельные виды деятельности, в том числе в ядерном оружейном комплексе, участие в которых дает право на получение социальной поддержки в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

к) утверждает порядок и условия формирования из жилых помещений,

закрепленных за Минобороны России, жилищного фонда коммерческого использования, а также порядок и условия предоставления жилых помещений такого фонда.

Центральные органы военного управления. Для непосредственной реализации социальных гарантий военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил, включая участников СВО и членов их семей, в структуре Минобороны России функционируют соответствующие органы военного управления, к числу которых относятся:

1) *Главное военно-медицинское управление Минобороны России* (ГВМУ) — предназначено для организации медицинского обеспечения Вооруженных Сил. Основными задачами ГВМУ являются:

— планирование применения и развития системы медицинского обеспечения Вооруженных Сил;

— организация строительства медицинской службы Вооруженных Сил;

— осуществление деятельности по поддержанию боевой и мобилизационной готовности медицинской службы Вооруженных Сил;

— организация комплекса профилактических, лечебных, оздоровительных и реабилитационных мероприятий, направленных на охрану и укрепление здоровья военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

— планирование и организация обеспечения Вооруженных Сил медицинской техникой и имуществом, разрешенными к применению на территории Российской Федерации;

— реализация государственной политики в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия личного состава Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов в порядке, установленном законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

— организация медицинского освидетельствования, осмотра и медицинского

обследования граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу и отборе на военную службу по контракту (включая проведение необходимых анализов);

2) *Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации*, на которое возложены следующие задачи:

— организация военно-социальной работы в Вооруженных Силах;

— организация в Минобороны России деятельности по вопросам работы с ветеранами, общественными объединениями ветеранов Вооруженных Сил;

3) *Департамент жилищного обеспечения и управления жилищным фондом* Минобороны России предназначен для решения следующих задач:

— реализация жилищных прав военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также иных категорий граждан в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, путем предоставления жилых помещений, денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений, в том числе жилищных субсидий, единовременных выплат, выдачи государственных жилищных сертификатов;

— реализация полномочий Минобороны России по управлению жилищным фондом, закрепленным за Министерством обороны Российской Федерации, в соответствии с его назначением;

— планирование бюджетных ассигнований по закрепленным направлениям деятельности;

— подготовка проектов нормативных правовых актов Российской Федерации, правовых актов Министерства обороны Российской Федерации и других документов по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности;

— руководство деятельностью ФГАУ «Центральное управление жилищно-социальной инфраструктуры (комплекса)» Минобороны России;

4) *Департамент планирования и координации обустройства войск (сил)* Минобороны Российской Федерации) — пред-

назначен для планирования расквартирования и обустройства войск (сил), а также для координации деятельности органов военного управления и воинских частей по вопросам расквартирования и обустройства войск (сил), управления имуществом, жилищного и медицинского обеспечения Минобороны России.

Основными задачами Департамента являются:

— планирование расквартирования и обустройства войск (сил), в том числе за пределами Российской Федерации;

— координация деятельности органов военного управления, организаций Министерства обороны по вопросам расквартирования и обустройства войск (сил), управления имуществом, жилищного и медицинского обеспечения Министерства обороны, в том числе за пределами Российской Федерации;

— методологическое руководство и организация деятельности по поддержанию мобилизационной готовности в органах военного управления, подчиненных заместителю Министра обороны Российской Федерации;

— совершенствование системы расквартирования и обустройства войск (сил).

5) *Департамент социальных гарантий* Минобороны России решает следующие задачи:

— реализация в Вооруженных Силах государственной политики в области денежного довольствия военнослужащих, заработной платы лиц гражданского персонала, социальных выплат, пособий и компенсаций личному составу Вооруженных Сил и членам их семей, а также пенсий, пособий, компенсаций и других выплат гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей;

— организация контроля за соблюдением законности при назначении и выплате пенсий, пособий, компенсаций и других выплат, предоставлении социальных гарантий гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей;

— осуществление тарификации штатов и проведение единой штатно-тарифной политики в Вооруженных Силах;

— методологическое обеспечение фи-

нансового планирования в Вооруженных Силах по закрепленным за Департаментом расходным обязательствам;

— организация разработки и формирования предложений Министерства обороны в проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период по закрепленным за Департаментом расходным обязательствам;

— подготовка в пределах компетенции Департамента финансово-экономического обоснования мероприятий по строительству и развитию Вооруженных Сил, планов, программ, правовых актов, а также решений, являющихся основанием для возникновения расходных обязательств;

б) *Департамент эксплуатационного содержания и обеспечения коммунальными услугами воинских частей и организаций* Минобороны России — предназначен для организации эксплуатации объектов военной и социальной инфраструктур в Вооруженных Силах. Основные задачи Департамента:

— осуществление в интересах Вооруженных Сил перспективного и текущего планирования объемов бюджетных ассигнований, необходимых для финансирования расходов на оплату ресурсных и эксплуатационных государственных контрактов;

— организация и осуществление в пределах своей компетенции в Вооруженных Силах (в том числе и за пределами Российской Федерации) деятельности по эксплуатации материально-технической базы (в том числе, связанной с расквартированием войск (сил));

— организация в Вооруженных Силах деятельности по техническому содержанию, обслуживанию материально-технической базы и оптимизации расходов на ее содержание, в том числе организация обеспечения органов военного управления, воинских частей и организаций Вооруженных Сил материальными средствами по закрепленной за Департаментом номенклатуре;

— организация деятельности по реализации в Вооруженных Силах государственной программы по энергосбереже-

нию и повышению энергетической эффективности;

— проведение и организация работы по координации деятельности органов военного управления в рамках полномочий Департамента, в том числе истребование от соответствующих заинтересованных органов военного управления в установленные сроки необходимых сведений по вопросам расквартирования войск (сил) в части эксплуатации материально-технической базы и оптимизации содержания имущественного комплекса Министерства обороны;

— методическое руководство деятельностью управлений эксплуатации военных округов и филиалов, организация и контроль хода проведения отопительного (межотопительного) периода, а также устранения аварийных ситуаций;

— участие в международном военном (военно-техническом) сотрудничестве;

7) *ФГКУ «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих»* (ФГКУ «Росвоенипотека») — обеспечивает функционирование накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (НИС). Основные задачи:

— учет накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников;

— оформление и выдача целевых жилищных займов участникам НИС;

— предоставление накоплений участникам НИС после возникновения права на их использование;

— информационно-разъяснительная работа по функционированию НИС;

8) *ФГБУ «Центральное жилищно-коммунальное управление»* Минобороны России — создано для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий Министерства обороны в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Основной целью деятельности ФГБУ «Центральное жилищно-коммунальное управление» является содержание (эксплуатация) объектов военной и социальной инфраструктуры

и предоставление коммунальных услуг в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Военные комиссариаты. В соответствии с Положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 2012 г. № 1609, основными задачами военных комиссариатов в части, касающейся социальной защиты призывников, граждан, уволенных с военной службы, ветеранов и их семей, являются:

1) организация совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и представителями медицинских организаций (военно-медицинских учреждений) медицинского освидетельствования граждан, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, граждан, призываемых на военную службу (военные сборы), и осуществление контроля за прохождением ими медицинского обследования;

2) проведение при содействии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и при участии медицинских организаций (военно-медицинских учреждений) мероприятий:

— по медицинскому осмотру граждан, не пребывающих в запасе и призванных на военную службу, перед направлением их к месту прохождения военной службы;

— по контрольному медицинскому освидетельствованию граждан, получивших освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, и граждан, заявивших о несогласии с медицинским заключением об их годности к военной службе;

— по медицинскому освидетельствованию граждан, не проходящих военную службу и поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военные образовательные организации высшего образования, военные профессиональные образовательные организации, граждан, изъявивших желание пройти обучение или обучающихся в военных учебных центрах

при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, в военных образовательных организациях высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса, и граждан, пребывающих в запасе;

— иных мероприятий, связанных с призывом граждан на военную службу (военные сборы), направлением граждан, обучающихся в военных учебных центрах при организациях высшего образования, в военных образовательных организациях высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса, на учебные сборы (стажировки);

3) осуществление учета граждан, пребывающих в запасе, являющихся ветеранами боевых действий, принимавших участие в ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций;

4) рассмотрение обращений о выдаче удостоверений ветерана боевых действий и организация выдачи таких удостоверений в установленном порядке;

5) осуществление учета граждан, пребывающих в запасе, являющихся ветеранами боевых действий, принимавших участие в ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций;

6) участие в работе (включая подготовку и направление соответствующих запросов) по розыску архивных документов, подтверждающих участие граждан, уволенных с военной службы, и других граждан в Великой Отечественной войне, боевых действиях, ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций, а также документов, необходимых для решения вопроса об установлении причинной связи полученных гражданами ранений, контузий, увечий или заболеваний с прохождением ими военной службы;

8) извещение членов семей лиц, погибших (умерших) при прохождении военной службы (военных сборов);

9) организация погребения военнослужащих и иных категорий граждан в местностях, где нет военных гарнизонов, а также возмещение расходов на их погребение, изготовление и установку надгробных памятников в порядке и размерах, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

10) осуществление пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, членов семей погибших (умерших) военнослужащих, назначение указанным лицам пенсий, пособий, предоставление компенсаций и осуществление других выплат, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

11) реализация мер правовой и социальной защиты граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, членов семей погибших (умерших) военнослужащих, в том числе осуществление информационной работы по этим вопросам.

Коллегиальные с совещательные органы. Учитывая множественность органов и организаций, в полномочия которых входит реализация социальных гарантий военнослужащих и их семей, а также их различную ведомственную принадлежность, с началом СВО возникла настоятельная потребность в создании межведомственных координационных органов.

Одним из таких органов является *Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов*, образованный Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763.

Основными задачами Координационного совета являются:

а) принятие решений по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

б) решение вопросов, связанных с обеспечением Вооруженных Сил, других

войск, воинских формирований и органов вооружением, военной и специальной техникой, материальными средствами и ресурсами, в том числе с выполнением работ и оказанием услуг в этих целях;

в) определение целевого задания по обеспечению в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, ключевых направлений и сроков выполнения такого задания, а также осуществление контроля за его выполнением. Ключевые направления выполнения целевого задания включают в себя в том числе поставку и ремонт вооружения, военной и специальной техники, материальных средств, медико-санитарное обслуживание, проведение ремонтно-восстановительных, строительномонтажных и иных работ, обеспечение логистики;

г) формирование плана выполнения целевого задания по обеспечению в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов с учетом ключевых направлений его выполнения, в том числе определение сроков и объемов осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг, объемов и источников финансирования;

д) определение объемов и направлений расходования бюджетных средств для осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг в целях обеспечения в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

е) решение вопросов, связанных с формированием цен на товары, работы, услуги, необходимые для обеспечения в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

ж) подготовка предложений по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей), субподрядчиков, соисполнителей для осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг в

целях обеспечения в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов;

з) оказание содействия в обеспечении создания объектов военной инфраструктуры, в том числе в оборудовании казарм, мест дислокации войск (сил), полигонов, учебно-тренировочных баз и объектов социально-бытового назначения;

и) координация цифровизации, автоматизации и информационно-аналитического обеспечения в области обороны, в том числе создание баз данных мобилизационных ресурсов;

к) организация контроля за осуществлением поставок товаров, выполнением работ и оказанием услуг в целях обеспечения в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов.

Вторым таким коллегиальным органом является *рабочая группа по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в СВО, и членов их семей*, образованная распоряжением Президента Российской Федерации от 20 декабря 2022 г. № 420-рп.

Основными задачами рабочей группы являются:

а) обеспечение взаимодействия палат Федерального Собрания Российской Федерации, федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, в том числе общественных объединений, по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, воинского учета, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей;

б) мониторинг и анализ правоприменительной практики по вопросам, относящимся к компетенции рабочей группы;

в) контроль за реализацией мер социальной и правовой защиты граждан Рос-

сийской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей, а также взаимодействие с такими гражданами и членами их семей;

г) рассмотрение вопросов, связанных с организацией мест размещения граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, иным материально-техническим обеспечением таких граждан и воинских формирований, совершенствованием деятельности военных комиссариатов, и подготовка соответствующих предложений;

д) подготовка предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере мобилизационной подготовки и мобилизации, а также в сфере социальной защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей;

е) участие в информационной и разъяснительной работе по вопросам, связанным с мобилизационной подготовкой и мобилизацией;

ж) анализ состояния работы по патристическому воспитанию молодежи, подготовке граждан Российской Федерации по основам военной службы и военно-учетным специальностям, формированию мобилизационного людского резерва, а также подготовка соответствующих предложений;

з) подготовка предложений по вопросам создания, развития и сохранения мобилизационных мощностей, производства продукции, необходимой для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований, нужд населения.

Важное место в реализации социальных гарантий участников СВО и их семей занимают органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также общественные объединения, негосударственные и иные организации и фонды.

Предназначение Фонда «Защитники Отечества». В целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и активную деятельность участников СВО, иных лиц и членов их семей, Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля

2023 г. № 232 образован Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества».

Согласно Уставу, утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2023 г. № 1168-р, Фонд «Защитники Отечества» является не имеющей членства унитарной некоммерческой организацией, учрежденной Российской Федерацией в организационно-правовой форме «фонд» в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» для достижения общественно-полезных целей. Фонд является социально ориентированной некоммерческой организацией.

Учредителем Фонда от имени Российской Федерации является Правительство Российской Федерации. Деятельность Фонда и формирование его имущества осуществляются за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, добровольных имущественных взносов и пожертвований, а также иных источников в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Численность центрального аппарата Фонда составляет 130 единиц, численность филиалов Фонда в субъектах Российской Федерации и численность социальных координаторов, являющихся сотрудниками Фонда, устанавливаются учредителем Фонда по предложению наблюдательного совета Фонда.

Круг лиц, в отношении которых осуществляет свою деятельность Фонд. Деятельность Фонда направлена на организацию и оказание поддержки и помощи:

— ветеранам боевых действий, принимавшим участие (содействовавшим выполнению задач) в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с 24 февраля 2022 г., на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г., уволенным с военной службы (службы, работы);

— лицам, принимавшим в соответствии с решениями органов публичной власти Донецкой Народной Республики,

Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 г.;

— членам семей названных выше лиц, погибших (умерших) при выполнении задач в ходе специальной военной операции (боевых действий), членам семей лиц, названных в абзацах втором и третьем настоящего подпункта, умерших после увольнения с военной службы (службы, работы), если смерть таких лиц наступила вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при выполнении задач в ходе специальной военной операции (боевых действий).

Членами семей участников СВО, на которых распространяется деятельность Фонда, признаются:

- супруг (супруга);
- дети, не достигшие возраста 18 лет;
- дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет;
- дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения;
- родители, проживающие совместно с участниками СВО, либо проживавшие совместно с указанными лицами на дату их гибели (смерти);
- лица, находящиеся на иждивении указанных лиц, либо находившиеся на иждивении указанных лиц на дату их гибели (смерти).

Органы управления Фонда и их полномочия. Органами Фонда являются:

а) *наблюдательный совет Фонда* (высший коллегиальный орган Фонда). Председатель наблюдательного совета Фонда назначается, а его состав утверждается Президентом Российской Федерации. Наблюдательный совет определяет приоритетные направления деятельности Фонда, порядок использования его имущества, утверждает бюджет Фонда;

б) *попечительский совет Фонда* (надзорный орган Фонда). Состав попечи-

тельского совета Фонда утверждается Президентом Российской Федерации. Попечительский совет:

— осуществляет надзор за деятельностью Фонда, принятием органами Фонда решений и обеспечением их исполнения, использованием средств Фонда и соблюдением им законодательства Российской Федерации;

— утверждает перечень лекарственных препаратов и медицинских изделий, в том числе не зарегистрированных в Российской Федерации, технических средств реабилитации, закупаемых Фондом для участников СВО и членов их семей, перечень товаров, работ, услуг, закупаемых Фондом в целях адаптации жилых помещений под индивидуальные потребности указанных лиц;

в) *правление Фонда* (коллегиальный исполнительный орган Фонда). Председателем правления Фонда является председатель Фонда по должности. Состав правления Фонда утверждается Правительством Российской Федерации;

г) *председатель Фонда* (единоличный исполнительный орган Фонда). Председатель Фонда назначается Президентом Российской Федерации;

д) *экспертный совет Фонда* (экспертно-консультативный орган Фонда). Порядок работы и состав экспертного совета Фонда утверждаются Правительством Российской Федерации. Экспертный совет Фонда:

— обеспечивает взаимодействие Фонда с экспертным и научным сообществом;

— формирует перечень лекарственных препаратов и медицинских изделий, технических средств реабилитации, перечень товаров, работ, услуг, закупаемых Фондом в целях адаптации жилых помещений под индивидуальные потребности участников СВО и членов их семей, и представляет эти перечни на утверждение попечительского совета Фонда;

Член наблюдательного совета Фонда и член попечительского совета Фонда:

а) вправе совмещать членство в наблюдательном совете Фонда и попечительском совете Фонда с замещением государственной должности Российской Фе-

дерации, должности федеральной государственной службы, в том числе федеральной государственной гражданской службы;

б) осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе и не могут состоять в трудовых отношениях с Фондом.

Цели Фонда. Основными целями деятельности Фонда являются:

— организация и оказание поддержки и помощи участникам СВО и членам их семей;

— обеспечение комплексного сопровождения участников СВО и членов их семей, включая персональное сопровождение, а также обеспечение социальной адаптации, интеграции и ресоциализации, обучения (переобучения, повышения квалификации), содействие в трудоустройстве участников СВО;

— оказание участникам СВО и членам их семей психолого-психотерапевтической помощи, бесплатной юридической помощи по вопросам оформления и предоставления мер социальной поддержки, а также содействие в получении установленных законодательством Российской Федерации мер социальной поддержки;

— реализация дополнительных финансовых механизмов обеспечения участников СВО и членов их семей лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, в том числе не зарегистрированными в Российской Федерации, техническими средствами реабилитации, не входящими в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, включая высокофункциональные протезы и протезно-ортопедические изделия, по перечню, утвержденному попечительским советом Фонда;

— содействие в получении участниками СВО и членами их семей при наличии показаний, установленных законодательством Российской Федерации, услуг по медицинской реабилитации, паллиативной медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, домашнего (долговременного) ухода и осуществление в данных целях взаимодействия с федеральными органами государственной власти, ор-

ганами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными медицинскими и социальными организациями, некоммерческими организациями и добровольческими (волонтерскими) организациями;

— адаптация жилых помещений, используемых участниками СВО и членами их семей, являющимися инвалидами, под индивидуальные потребности по перечню, утвержденному попечительским советом Фонда;

— содействие в оформлении (восстановлении) документов и получении статуса ветерана боевых действий в соответствии с Законом о ветеранах;

— привлечение при содействии федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления участников СВО к реализации государственной информационной политики и общественных проектов, направленных на патриотическое воспита-

ние граждан, в том числе молодежи, на защиту исторической правды и сохранение исторической памяти, сохранение и укрепление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

— участие в программах, направленных на прославление подвигов участников СВО и иных лиц;

— участие в разработке и реализации государственных программ поддержки ветеранов боевых действий.

Таким образом, реализация целей и задач всестороннего социального обеспечения СВО и ее участников в значительной мере зависит от слаженной, скоординированной работы всех органов, организаций, должностных лиц, причастных к данной области общественных отношений. Дальнейшее укрепление координации и взаимодействия указанных органов — одно из актуальных направлений правового обеспечения современной военно-социальной политики Российской Федерации.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Уголовно-правовая характеристика уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами

© Борисов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье представлена уголовно-правовая характеристика уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами. Раскрыты объективные и субъективные признаки данного состава преступления, которые проиллюстрированы примерами из судебной практики.

Ключевые слова: преступления против военной службы, уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Criminal-legal characteristics of evasion from the performance of military service duties by simulating illness or by other means

© Borisov A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor

Annotation. The article presents the criminal-legal characteristics of evasion from performing the duties of military service by simulating illness or by other means. Objective and subjective signs of this corpus delicti are revealed, which are illustrated by examples from judicial practice.

Keywords: crimes against military service, evasion of military service duties by simulating illness or by other means.

Одним из преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы, является уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ). Уклонение может быть совершено различными ухищренными способами. В ч. 1 ст. 339 УК РФ, предусмотрены следующие основные способы уклонения:

— путем симуляции болезни (например, симуляция заболеваний крови, нервной системы и др.);

— путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), например, это может быть прострел собственных частей тела (рук или ног), или же перелом различных окончаний с целью уклонения и т.д.;

— путем подлога документов (например, предоставление заведомо ложных до-

кументов о наличии тех или иных заболеваний);

— путем иного обмана. Зачастую, пытаясь уклониться от исполнения обязанностей по военной службы, военнослужащие могут придумывать самые различные способы, поэтому диспозиция ч. 1 ст. 339 УК РФ не является догмой.

Объект преступления по ст. 339 УК РФ совпадает с объектами преступлений, предусмотренных ст. 337-338 УК РФ. В качестве объекта преступления выступают общественные отношения, которые связаны с порядком прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемого преступного деяния выступает закрепленный порядок пребывания на военной службе.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, выражается в уклонении военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана.

Рассматриваемая статья устанавливает уголовную ответственность как за временное уклонение от исполнения обязанностей по военной службе (ч. 1), так и за полное освобождение от исполнения обязанностей военной службы, совершенное путем обмана (ч. 2).

Временное уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлога документов или иного обмана квалифицируется по ч. 1 ст. 339 УК РФ.

Временное уклонение, как правило, совершается в целях уклонения от выполнения конкретных обязанностей посредством симуляции болезни, к примеру, из-за отсутствия желания принимать участие по различным причинам в учениях. При этом продолжительность уклонения от исполнения обязанностей военной службы для состава оконченного преступления значения не имеет.

В тех случаях, когда лицо совершает перечисленные в ст. 339 УК РФ действия с целью временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы, но в силу каких-либо объективных обстоятельств эти действия обуславливают увольнение его с военной службы (например, развитие заболевания вследствие причиненной при членовредительстве травмы приводит к негодности к военной службе по состоянию здоровья), содеянное также подлежит квалификации по ч. 1 ст. 339 УК РФ.

Если лицо преследовало цель полностью освободиться от исполнения обязанностей военной службы, однако при этом преступление не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам (симуляция болезни или иной обман, не приведшие к фактическому освобождению от исполнения обязанностей военной службы, могут признаваться покушением

на совершение этого преступления), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 339 УК РФ.

Например, в случае обнаружения у лица орудия или средства для совершения членовредительства (это могут быть заточки, ножи или иные предметы, способные причинить вред здоровью), их приискание квалифицируется как приготовление к уклонению от исполнения обязанностей военной службы указанным способом.

Если подлог документов, на основании которых лицо подлежало досрочному увольнению с военной службы, был обнаружен командованием, содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 339 УК РФ.

Преступление, предусмотренное в ч. 2 ст. 339 УК РФ, содержит квалифицированный состав преступного деяния, который характеризуется таким признаком, как совершение преступного деяния в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы. ч. 2 ст. 339 УК РФ относится к категории тяжких преступлений.

Временное уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлога документов или иного обмана надлежит квалифицировать по части 1 статьи 339 УК РФ. При этом продолжительность уклонения от исполнения обязанностей военной службы для состава оконченного преступления значения не имеет. Вместе с тем в случаях уклонения военнослужащих от исполнения обязанностей военной службы на непродолжительный срок судам необходимо рассмотреть вопрос о возможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ¹.

Например, военнослужащий А. по просьбе военнослужащего С. изготовил и нанес в область грудной клетки последнего неизвестное вещество, из-за которого

¹ См. п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

началась подкожная инфекция грудной клетки у военнослужащего С. Моментом окончания преступления при членовредительстве является время, с которого лицо уклонилось от исполнения своих обязанностей (причем неважно, всех или некоторых обязанностей по военной службе).

Под подлогом документов понимается внесение в документы заведомо ложных сведений, а равно исправлений, искажающих их действительное содержание, т.е., военнослужащий представляет командиру подложный документ, что позволяет военнослужащему уклониться от исполнения обязанностей военной службы.

Например, внесение в документы ложной информации о смерти или тяжелой болезни близких родственников, исправлений, изменяющих возраст, время заболевания военнослужащего и иные данные.

При подлоге документов преступление считается оконченным с момента освобождения военнослужащего от исполнения тех или иных обязанностей по военной службе, соответственно на основании предоставленных подложных документах. Если, подложный документ изготовлен по просьбе военнослужащего (например, врачом), то действия врача в данном случае, необходимо квалифицировать по ст. 339 УК РФ, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, и по соответствующей части ст. 327 УК РФ. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы, совершенное военнослужащим путем подлога документов, дающих право на временное или полное освобождение от исполнения обязанностей военной службы, полностью охватывается ст. 339 УК РФ.

Иной обман состоит в сообщении военнослужащим командованию воинской части, заведомо ложных сведений об обстоятельствах, которые обуславливают освобождения военнослужащего от исполнения обязанностей по военной службе. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем иного обмана может осуществляться как посредством сообщения различного рода ложной информации (о повреждении оружия, военной техники, чрезвычайных обстоятельствах и т.п.), так и при умышленном сокрытии ин-

формации, которую военнослужащий обязан был сообщить (об излечении от заболевания, исчезновении иных препятствий для выполнения обязанностей военной службы). При этом, в качестве иного обмана могут быть и случаи подкупа должностных лиц, в целях освобождения от исполнения обязанностей по военной службе. В этой связи должностные лица, участвующие в данном преступлении, должны нести уголовную ответственность по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», со ссылкой на ст. 33 и ст. 339 УК РФ, как соучастники преступления.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный и считается оконченным с момента фактического прекращения выполнения военнослужащим обязанностей военной службы¹.

Субъект преступления — специальный, им является военнослужащий. Субъектами преступлений являются военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК РФ, может быть гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу².

Исполнителем предусмотренного ст. 339 УК РФ преступления, совершенного путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), может быть лишь военнослужащий независимо от того, был причинен вред здоровью самим уклоняющимся или по его просьбе другим лицом. В последнем случае преступные действия такого лица подлежат квалификации по совокупности преступлений как пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, и соответствующее преступление

¹ Гладких В.И., Курчеев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. С. 599.

² Прозументов Л.М. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 808.

против личности (например, предусмотренное ст. 111 или 112 УК РФ)¹.

С субъективной стороны деяние, предусмотренное ст. 339 УК РФ, совершается с прямым умыслом и характеризуется обязательным наличием цели — уклонение от исполнения обязанностей по военной службе.

Согласно ч. 1 ст. 339 УК РФ уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана, наказывается ограничением по военной службе на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

Как было отмечено ранее, уклонение по ч. 1 носит временный характер, т.е., военнослужащий, по истечению определенного количества времени желает вернуться в воинскую часть или к месту службы. Однако, некоторые «изобретательные» военнослужащие, совершают необдуманные поступки, желая добиться краткосрочного освобождения, что по итогу перерастает, в некоторых случаях даже в случаи нанесение себе смертельных повреждений, а в лучшем случае, остаются инвалидами.

Уклонение обманным способом чаще всего проворачивается военнослужащими, которые обучаются в тех или иных учебных заведениях, предоставляя липовые справки о якобы начавшийся учебной сессии.

Так, Хабаровским гарнизонным военным судом (Хабаровский край), был осужден военнослужащий Баклажук Е.А., который дважды уклонился от исполнения обязанностей военной службы путем предоставления заведомо подложных справок из учебного заведения и обмана командования воинской части, выразившегося в сообщении недостоверных сведений о необходимости убытия в учебный отпуск для

сдачи экзаменационной сессии. Исследовав имеющиеся доказательства, определив характер и степень общественной опасности совершенных Баклажуком преступлений, влияние наказания на исправление подсудимого и на условия жизни его семьи, а также данные о его личности, суд признал его виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 339 УК РФ, и назначил ему наказание: по ч. 1 ст. 339 УК РФ (за уклонение от исполнения обязанностей военной службы в период с 1 до 27 октября 2018 г.) с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере двадцати тысяч рублей; по ч. 1 ст. 339 УК РФ (за уклонение от исполнения обязанностей военной службы в период с 15 апреля до 15 мая 2019 г.) с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере двадцати тысяч рублей. В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ, суд по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний окончательно назначил Баклажуку Е.А. наказание в виде штрафа в размере тридцати тысяч рублей².

В соответствии с ч. 2 ст. 339 УК РФ уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана, совершенное в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы, наказывается лишением свободы на срок до семи лет. Здесь умысел лица, совершающего преступление, вполне понятен — лицо не желает возвращаться в воинскую часть (к месту службы), и если, например, речь идет о членовредительстве, то военнослужащий, может причинить повреждения себе сам (или по его просьбе другим лицом), которые способствуют уклонению от исполнения обязанностей военной службы.

Часть 3 ст. 339 УК РФ, была введена в связи с началом проведения нашей страной специальной военной операции СВО).

¹ См. п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

² Приговор № 1-40/2020 от 22 апреля 2020 г. по делу № 1-40/2020 (Хабаровский гарнизонный военный суд (Хабаровский край)) // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.01.2023).

Деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Дополнение данным пунктом выше указанной статьи является некой «страховкой» от подобных действий со стороны военнослужащих в отношении государства. До введения данной части не было механизма регулирования подобных отношений, и военнослужащие активно этим пользовались в зоне СВО. Более того, даже некоторые командиры использовали подобные методы, опасаясь за свои жизни, при этом, бросая своих подчиненных в трудных ситуациях. Данный вопрос, конечно же, требует глубоко осмысления со стороны руководства Минобороны России. Ведь трезво оценивая ситуацию на фронте, до командиров нужно донести, что они являются прямым примером, а иногда и даже ориентиром для тех или иных военнослужащих, особенно для молодых и неопытных. На наш взгляд, было бы разумно в ст. 339 УК РФ внести отдельный пункт, согласно которому к уголовной ответственности привлекались бы командиры и другие должностные лица, которые несут личную ответственность за жизни своих подчиненных, за деяния, предусмотренные в ч. 1 и ч. 2 ст. 339 УК РФ, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Наказание, по нашему мнению, тоже должно быть соответствующее, установив минимальный порог лишения свободы от 10 лет вплоть до пожизненного лишения свободы, в зависимости от условий боевых действий. Мы имеем в виду, что если в такой ситуации по вине командира погибло большое количество военнослужащих, то стоит задуматься о назначении такому лицу пожизненного лишения свободы с лишением специального воинского звания.

Необходимо также отметить, что перечень заболеваний, которые ограничивают прохождение военной службы, или же способствуют полному освобождению от прохождения военной службы, содержатся в постановлении Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе». В указанном нормативно-правовом акте изложены требования к состоянию здоровья тех или иных категорий военнослужащих, и в нем же подробно указаны заболевания, которые ограничивают или освобождают от прохождения военной службы. В этом же нормативном правовом акте, говорится о методах лечения тех или иных заболеваний (в т.ч., если это явилось следствием несения службы).

Библиография

1. Гладких, В.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник // В.И. Гладких, В.С. Курчеев. — М.: Новосибирский государственный университет, 2015.
2. Прозументов, Л.М. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / Л.М. Прозументов. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019.

О составе преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен»

© **Вотченко Ирина Артуровна**,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры кадрового, правового и психологиче-
ского обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в числе которых — дополнение его статьей 352.1 «Добровольная сдача в плен». Указанная норма является сравнительно молодой. В настоящей статье представлен военно-правовой анализ состава преступления, установленного данной статьей УК РФ, в том числе с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации, а также представлено авторское мнение по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: добровольная сдача в плен, уголовная ответственность, военная служба.

On the composition of the crime under Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Voluntary surrender"

© **Votchenko I.A.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Personnel, Legal and
Psychological Support, Academy of the State Fire
Service of the Ministry of Emergency Situations of
Russia

Abstract. Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" amended the Criminal Code of the Russian Federation, including the addition of its Article 352.1 "Voluntary surrender". This norm is relatively young. This article will present a military-legal analysis of the corpus delicti established by this Article of the Criminal Code of the Russian Federation, including taking into account the position of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the author's opinion on the issue under consideration.

Keywords: voluntary surrender, criminal liability, military service.

Военно-правовое исследование правоотношений, складывающихся в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции, выявило необходимость внесения изменений в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе в Уголовный кодекс Российской Федерации. Данный вопрос освещался в различных работах российских ученых¹.

¹ См. напр.: Военно-административное право (военная администрация) : учебник / М.М. Баранни-

ков, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко и др. М.: РГУП, 2022. С. 67; Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 113—121; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 68—79; Харитонов С.С., Воробьев А.Г. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое

Так, Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в УК РФ были внесены изменения в виде дополнения его статьей 352.1 «Добровольная сдача в плен». Согласно указанной статье криминализована добровольная сдача в плен при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ¹. Санкция за совершение данного преступления предусмотрена в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

Согласно примечанию к ст. 352.1 УК РФ военнослужащий, впервые совершивший преступление, предусмотренное указанной статьей, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений.

Положения указанной статьи были предметом рассмотрения высшим судебным органом. Так, согласно п. 111 (Преступления против порядка прохождения

военной службы в особые периоды) Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» при рассмотрении уголовного дела о добровольной сдаче в плен (ст. 352.1 УК РФ) судам необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 23 УВС ВС РФ военнослужащий в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен; в бою он обязан с честью выполнить свой воинский долг.

Под сдачей в плен следует понимать различные действия (бездействие), в результате которых военнослужащий переходит во власть противника.

В тех случаях, когда действия (бездействие), направленные на сдачу в плен, не завершаются переходом во власть противника по причинам, не зависящим от воли лица, содеянное образует покушение на сдачу в плен.

Сдача в плен образует состав преступления только в том случае, если она была добровольной, то есть совершена сознательно при наличии возможности оказывать решительное сопротивление противнику и избежать захвата в плен. Если военнослужащий по своему физическому состоянию не способен уклониться от плена, фактический его захват противником не образует состава данного преступления (например, нахождение военнослужащего в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии).

Добровольная сдача в плен квалифицируется по ст. 352.1 УК РФ только при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ (государственная измена). Если судом будет установлено, что лицо, участвовавшее в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением во-

обозрение. 2022. № 3 (296). С. 61—77; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183—187; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарипов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17.

¹ Ст. 275 УК РФ «Государственная измена» (в ред. Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ). Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

оружия и военной техники, именно в этих целях сдалось в плен, содеянное подлежит оценке только как государственная измена в виде перехода на сторону противника.

Согласно примечанию к ст. 352.1 УК РФ военнослужащий, впервые совершивший добровольную сдачу в плен, может быть освобожден от уголовной ответственности только при наличии всех предусмотренных в этой норме условий (принятие мер для своего освобождения, возвращение в часть или к месту службы и несовершение во время пребывания в плену других преступлений).

Указанное преступное деяние посягает на установленный порядок прохождения военной службы в боевой обстановке. Объективная сторона данного преступления проявляется в виде неисполнения военнослужащим одной из его общих обязанностей: военнослужащий должен избегать плена, оказывая при этом решительное сопротивление противнику, в том числе находясь в отрыве от своей воинской части либо в полном окружении. Добровольная сдача в плен заключается в переходе военнослужащего по собственной воле (при отсутствии физического принуждения либо беспомощного состояния) во власть противника, при котором у него сохранялась реальная возможность избежать пленения, оказывая сопротивление, отступая с поля боя либо иным способом.

Состав преступления будет образован при условии наличия прямого умысла военнослужащего и при наличии возможности избежать попадания в плен. Субъектом преступления, исходя из положений указанной статьи, является военнослужащий.

Граждане, пребывающие в запасе и призванные на военную службу по мобилизации на основании Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», приравниваются к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, как это предусмотрено п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», а, следо-

вательно, они могут быть субъектами указанного преступления.

В соответствии с п. 8.1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Согласно п. 10 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

Положениями абз. первого п. 5.1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены указанным Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами для военнослужащих и членов их семей, предоставляются гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, и членам их семей в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим

Федеральным законом, другими федеральными законами.

Согласно п. 1 ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, либо гражданин, пребывающий в добровольческом формировании, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом и другими федеральными законами. В этой связи мы считаем, что граждане, пребывающих в добровольческих формированиях, имеют статус военнослужащих и на них также распространяются положения рассматриваемой статьи УК РФ. Однако, это вопрос спорный, поскольку в научных исследованиях утверждается обратное: добровольцы военнослужащими не являются¹.

Граждане, пребывающие в запасе и проходящие военные сборы, не являются субъектами данного преступления, поскольку не могут быть привлечены для участия в вооруженном конфликте или боевых действиях (ч. 1 ст. 54 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). К числу субъектов преступления также не относятся сотрудники правоохранительных органов, имеющие специальные звания (например, сотрудники МВД России, Росгвардии), ополченцы, сотрудники частных военных компаний, так как они не проходят военную службу².

Тер-Акопов А.А. в отношении ст. 264 УК РСФСР 1960 г. «Добровольная сдача в плен» указывал, что даже «угроза смерти не может заставить советского воина

сдаться в плен, а потому не является уважительной причиной такой сдачи»³.

Учитывая изложенное, на наш взгляд, дополнение УК РФ ст. 352.1 имеет большое значение для совершенствования уголовного законодательства.

Библиография

1. Власенко, В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее / В.В. Власенко // Уголовное право. — 2023. — № 3. — С. 38—45.

2. Военно-административное право (военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко и др. — Москва: РГУП, 2022. — 449 с.

3. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.

4. Корякин, В.М. О месте добровольческих формирований в системе обеспечения обороны страны / В.М. Корякин, Н.В. Сынков // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10. — С. 18—26.

4. Корякин, В.М. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы / В.М. Корякин, Я.А. Топорков // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 113—121.

5. Кудашкин, А.В. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2 (307). — С. 68—79.

6. Командиру о военно-уголовном законодательстве / [А.Г. Горный, Х.М. Ахметшин, Ф.С. Бражник и др.]; Под общ. ред. А.Г. Горного. — 2-е изд., доп. и дораб. — Москва: Воениздат, 1985. — 208 с.

7. Харитонов, С.С., Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов / С.С. Харитонов, А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3 (296). — С. 61—77.

8. Моргуленко, Е. А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е. А. Моргуленко, С. С. Харитонов, С. Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

¹ Корякин В.М., Сынков Н.В. О месте добровольческих формирований в системе обеспечения обороны страны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10. С. 18—26.

² Власенко В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2023. № 3. С. 38—45.

³ Командиру о военно-уголовном законодательстве / Под общ. ред. А.Г. Горного. М.: Воениздат, 1985. С. 140.

Основные этапы развития российского законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против военной службы

© Загубный Денис Юрьевич,
старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье представлены основные этапы развития российского законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против военной службы. Весь период развития уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за преступления против военной службы, можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный. В статье представлены наглядные примеры трансформации, развития конкретных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления против военной службы.

Ключевые слова: уголовное законодательство, генезис уголовного законодательства, уголовная ответственность за преступления против военной службы.

The main stages of the development of Russian legislation regulating responsibility for crimes against military service

© Zagubny D.Y.,
Senior lecturer of the Department "Criminal law, criminal procedure and law enforcement" Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article presents the main stages of the development of Russian legislation regulating responsibility for crimes against military service. The entire period of development of criminal legislation establishing criminal liability for crimes against military service can be divided into three stages: pre-revolutionary, Soviet and modern. The article presents illustrative examples of the transformation and development of specific criminal law norms that establish responsibility for crimes against military service.

Keywords: criminal legislation, genesis of criminal legislation, criminal liability for crimes against military service.

Генезис отечественного законодательства об уголовной ответственности за преступления против военной службы, датируется началом 16-го столетия.

Говоря об истории отечественного законодательства об уголовной ответственности за преступления против военной службы, можно акцентировать внимание на нескольких основных этапах его развития, а именно:

- 1) дореволюционный этап (временной период с 1529 по 1919 гг.);
- 2) советский этап (временной период с 1919 по 1996 гг.);
- 3) современный этап (временной период с 1996 г. — по настоящее время).

В XVI в., нормативно-правовым актом, регулирующим порядок прохождения военной службы, являлся Литовский статут 1529 г. (данный акт действовал на территории нашей страны в указанное время), который в своей структуре содержал раздел второй, именованный «Об обороне земской», в котором указывалось, что «каждый князь и пан, и дворянин, и вдова, а также каждый сирота, достиг он совершеннолетия или нет, и всякий иной человек, достигший совершеннолетия и имеющий земское имение, когда возникнет необходимость, обязан с нами и нашими потомками или при наших гетманах нести военную службу и снаряжать на военную

службу столько людей, сколько в то время будет признано нужным по земскому постановлению согласно числу людей»¹. Наказание за уклонение было очень строгим, начиная от потери своего имени, заканчивая смертной казнью.

Стоит отметить, что в те времена у России отсутствовала постоянно действующая армия (в современном понимании вооруженных сил), но в случае необходимости собирались военные дружины во главе с князьями, которые распускались по окончании боевых действий. В последующем, в связи с укреплением государственности, а также ввиду регулярных военных конфликтов (например, с Польшей, Турцией, Крымским ханством и др.), появилась потребность в создании профессиональной регулярной, качественно подготовленной армии. Основоположником таких реформ, направленных на создание боеспособной армии, выступил Иван Грозный, который впервые образовал постоянные стрелецкие полки Московского государства.

Основопологающим нормативным правовым актом, который был призван регламентировать централизованное управление войском, включая и вопросы уголовной ответственности за нарушения прав и обязанностей людьми, несущими военную службу, выступал Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки 1621 г.

Закрепленные указанным актом преступные деяния условно можно разделить на две группы: 1) нарушения особых обязанностей во время военной службы и 2) общеуголовные нарушения, связанные с исполнением обязанностей по прохождению военной службы².

Среди множества преступлений, предусмотренных Уставом ратных, пушкарских и других дел, касающихся до во-

енной науки, выделялись и преступления против прохождения военной службы, среди которых особо выделялось такое преступление, как «самовольное оставление службы» (в современном понимании — самовольное оставление части или места службы). Система наказаний была весьма жестокой. Нередко единственным (абсолютным и безальтернативным) наказанием была смертная казнь³.

Ключевое значение в развитии законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за преступления против военной службы, имело Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., в частности, Глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства». Интеграция указанной главы в Соборное уложение 1649 г. явилось попыткой объединить уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за преступления против военной службы. В соответствии с обозначенной главой, преступными деяниями, ориентированными против прохождения военной службы, выступали таковые: «уклонение от государевой службы (п. 18) и побег с поля боя — дезертирство (п. 19)». В числе различных вариантов наказаний, помимо смертной казни были закреплены и иные виды наказаний, установленные за преступные деяния против военной службы, а именно:

— заключение в тюрьму (предвестник современного наказания в виде лишения свободы на определенный срок);

— телесные наказания различных типов, включая связанные с членовредительством (отсечение руки, ног, уха, носа и т.д.);

— конфискация имущества;

— денежные взыскания определенных размеров и др.

Следующая веха в развитии уголовного законодательства в рассматриваемой сфере связана с приходом к власти в 1689 г. Петра I, который распорядился в кратчайшие сроки создать могучую Российскую империю, приступил к реформи-

¹ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск. АН БССР. 1960 (Утратил силу) – [URL] – Режим доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/15201540/Statut1529/text2.phtml?id=2271> (дата обращения: 22.10.2023).

² Ахметшин Х.М. Военно-уголовное право : учебник. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 36.

³ Янченко Е.Е. Наказание военнослужащих за преступления в дореволюционной Руси // Общество и право. 2012 № 2 (39).

рованию всех сфер общественной жизни, в том числе это коснулось укрепления и приумножения могущества и мощи российской армии. Модернизировать российскую армию Петр I решил по западноевропейскому варианту, отдавая предпочтение шведскому образцу. Во главу угла образования новой регулярной армии легла всеобщая воинская повинность, централизованное управление армией и принцип единоначалия, а также строгая воинская дисциплина. Безусловно, для успешного проведения данной реформы, требовалась соответствующая нормативная правовая база. Для этого в начале 18 века издается «Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат», а в 1706 г. — «Краткий артикул». В числе преступных деяний против военной службы названы бегство с поля боя и уклонение от военной службы. Существенные изменения получила система наказаний за рассматриваемую категорию преступлений, чаще стали назначаться такие наказания, как каторга, разжалование в рядовые, вычеты из жалования. Последние два варианта наказаний являются новыми для того периода и более мягкими видами наказания.

1716 г. был ознаменован изданием Петром I «Воинского устава», который включал в себя четыре части. Часть вторая называлась «Артикул воинский с кратким толкованием» и представляла собой так называемый военно-уголовный кодекс. В 1720 г. был принят «Морской устав», который содержал основные положения Артикула воинского, скорректированные с позиции службы в рядах военно-морского флота. Воинский артикул представлял собой основательно систематизированный, детализированный до мелочей сборник уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступные деяния против военной службы. Артикул воинский состоял из 24 глав, которые в свою очередь включали в себя 209 артикулов (статей). В качестве субъектов преступных деяний Артикул воинский по началу признавал только военнослужащих, однако в дальнейшем распространил свое действие

и на гражданских лиц военного ведомства¹.

В соответствии с артикулом 35 3-й главы Воинского артикула за уклонение от несения службы установлен вид наказания, выражающийся в урезании ноздрей, либо в ссылке на каторжные работы. За дезертирство, в соответствии с артикулом 194, устанавливалось наказание в виде смертной казни через повешение на первом встретившемся дереве. Наказание за дезертирство отличалось в зависимости от лица его совершившего. Если дезертирство совершено лицом, прослужившим менее года, то ему назначалось наказание шпицрутеном, в том случае если дезертирство совершено опытным солдатом, то он наказывался кнутом и отправлялся на галеры. В случае добровольной явки с повинной дезертир также получал наказание, но более мягкое и ему предоставлялась возможность остаться служить в вооруженных силах. В отношении офицеров, в случае их дезертирства, применялась несколько отличная система наказаний, к числу которых относились шельмование — это самый суровый вид наказания после смертной казни, арест у профоса — профос являлся самым низшим чином в армейской среде, занимался уборкой различного рода нечистот за другими военнослужащими, также в качестве наказания применялось ношение на себе седла, карабина и пики, и др. В случае уклонения от службы назначались такие виды наказания, как колесование, четвертование, либо сожжение.

Воинский артикул Петра I закрепил в основе своей систему воинских преступлений, которая просуществовала около ста лет, а некоторые из них, претерпев изменения и дополнения, остались в законодательстве и по сей день.

В будущем мы можем наблюдать выделение военного уголовного права в самостоятельную отрасль права. Указанное выделение сопровождалось изданием значительного количества уставов иложе-

¹ Ершов В.В. Военно-уголовное право : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российский государственный университет правосудия, 2020. С. 67.

ний, к числу которых относятся Устав о внутренней службе в пехотных войсках 1877 г., Устав о гарнизонной службе 1890 г., Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск 1884 г. и др. Однако самую существенную роль и значение в вопросах нормативного правового регулирования ответственности за преступления против военной службы в рассматриваемый период имел Воинский устав о наказаниях 1869 г.

В третьей главе «Об уклонении от службы» Воинского устава о наказаниях 1869 г. устанавливалась уголовная ответственность за преступные деяния против военной службы, в числе которых особо можно выделить следующие:

— ст. 124 устанавливала ответственность за уклонение от служебных обязанностей в виде пребывания на гауптвахте сроком от 1 до 3 месяцев, либо заключение в одиночной камере в военной тюрьме сроком от 1 до 2 месяцев;

— ст. 127 закрепляла наказание за умышленное причинение себе непосредственно или с помощью другого лица увечья, с целью уклонения от службы, либо растравление своих собственных ран, либо другого серьезного повреждения своего здоровья. За данное деяние устанавливалось наказание в виде исключения из службы с лишением или без лишения чина, либо заключение в крепость от 1 года и 4 месяцев до 4 лет, либо же потеря некоторых прав и преференций по службе и отдача в дисциплинарные батальоны или роты от 1 года и 6 месяцев до 3 лет. Данная норма является неким аналогом современной статьи «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами»;

— ст. 129 устанавливает уголовную ответственность за самовольное отставание от своего подразделения или отсутствие на месте служения в течение определенного времени (в мирное время — дольше шести дней, а в военное — дольше трех дней), в виде взыскания на основании Устава Дисциплинарного; а в случаях же особенно важных или когда отлучка сделана из-под стражи или из-под ареста, виновному назначается наказание в виде со-

держания на гауптвахте от 1 до 3 месяцев, либо заключение в одиночную камеру в военной тюрьме на срок от 1 до 2 месяцев. Данная норма является неким аналогом современной статьи «Дезертирство»;

— ст. 140 закрепляет норму об уголовной ответственности за неявку в срок на военную службу без законных причин: а) военнослужащий не прибыл на службу по прошествии срока его отпуска, в течение 1 месяца в мирное время, либо в течение 15 дней — в военное; б) военнослужащий не прибыл на службу при определении ему военной части, в случае перевода из одной части в другую, в случае призыва на службу из отпуска, в случае выписки из госпиталя и т.д. в течение 1 месяца в мирное время и в течение 15 дней — в военное. За данное преступное деяние предусматривалось наказание в виде помещения на гауптвахту сроком от 1 до 3 месяцев, либо заключение в одиночную камеру в военной тюрьме на срок от 1 до 2 месяцев. Данная норма является неким аналогом современной статьи «Самовольное оставление части или места службы»;

Советский этап развития уголовного законодательства за преступления против прохождения военной службы охарактеризовался отказом от военно-уголовного права как от самостоятельной отрасли права, а, напротив, военно-уголовное законодательство стало составной частью уголовного законодательства государства, опирающаяся на единые положения Общей части УК РФ (во всех Уголовных кодексах — 1922 г., 1926 г. и 1960 г. — выделялась глава, содержащая статьи о воинских преступлениях).

28 января 1918 г. была создана Рабоче-крестьянская Красная армия РСФСР, и с первых дней создания указанной государственной структуры, государство уделяло особое внимание борьбе с уклонениями от военной службы, особенно с дезертирством. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. признавало дезертирство «одним из самых тяжких и позорных

преступлений»¹. Наказание за дезертирство было, довольно таки, жестоким – от денежных вычетов до расстрела.

Декреты о мерах борьбы с дезертирством принимались и в 1919 г. Согласно ст. 5 Декрета Совета Рабочей и Крестьянской Обороны «О мерах борьбы с дезертирством», «за укрывательство дезертира должностные лица, виновные в укрывательстве дезертиров, подвергаются заключению на срок до 5-ти лет, с обязательными принудительными работами или без таковых»².

В мае 1922 г. принимается первый УК РСФСР, в котором воинским преступлениям была отведена отдельная глава — глава VII «Воинские преступления». Согласно ст. 204 УК РСФСР, побег, т.е. самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы с целью уклониться от несения военной службы или от участия в боевых действиях, карается лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией или без конфискации имущества³. Согласно ст. 205 УК РСФСР, самовольная отлучка, т.е. самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы без цели уклониться от военной службы, наказывалось лишением свободы на срок до одного года, или же по правилам устава дисциплинарного (в зависимости от сопровождающих обстоятельств). В соответствии со ст. 206 УК РСФСР, уклонение военнослужащего от несения военной службы или от участия в боевых действиях путем причинения себе какого-либо

повреждения или путем иного обмана (например, симуляции глухоты, немоты, слепоты, душевной болезни и т.д.), а также подстрекательство к совершению подобных деяний наказывалось по санкциям, предусмотренным ст. 204 УК РСФСР. В Постановлением ВЦИК и СНК от 11 ноября 1922 г. были уточнены объективные признаки побега и самовольной отлучки:

— побегом считалось самовольное оставление части или места службы на срок свыше шести суток;

— уклонение, продолжавшееся менее шести суток, при условии добровольной явки считалось самовольной отлучкой.

В последующем в 1924 г. было принято Положение о воинских преступлениях, где глава VII «Воинские преступления» УК РСФСР 1922 г. подверглась некоторым изменениям, и многие статьи указанной главы были дополнены квалифицирующими признаками. В 1927 г. ЦИК и СНК СССР принимают новое Положение о воинских преступлениях, которое с некоторыми изменениями и дополнениями действовало до 1959 г. (для сравнения, Положение о воинских преступлениях 1924 г. содержало 19 статей, а аналогичное Положение 1927 г. — 30 статей). В части, касающейся уклонения от прохождения военной службы, Положение 1927 г. было дополнено таким составом, как уклонение от несения обязанностей военной службы под предлогом религиозных и иных убеждений.

Надвигающаяся угроза со стороны фашистской Германии во главе с Гитлером требовала от государства укрепления (в т.ч. и правового) обороноспособности. В связи с этим, 1 сентября 1939 г. принимается Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», предписывающий вопросы уголовной ответственности военнослужащих на основе Положения о воинских преступлениях 1927 г. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г. была усилена ответственность за уклонение от военной службы, был введен новый вид воинского наказания — направление в дисциплинарный батальон. За дезертирство в военное время предусматривалась высшая мера наказания — расстрел с кон-

¹ Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны «О дезертирстве» № 1015. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1426—1427 (Утратил силу).

² Декрет Совета Рабочей и Крестьянской Обороны «О мерах борьбы с дезертирством» № 94. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943 стр. 145-146 (Утратил силу). — [URL] — Режим доступа: <https://istmat.org/node/35737> (дата обращения: 02.12.2022).

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (Утратил силу с 01.01.1927 года в связи с принятием Уголовного Кодекса РСФСР 1926 года) // Постановление ВЦИК от 01.06.1922 года «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.».

фискацией имущества (дезертирством считалась самовольная отлучка свыше суток). Непосредственно после начала Второй мировой войны (1939—1945 гг.) для обеспечения мобилизационных мероприятий в январе 1942 г. была введена уголовная ответственность за уклонение от воинского учета военнообязанных и призывников как за воинское преступление, предусмотренное ст. 193 УК РСФСР. Были приняты десятки и других нормативно-правовых актов, направленных на сплочение личного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Послевоенные годы военное законодательство претерпело немало изменений, которые отвечали реалиям того времени.

В частности, в УК РСФСР 1960 г. воинским преступлениям была посвящена двенадцатая глава. Среди преступлений против прохождения военной службы выделялись деяния, предусмотренные:

- ст. 245. Самовольная отлучка;
- ст. 246. Самовольное оставление части или места службы;
- ст. 247. Дезертирство;
- ст. 248. Самовольное оставление части в боевой обстановке;
- ст. 249. Уклонение от воинской службы путем членовредительства или иным способом.

Наказания по-прежнему оставались негуманными. Например, согласно ст. 248 УК РСФСР 1960 г. самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке, независимо от продолжительности, наказывалось смертной казнью или лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Далее, существенные изменения были внесены в военно-уголовное законодательство в 1983 г. Был введен новый вид самовольного оставления части для всех военнослужащих, такой как самовольное отсутствие продолжительностью свыше одного месяца и ряд других изменений.

Последующий этап развития уголовного законодательства за преступления против прохождения военной службы связан с принятием нового Уголовного кодек-

са в 1996 г., уже Российской Федерации (СССР распался 1991 г.).

Одно из изменений, связанное с принятием нового Уголовного кодекса, это изменение названия главы, предусматривающей уголовную ответственность за воинские преступления. Если в прежних редакциях УК главы, содержащее военные преступления назывались «Воинские преступления», то в УК РФ, подобная глава приобрела новое название — «Преступления против военной службы» (глава 33 УК РФ). Многие составы воинских преступлений, сконструированные в действующем УК РФ — материальные, в УК РСФСР они носили формальный характер. Необходимо отметить, что изменились как виды, так и размеры наказаний за преступления против прохождения военной службы. За преступления против прохождения военной службы (ст. 337—339 УК РФ), в настоящее время назначаются следующие виды наказаний:

- лишение свободы на определённый срок (ст. 56 УК РФ);
- ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ);
- содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ);
- арест (ст. 54 УК РФ).

Кроме вышеуказанных, ст. 328 УК РФ (уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы) предусматривает и иные виды наказаний, такие как штраф (ст. 46 УК РФ), принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ) и обязательные работы (ст. 49 УК РФ).

Библиография

1. Военно-уголовное право : учебник / [Ахметшин Хасан Мубараквич и др.]; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина; предисл. А.Я. Петроченкова. — Москва : За права военнослужащих, 2008. — 383 с.
2. Ершов, В.В. Военно-уголовное право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / В.В. Ершов, В.В. Хомчик. — Москва : Российский государственный университет правосудия, 2020. — 624 с.
3. Янченко, Е.Е. Наказание военнослужащих за преступления в дореволюционной Руси / Е.Е. Янченко // Общество и право. — 2012. — № 2 (39). — С. 137—141.

О сближении и гармонизации норм и положений военно-уголовного законодательства государств- участников ОДКБ

© **Закомолдин Руслан Валериевич**,
кандидат юридических наук, доцент, научный
сотрудник НИИ ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»

Аннотация. Статья посвящена анализу необходимости сближения и гармонизации общих и особенных положений военно-уголовного законодательства государств-членов ОДКБ, регламентирующих уголовную ответственность военнослужащих и приравненных к ним лиц, в том числе за преступления против военной службы. Представлен критический анализ проекта соответствующих рекомендаций, подготовленного экспертно-консультативным советом при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ в рамках реализации Программы по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ на 2021—2025 годы. Сформулированы соответствующие замечания и предложения.

Ключевые слова: ОДКБ, военно-политическая обстановка, коллективная безопасность, военно-уголовное законодательство, уголовная ответственность военнослужащих, преступления против военной службы

On the convergence and harmonization of norms and provisions of the military-criminal legislation of the CSTO member states

© **Zakomoldin R.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Researcher
at the Research Institute University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of the need to bring together and harmonize the general and special provisions of the military criminal legislation of the CSTO member states regulating the criminal liability of military personnel and persons equated to them, including for crimes against military service. A critical analysis of the draft relevant recommendations prepared by the Expert Advisory Council under the Council of the CSTO Parliamentary Assembly within the framework of the Program for the Approximation and Harmonization of National Legislation of the CSTO member states for 2021—2025 is presented. Relevant comments and suggestions have been formulated.

Keywords: CSTO, military-political situation, collective security, military-criminal legislation, criminal liability of military personnel, crimes against military service

Сегодня ОДКБ является одним из признанных эффективных инструментов обеспечения региональной безопасности и коллективной защиты союзных государств от внешней агрессии¹. В связи с этим основная роль Парламентской ассамблеи ОДКБ заключается в создании

нормативно-правовых условий функционирования системы коллективной безопасности. Перед парламентариями государств-членов ОДКБ стоит задача сближения и гармонизации национального законодательства и его совершенствования на основе точных прогнозов и мониторинга военно-политической

¹ Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности <http://www.paodkb.ru/> (дата обращения: 16.10.2023).

обстановки в зоне ответственности Организации¹.

Общепризнанным в государствах — членах ОДКБ фактором поддержания должного уровня воинской дисциплины, как в обычных условиях, так и в условиях особых правовых режимов (боевой обстановки, военного положения, специальной военной операции и др.) является наличие специальных уголовно-правовых норм и положений, устанавливающих ответственность военнослужащих, включая ответственность за совершение преступлений против военной службы — военно-уголовного законодательства².

В современных условиях, как представляется, совместное использование воинских формирований в период проведения миротворческих операций, а также при осуществлении военных операций по защите суверенитета и территориальной целостности государств-членов ОДКБ от внешней военной агрессии, предполагает выработку схожих подходов, в том числе и в вопросах, относящихся к военно-уголовному законодательству.

Как представляется, совместное использование воинских формирований в период проведения миротворческих операций, а также при осуществлении военных операций по защите суверенитета и территориальной целостности государств-членов ОДКБ от внешней военной агрессии, предполагает выработку схожих подходов, в том числе и в вопросах описания уголовно-наказуемых деяний, а также установления видов и уровней уголовных санкций за их совершение.

Сказанное обусловлено еще и тем фактором, что при проведении различных операций неизбежным является попадание

подразделений и даже отдельных военнослужащих под командование лиц, относящихся к юрисдикции других государств, временное вхождение воинских подразделений, имеющих юрисдикцию одного государства-члена ОДКБ, в состав подразделений или частей, имеющих юрисдикцию другого государства-члена ОДКБ и т.д. В таких условиях уместна некая унификация подходов в обеспечении уголовно-правового воздействия в части как общих, так и особенных положений уголовной ответственности военнослужащих и приравненных к ним лиц за преступления против военной службы.

В связи с этим постановлением Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 30 ноября 2020 г. № 13-8 утверждена Программа по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ на 2021—2025 годы³. В соответствии с п. 20 Раздела I данной Программы ведется работа по гармонизации уголовного законодательства государств-членов ОДКБ, устанавливающего ответственность за преступления против военной службы. Так, Экспертно-консультативным советом при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ подготовлен проект соответствующих Рекомендаций, авторами которых на основе анализа ряда составов преступлений против военной службы, содержащихся в уголовном законодательстве государств-членов ОДКБ, сформулированы некоторые научно-обоснованные предложения.

По мнению разработчиков, представленный проект Рекомендаций имеет законченный характер, внедрение полученных результатов может обеспечить гармонизированный подход государств-членов ОДКБ в квалификации преступлений против военной службы и определении меры уголовной ответственности, наступающей за их совершение, прежде всего, при совместном использовании воинских формирований в период проведения миротворческих операций.

¹ Подробнее см., напр.: Поспелов С.В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности // *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 142—143.

² См., напр.: Закомолдин Р.В. Военно-уголовное законодательство как специальный, комплексный, межотраслевой институт // *Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения. материалы XIII Росс. конгресса уголовного права; МГУ им. М.В. Ломоносова*, 26—27 мая 2022 г. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 43—48.

³ Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности <http://www.paodkb.ru/> (дата обращения: 16.10.2023).

Безусловно, современное уголовное законодательство в государствах-членах ОДКБ с научной точки зрения имеет общую платформу в виде советской уголовно-правовой доктрины, позитивным образом зарекомендовавшей себя в течение длительного времени. основополагающие принципы социальной справедливости, соразмерности наказания содеянному, законности, на которых выстраивалось уголовное законодательство в СССР, начиная с 60-х годов XX в., оказались восприняты законодателями всех государств-членов ОДКБ после обретения ими полного государственного суверенитета. Жизнеспособными оказались и юридические теоретические конструкции преступления, наказания, элементов состава преступления, которые были также разработаны в советский период. На этих проверенных моделях и поныне выстраивается уголовное законодательство государств-членов ОДКБ.

Вместе с тем, постепенно накапливаются и различия, связанные с описанием отдельных уголовно-наказуемых деяний, установлением специфических видов уголовных санкций, установлением их состава и величин за отдельные деяния. Несомненным является и то, что данный подход является преимущественно внутренним делом каждого государства, формируемым исходя из множества факторов общественно-политической и иной обстановки в конкретном государстве. Однако, наряду с этим, присутствует и необходимость сближения подходов между государствами, связанными между собой международными обязательствами по определенным направлениям. Одним из таких системных договоров является Договор о коллективной безопасности (г. Ташкент, 15 мая 1992 г.) и принятые в развитие его норм иные международные договоры и межправительственные соглашения.

Уголовные кодексы государств-членов ОДКБ как в общей, так и в особенной частях содержат отдельные нормы и положения, касающиеся уголовной ответственности военнослужащих.

Все вышеуказанное предопределяет необходимость гармонизации ряда уголов-

но-правовых норм и положений военно-уголовного законодательства.

Вместе с тем, предлагаемые рекомендации заслуживают критического анализа по целому ряду обстоятельств.

Прежде всего, авторы отмечают неуместность охвата всех норм и положений военно-уголовного законодательства. В связи с этим ими проигнорирована общая часть военно-уголовного законодательства, а из особенной части удостоились внимания лишь составы преступлений против военной службы, посягающие на порядок взаимоотношений между военнослужащими. Такой подход ими обоснован тем, что в случае совместной боевой службы или совместного ведения боевых действий воинскими контингентами государств-членов ОДКБ при осуществлении ими миротворческих операций или ведения совместных боевых действий по защите суверенитета и территориальной целостности отдельных государств-членов ОДКБ в наибольшей степени велик риск посягательств и необходимость охраны именно порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими. Вместе с тем, такой подход представляется весьма спорным.

Военно-уголовное законодательство включает в себя как общую, так и особенную части. Общая часть содержит нормы об уголовной ответственности и уголовном наказании военнослужащих и приравненных к ним лиц, включая специальные (воинские) виды уголовного наказания, а также об освобождении их от уголовной ответственности и от уголовного наказания, включая специальные основания для такого освобождения. Особенная часть содержит нормы об ответственности за отдельные составы преступлений против военной службы¹. Так, в Особенной части УК РФ в разделе XI и гл. 33 традиционно выделены специальные составы преступлений против военной службы (ст. 332—

¹ См., напр.: Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 9—10.

352¹), характерным признаком которых является специальная противоправность¹.

Соответственно гармонизации и унификации должно подлежать все военное уголовное законодательство в совокупности его общих и особенных норм и положений.

Во-вторых, диспозиции норм военного уголовного законодательства в подавляющем своем большинстве являются бланкетными и отсылают к положениям иных правовых актов воинского законодательства. Соответственно необходим анализ и определенная работа по гармонизации в том числе отдельных положений законодательства о военной службе и статусе военнослужащих.

В-третьих, система преступлений против военной службы включает несколько групп однородных преступлений против военной службы. В частности, к ним относятся:

— преступления против порядка подчиненности и порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (например, ст. 332—336 УК РФ);

— преступления против порядка пребывания на военной службе (например, ст. 337—339. 352¹ УК РФ);

— преступления против порядка несения специальных видов военной службы (например, ст. 340—344 УК РФ);

— преступления против порядка сбережения военного имущества (например, ст. 345—348 УК РФ);

— преступления против порядка использования военно-технических средств (например, ст. 349—352 УК РФ)².

¹ См., напр.: Закомолдин Р.В. Специальная бланкетная противоправность как признак преступлений, нарушающих специальные правила (на примере статей 340—344 УК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2020. № 1(40). С. 5—10.

² Подробнее см.: Данилов П.С. Теоретическая концепция классификации преступлений против военной службы по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т.

При этом авторы рекомендаций сосредоточили свое внимание лишь на унификации составов преступлений против порядка подчиненности и порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Безусловно, обеспечение воинской дисциплины и установленного порядка взаимоотношений между военнослужащими имеет важное значение, но в целях обеспечения слаженного воинского взаимодействия нельзя ограничиваться только этим направлением.

В-четвертых, заслуживает внимания проблема уголовной ответственности за преступления, совершаемые в особых условиях прохождения военной службы.

Так, в связи с принятием Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ российское военное уголовное законодательство было кардинально реформировано. Из УК РФ исключена ч. 3 ст. 331, где было закреплено положение о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Теперь уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий предусмотрена непосредственно в гл. 33 УК РФ. А в тех случаях, когда совершение преступления в особые периоды не предусмотрено в статьях особенной части уголовного закона в качестве признака состава преступления против военной службы, следует обсуждать вопрос об учете при оценке степени общественной опасности таких преступлений обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ³.

11. № 3. С. 81—93; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств // Искусство правообразования. 2023. № 3. С. 49—56.

³ См., напр.: Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в

Поскольку преступления против военной службы, совершаемые в особые периоды, характеризуются повышенной общественной опасностью, необходима гармонизация военно-уголовного законодательства государств-участников ОДКБ и в этой части

Аналогичным образом следует поступать в случае привлечения к уголовной ответственности лиц, которые не являются специальными субъектами ответственности за преступления против военной службы (например, участники ЧВК и ЧВОК, члены добровольческих формирований). Действия таких лиц следует квалифицировать как общеуголовные преступления и назначать им наказание с учетом п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В-пятых, актуальным является вопрос включения в военно-уголовное законодательство составов преступлений, совершаемых только в особых условиях боевой обстановки и ведения боевых действий. Так, УК РФ дополнен ст. 352¹ «Добровольная сдача в плен».

Таким образом преступления против военной службы в зависимости от периода совершения, характеризуются условиями времени и обстановки, теперь необходимо подразделять на:

— совершаемые только в обычных условиях (например, ст. 335, 336, 343, 345, 349—352 УК РФ);

— совершаемые как в обычных, так и в особых условиях (например, ст. 332—334, 337—342, 344, 346—348 УК РФ);

— совершаемые только в особых условиях (например, ст. 352.1 УК РФ)¹.

порядке мобилизации // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 5—8.

¹ См.: Закомолдин Р.В. О месте состава добровольной сдачи в плен в системе преступлений против военной службы // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации: сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; [сост. и отв. ред. Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Главная военная прокуратура. М., 2023. С. 36—40.

Данный аспект также требует единого подхода и унификации.

В-шестых, помимо прочего актуальной является проблема уголовно-правовой оценки фактов уклонения граждан, находящихся в запасе и подлежащих мобилизации, от прохождения мобилизационных мероприятий и призыва на военную службу в порядке мобилизации. Данный вопрос лежит за рамками военно-уголовного законодательства, однако тесно с ним связан, поскольку такие действия посягают и на порядок поступления на военную службу и в целом порядок комплектования армии, что также причиняет вред ее боеготовности и боеспособности. Подходы к решению данной проблемы и обеспечению надлежащего исполнения воинской обязанности в особые периоды уголовно-правовыми средствами также необходимо гармонизировать².

Помимо этого, учитывая специфику проблематики, целесообразно привлечь к разработке рекомендаций по данному направлению образовательные и научные организации, подведомственные Минобороны России, Минюсту России, Верховному Суду Российской Федерации и Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Таким образом, данная работа требует глубокого, комплексного, системного погружения в проблему.

Библиография

1. Данилов, П.С. Теоретическая концепция классификации преступлений против военной службы по действующему уголовному законодательству Российской Федерации / П.С. Данилов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2017. — Т. 11. — № 3. — С. 81—93.

2. Закомолдин, Р.В. Военно-уголовное законодательство как специальный, комплексный, межотраслевой институт / Р.В. Закомолдин // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения / Материалы XIII Росс. конгресса уголовного права; МГУ им.

² Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации. С. 5—8; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств. С. 49—56.

М.В. Ломоносова, 26—27 мая 2022 г. — М.: Юрлитинформ, 2022. — С. 43—48.

3. Закомолдин, Р.В. О месте состава добровольной сдачи в плен в системе преступлений против военной службы / Р.В. Закомолдин // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; [сост. и отв. ред. Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Главная военная прокуратура. — М., 2023. С. 36—40.

4. Закомолдин, Р.В. Специальная бланкетная противоправность как признак преступлений, нарушающих специальные правила (на примере статей 340-344 УК РФ) / Р.В. Закомолдин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. — 2020. — № 1(40). — С. 5—10.

5. Закомолдин, Р.В. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Искусство правоведения. — 2023. — № 3. — С. 49—56.

6. Кудашкин, А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4. — С. 2—12.

7. Меркурьев, В.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 1. — С. 5—8.

8. Поспелов, С.В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности / С.В. Поспелов // Международная жизнь. — 2021. — № 2. — С. 142—143.

Уголовно-процессуальные издержки (по материалам военно-судебной практики)

© Зюбанов Юрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
Военного университета

© Харитонов Станислав Станиславович,

кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены примеры из материалов военно-судебной практики по порядку распределения процессуальных издержек при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: процессуальные издержки, уголовное судопроизводство, военные суды.

Criminal procedural costs based (on materials from military judicial practice)

© Zyubanov Yu.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Military University

© Kharitonov S.S.,

Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article presents examples from materials of military judicial practice on the order of distribution of procedural costs in criminal proceedings.

Key words: procedural costs, criminal proceedings, military courts.

Опаснейший подводный камень для правосудия —
это предубеждение
Жан-Жак Руссо

Правовые гарантии возмещения расходов по уголовному делу закреплены в уголовно-процессуальном законе. В ст. 131 УПК РФ определено, что процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Перечень видов процессуальных издержек при производстве по уголовному делу указаны в ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Одновременно, исходя из положений п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, перечень видов процессуальных издержек не является исчерпывающим, на что обращали внимание в том числе и военные юристы¹.

¹ См., например: Заказнова А.Н., Харитонов С.С. К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика

В целях обеспечения единства судебной практики по применению законодательства о процессуальных издержках при осуществлении уголовного судопроизводства Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессу-

военных судов // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 110—115; Лобов Я.В. Есть ли будущее у военнопенитенциарного законодательства? // Военное право. 2009. № 3. С. 29-35; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства военными судами: некоторые судебные решения // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 185—192; Харитонов С.С., Смирнов Д.В. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законодательства // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 215—220; Шарапов С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. 2009. № 1. С. 51—57, и др.

альных издержках по уголовным делам» даны соответствующие разъяснения.

Однако изучение материалов апелляционной судебной практики окружных военных судов в этой области показывает, что следует обращать на правовые позиции, излагаемые при разрешении военными судами споров в этой области.

1. Суммы, выплачиваемые потерпевшему в качестве возмещения его затрат на оплату услуг представителя, к процессуальным издержкам относятся решением следователя или суда о выплате таких сумм. Признание процессуальными издержками самих расходов потерпевшего (до принятия решения об их возмещении) не основано на законе.

По приговору гарнизонного военного суда М. и А. осуждены за похищение несовершеннолетней потерпевшей и совершение в отношении нее насильственных действий сексуального характера.

В приговоре также разрешено заявление ее законного представителя — К. о возмещении последних расходов в сумме 143 000 руб., которую она выплатила в качестве вознаграждения за участие в деле адвокату — представителю потерпевшей.

В описательно-мотивировочной части приговора суд констатировал, что выплата К. указанной суммы адвокату подтверждается платежными документами, однако счел возможным возместить понесенные ею расходы только в сумме 30 000 руб., полагая эту сумму «соответствующей требованиям разумности, необходимости и оправданности».

При этом решение по данному вопросу в резолютивной части приговора изложено следующим образом: «Процессуальные издержки по делу в сумме 30 000 руб., выплаченные потерпевшей на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения своему представителю, возместить потерпевшей за счет средств федерального бюджета с последующим разрешением вопроса о взыскании этих процессуальных издержек с осужденных.»

Буквальное понимание этой формулировки позволяет утверждать, что потерпевшая из некоего источника уже получила 30 000 руб. на покрытие ее расходов по

выплате вознаграждения адвокату и ей причитается еще такая же сумма из федерального бюджета, которая затем может быть взыскана с осужденных чьим-то решением в пользу неизвестного получателя.

Однако в соответствии со ст. 131, 132 и 309 УПК РФ при рассмотрении заявления К. суду первой инстанции надлежало вначале вынести отдельное постановление, в котором, во-первых, определить сумму, подлежащую выплате указанному лицу в качестве возмещения ее затрат на оплату услуг адвоката, и принять решение о выплате К. данной суммы (возложив эту обязанность на соответствующее управление Судебного департамента), а во-вторых, отнести выплачиваемую сумму к процессуальным издержкам. Только после этого в приговоре суд вправе разрешить вопрос о распределении процессуальных издержек, приняв решение либо о взыскании их с осужденных в федеральный бюджет, либо о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета (последняя формулировка производства каких-либо выплат не предусматривает и означает лишь то, что процессуальные издержки с осужденных не взыскиваются).

Вопреки изложенному, суд первой инстанции, не приняв отдельного решения по заявлению К., ошибочно отнес к процессуальным издержкам сами понесенные ею расходы и одновременно принял два взаимоисключающих решения как о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета, так о необходимости в последующем рассмотреть вопрос об их взыскании с осужденных.

В апелляционном порядке приговор в части решения о распределении процессуальных издержек отменен с передачей уголовного дела в этой части на новое судебное разбирательство в порядке ст. 397 и 399 УПК РФ.¹

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за 2022 г. (извлечение) URL:

2. Согласно ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему подлежат возмещению расходы, понесенные в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 22 июля 2022 г. уголовное дело в отношении В. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 115 и ч. 1 ст. 119 УК РФ, а также гражданина Е, по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, прекращено на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением сторон.

Процессуальные издержки в сумме 70 386 руб., связанные с выплатой потерпевшим Ч. вознаграждения адвокату Д., представляющего его интересы в суде, взысканы пропорционально с В. И Е. в доход государства.

В удовлетворении требований Ч. о взыскании процессуальных издержек, связанных с оказанием услуг представителем в ходе доследственной проверки и на предварительном следствии, на сумму 200 000 руб., и в суде, на сумму 82 000 руб., отказано.

Окружной военный суд, рассмотрев материалы дела в апелляционном порядке, установил следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ.

На основании п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относятся суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего.

Эти требования закона суд в полной мере не учёл.

Отказывая в удовлетворении ходатайства потерпевшего Ч. о возмещении про-

цессуальных издержек, суд не учёл и правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в Постановлении от 13 мая 2021 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 131, ст. 132 УПК РФ, а также п. 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских».

Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, при возмещении расходов при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, необходимо принимать во внимание следующее. При определении размеров возмещения надо исходить из того, что возмещению подлежат в полном объёме все необходимые и оправданные расходы на выплату вознаграждения представителю потерпевшего (в том числе до формального получения статуса потерпевшего), которые должны быть подтверждены документами, указанные расходы возмещаются за счёт средств федерального бюджета. Из права на судебную защиту вытекает общий принцип, согласно которому правосудие нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесённые в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, пострадавшее от преступных действий лица, привлекаемого к уголовной ответственности. То есть, при возмещении расходов, понесённых потерпевшим, суд должен исходить из гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина и гарантировать потерпевшей стороне выплату вознаграждения представителю по уголовному делу.

Согласно материалам дела, Ч. признан по уголовному делу потерпевшим и его интересы на предварительном следствии и в суде на основании заключенного договора об оказании платных юридических услуг представлял адвокат Д.

Из представленных в судебном заседании копии договоров об оказании платных юридических услуг видно, что З. — законный представитель потерпевшего Ч., заключила договоры об оказании услуг с адвокатом Палаты адвокатов г. С.-Петербурга Д. на представление интересов Ч. по уголовному делу с оплатой труда адвоката в размере 300 000 руб., из которых 200 000 руб. за участие адвоката в ходе следственной проверки и предварительного расследования уголовного дела, 100 000 руб. за участие по уголовному делу в суде первой инстанции.

Также суду представлены квитанции об оплате услуг Д., связанных с проживанием, проездом к месту рассмотрения уголовного дела и обратно на общую сумму 52 386 руб.

Указанные выше документы свидетельствовали о том, что потерпевшим понесены расходы на представителя в сумме 352 386 руб.

При этом суд не усмотрел наличия имущественной несостоятельности В. и Е., которые находятся в трудоспособном возрасте.

В соответствии с положениями п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 132 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, включая суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, которые возмещаются за счёт средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Из разъяснений, изложенных в п. 5.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», следует, что если в отношении обвиняемого уголовное дело или уголовное преследование прекращается, в том числе по не реабилитирующим основаниям, то процессуальные издержки возмещаются за счёт средств федерального бюджета.

В части возмещения процессуальных издержек за участие адвоката Д. в ходе следственной проверки и на предварительном следствии в размере 200 000 руб. судом неправомерно было отказано, с указанием на то, что принятие решения о возмещении расходов потерпевшего на участие представителя относится к компетенции органа, в производстве которого находилось уголовное дело в момент оказания соответствующих услуг представителем потерпевшего. Также неправомерно рассчитана и сумма процессуальных издержек за участие в суде адвоката Д., поскольку в данном случае нормы Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240, неприменимы.

Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации ч. 3 ст. 131 УПК РФ, о выплате сумм процессуальных издержек по постановлению дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо по определению суда, предполагает, что вопрос о том, кем именно выносится это решение, зависит от стадии, на которой уголовное дело разрешено по существу. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 12 ноября 2008 г. № 1074-О-П, такое регулирование обусловлено целью обеспечить своевременную компенсацию процессуальных издержек лицам, участвующим в судопроизводстве, из средств федерального бюджета. Иначе говоря, оно направлено на то, чтобы издержки были компенсированы в максимально короткие сроки.

Кроме того, согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации, нормы Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240, не могут быть применены к оплате услуг представителя потерпевшего по аналогии, поскольку услуги адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению, нельзя признать

аналогичными услугам, оказываемым потерпевшему его представителем по соглашению, тем более после прекращения уголовного дела. В Определении от 24 апреля 2002 г. № 114-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, используя в порядке процессуальной аналогии нормы, непосредственно направленные на регулирование других правоотношений, органы предварительного расследования и суды обязаны учитывать особенности разрешаемых ими вопросов, руководствуясь при этом общими принципами судопроизводства. Стоимость же услуг представителя определена его соглашением с потерпевшим, при заключении которого они не связаны нормами п. 22(1) Положения. Такое толкование основано на том, что порядок и размер возмещения, выплаченного представителю вознаграждения не тождественны порядку и размеру расходов бюджета на оплату труда адвоката по назначению.

Уголовное дело в отношении В. и Е. прекращено на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, то есть по нереабилитирующим основаниям, в связи с чем обжалуемое постановление, которым потерпевшему отказано в удовлетворении заявления о взыскании за счёт средств федерального бюджета процессуальных издержек о возмещении расходов, противоречит приведённым выше нормам закона, разъяснениям Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Кроме того, из представленной суду апелляционной инстанции копии договора об оказании платных юридических услуг видно, что законный представитель несовершеннолетнего З. заключила договор с адвокатом Д. о том, что она поручила ему представлять интересы Ч. в качестве представителя по уголовному делу в отношении В. и Е. в суде апелляционной инстанции, в том числе по вопросу возмещения судебных расходов, на сумму 30 000 руб.

При этом из представленных квитанции к приходному кассовому ордеру от 7 июля 2022 г., кассовому чеку и пояснений Д. следовало, что последним от З. получено 30 000 руб. и потрачено за пересылку Почтой России в Борзинский гарнизонный

военный суд апелляционной жалобы 238 руб.

Указанные выше документы свидетельствовали о том, что потерпевшим понесены расходы на представителя в сумме 30 238 руб.

На основании изложенного, суд апелляционной инстанции постановлением от 22 июля 2022 г. изменил, постановив выплатить потерпевшему Ч. процессуальные издержки, состоящие из сумм, выплаченных им на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения за участие адвоката Д. в ходе доследственной проверки и на предварительном следствии, в размере 200 000 руб., за участие в суде, в размере 100 000 руб., за проживание и дорогу к месту рассмотрения уголовного дела и обратно, в размере 52 386 руб., и участие в суде апелляционной инстанции, в размере 30 238 руб., всего в размере 382 624 руб., за счёт средств федерального бюджета.¹

3. Решение о взыскании процессуальных издержек с осужденного возможно только в судебном заседании. При этом осужденному предоставляется возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения.

По приговору гарнизонного военного суда, с учетом внесенных в него изменений апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда, Я. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, к лишению свободы.

Потерпевший М. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением о взыскании расходов, понесенных им в связи с участием в уголовном деле его представителя.

Постановлением судьи указанного гарнизонного военного суда заявление потерпевшего удовлетворено, за счет феде-

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за второе полугодие 2022 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=408 (дата обращения 25.10.2023).

рального бюджета ему возмещены расходы, связанные с выплатой вознаграждения его представителю, которые отнесены к процессуальным издержкам, которые взысканы доход федерального бюджета с осужденного Я.

Рассмотрев материалы в апелляционном порядке по жалобе осужденного, окружной военной суд указал, что согласно правовой позиции, закрепленной в абзаце втором п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», принятие решения о взыскании процессуальных издержек с осужденного возможно только в судебном заседании. При этом осужденному предоставляется возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения.

Вместе с тем, из материалов дела следует, что заявление потерпевшего о взыскании расходов, понесенных им в связи с участием в уголовном деле его представителя, рассмотрено судом в отсутствие осужденного Я., при наличии сведений о его желании участвовать в судебном заседании, а также в отсутствие его защитника, в связи с чем, Я. был лишен возможности довести до суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения, а также ему не представлена возможность вы-

сказать свою позицию через адвоката, что нарушает право осужденного на защиту.

Указанные нарушения процессуального закона являются существенными, и послужили основанием для отмены судебного решения в апелляционном порядке (Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=75 (дата обращения 27.10.2023)).

Библиография

Заказнова, А.Н. К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика военных судов / А.Н. Заказнова, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 110—115.

Лобов, Я.В. Есть ли будущее у военнопенитенциарного законодательства? / Я.В. Лобов // Военное право. — 2009. — № 3. — С. 29—35.

Моргуленко, Е.А. Вопросы реализации уголовно-процессуального законодательства военными судами: некоторые судебные решения / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 185—192.

Харитонов, С.С. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законодательства / С.С. Харитонов, Д.В. Смирнов // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 215—220.

Шарапов, С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина / С.Н. Шарапов // Военное право. — 2009. — № 1. — С. 51—57.

Преступления, связанные с самоубийством: эволюция правовых взглядов и практические вопросы квалификации

© Иванов Андрей Львович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Московской академии СК России

Аннотация. В статье показано развитие общественных взглядов в России и некоторых других государствах на самоубийство и доведение до самоубийства, обосновывается решение некоторых обсуждаемых в теории и на практике вопросов их правовой оценки, приведены результаты изучения следственно-судебной практики.

Ключевые слова: периодизация, самоубийство, доведение до самоубийства, покушение на самоубийство, беспомощное состояние.

Crimes related to suicide: the evolution of legal views and practical issues of qualification

© Ivanov A.L.,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the IC of Russia

Annotation. The article shows the development of public views in Russia and some other states on suicide and driving to suicide, substantiates the solution of some issues discussed in theory and in practice of their legal assessment, provides the results of the study of investigative and judicial practice.

Keywords: periodization, suicide, driving to suicide, attempted suicide, helpless state.

Самоубийство в Российской Федерации в современный период является распространенным явлением, о чем свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Например, в стране в результате совершения самоубийства в 2021 г. погибло 15 615 человек¹.

Следует указать, что, несмотря на их широкую распространенность в нашей стране, только небольшая их часть совершается по причине преступных воздействий на потерпевших — из примерно полутора тысяч самоубийств лишь одно совершается вследствие доведения до него.

Самоубийство, как крайняя экстремальная форма поведения человека, известно в обществе на протяжении всего его существования. Изучением данного феномена на протяжении всей истории человечества занимались юристы и такие представители практической науки, как врачи, писатели, психологи и др. В литературе при его описании чаще всего используются два термина - «самоубийство» и «суицид» (лат. «sui» — себя, «caedere» — убивать). В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова самоубийство определяется как «намеренное лишение себя жизни»².

В истории и науке известно множество форм суицидальных проявлений, и их ана-

¹ Сведения о числе умерших от внешних причин смерти за 2021 году. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 13.09.2023)

² Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27782> (дата обращения: 16.03.2021).

лиз чрезвычайно важен для установления факта преступления, последствием которого становится самоубийство или покушение на самоубийство. Разграничение самоубийства и покушения на самоубийство от других форм суицидальных проявлений важно при выявлении преступления и признаков его состава по Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ). Правовая оценка деяния как доведения до самоубийства возможна лишь тогда, когда потерпевший действовал с целью причинения себе смерти. Отсутствие указанной цели исключает возможность привлечения к уголовной ответственности виновного по ст. 110 УК РФ.

Самоубийство следует отграничивать от иного псевдосуицидального поведения, внешне сходного с наступлением смерти в результате самоубийства, однако не преследующего цель лишения собственной жизни: т.н. «зацепинг», «трейнсёрфинг», «трейнхоппинг», «руфинг», эксперименты с собственным здоровьем, «русскую рулетку» и т.п. Самоубийство также следует разграничивать и с «эвтаназией», т.е. умышленным быстрым и «легким» прекращением жизни неизлечимо больного по его просьбе с целью избавления от мучений и страданий из сострадания, осуществляемым уполномоченными государством лицами в рамках национальных законодательств и при наличии медицинских показаний.

В современном обществе самоубийство относится к нравственно осуждаемым и неприемлемым явлениям, однако наиболее непримиримое к нему отношение выражается в доктринах национальных религиозных организаций в рамках христианских, исламских и иных конфессий. В разные исторические эпохи в государствах древнего мира (египетское Древнее царство, Древняя Месопотамия, древнескандинавские государства, Древний Рим и др.) суицидальное поведение не имело отрицательной окраски, добровольная смерть приравнивалась к освобождению от бедствий и болезней, к актам искупления вины перед людьми, господином и богами. А для некоторых категорий граждан, например, «мудрецов», считалось даже полез-

ным и рекомендуемым. Провозглашался принцип «идти к смерти как к самоосвобождению». Тема полезности добровольного ухода из жизни как преодоления бедствий была важной в творчестве крупнейших писателей и философов древности — Сенеки, Цицерона и др. Что же касается древнеславянских государственных образований, то по летописям известны случаи добровольного сожжения вдов с трупами мужей. В христианстве в целом достаточно рано (IV век) сформировалось резко отрицательное отношение к самоубийству как тяжелейшему греховному поступку. Известные российские мыслители и философы XIX в., высказываясь о негативном восприятии добровольного ухода из жизни, обращали внимание на губительное воздействие самоубийств в процессе развития общественных институтов.

Установление ответственности за самоубийство и за деяния, связанные с доведением в различных формах до самоубийства, в конечном счете, связано с общественной и правовой оценкой такого понятия, как право на смерть. Под правом человека на причинение себе смерти некоторые ученые предлагают понимать «правомочие человека самостоятельно принять решение о возможности прекращения собственной жизни не противоречащими закону способами»¹.

О.С. Капинус считает неэтичным и недопустимым вести речь о существовании субъективного права на убийство самого себя, таким образом «право на жизнь» ни при каких обстоятельствах не может включать в себя «право на смерть». С.Б. Сидоров и В.Б. Михопаркин также отстаивают невозможность провозглашения в современном обществе права на прекращение жизни самому себе, утверждая, что общество, оправдывающее абсолютное право человека на смерть, на свободное и безраздельное распоряжение своей жизнью и телом, является большим, лицемерным и, по существу, преступным обще-

¹ См.: Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 Москва, 2019. — 216 с.

ством¹. Однако как в истории, так и в современности известны и иные точки зрения на эту чрезвычайно острую и до настоящего времени не теряющую актуальности проблему.

Право человека на добровольный уход из жизни отстаивали Вольтер, Монтескье, Руссо, Монтень, Ницше, считавшие это право частью естественных прав людей. De facto «право на смерть» присутствует и в некоторых государствах, законодательство которых не устанавливает ответственность за самоубийство. Право человека на жизнь, напротив, законодательно закреплено основополагающими международными правовыми актами и законодательствами государств. Так, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека говорится, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека». Часть 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации гарантирует право каждого на жизнь. Подобные гарантии соблюдения прав человека содержатся в более чем 90 конституций современных государств.

Что же касается понятия «доведение до самоубийства», то попытки сформулировать это понятие в доктрине и практике предпринимались регулярно и последовательно, что, однако, не привело к желаемому результату. Вместе с тем проведенные исследования не были бесполезными и помогли в целом осмыслить и объяснить данное явление в целях совершенствования правоприменительной практики. Например, представляется логичным и обоснованным определение, данное Э.В. Рыжовым: «Доведение до самоубийства — это умышленное или неосторожное противоправное деяние, выражающееся в угрозах, жестоком обращении и систематическом унижении человеческого досто-

инства, в результате которых у потерпевшего сформировалась решимость совершить самоубийство»².

Говоря о доведении до самоубийства как о преступлении, следует указать, что его общественная опасность в разные периоды развития человечества была не всегда очевидной. По мнению многих ученых и практиков, пределы в оценке этого явления находились в границах от допустимого поведения до тяжкого преступления против жизни. Например, некоторые считали, что доведение до самоубийства нельзя относить к противоправным деяниям, поскольку само самоубийство не криминально. Поэтому доведение до самоубийства может быть осуждаемо в обществе исключительно в нравственном смысле, но не правовом. Иную точку зрения отстаивал Н.С. Таганцев, говоривший о том, что такие действия ставятся в один разряд с убийством. Учитывая, что основным объектом в уголовном праве является жизнь человека и главной целью государства является её защита, криминализация «доведения до самоубийства» в полной мере отвечает государственным и общественным интересам, однако отсутствие официального определения «доведение до самоубийства» осложняет реализацию данной нормы.

Говоря же об эволюции правовых взглядов в российском уголовном законодательстве на самоубийство и доведение до самоубийства, следует сослаться на исследование А.А. Цыркалюка, который на основании историко-правового метода выделяет четыре исторических периода: до 1845 г. (некодифицированный), с 1845 по 1917 гг. («уложенческий»), с 1917 по 1991 гг. (советский) и с 1991 г. по настоящее время (постсоветский период)³. Известны и другие взгляды относительно периодизации правовых взглядов исследуемого явления. Например, Э.В. Рыжов предлагает периодизацию нормативного регулирования о самоубийстве и доведении до самоубийства в России в виде пяти

¹ См.: Сидоров С.Б., Михопаркин В.Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 96.

² Там же. С. 26.

³ См.: Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. С. 37—38.

исторических этапов: донормативный (до XII века), канонический (XII—XVIII в.), карательный (1715—1845 г.), мотивационно-канонический (1845—1917 г.), мотивационный (с 1917 г. по настоящее время). Например, первый исторический этап (донормативный) характеризуется снисходительным, а иногда даже положительным отношением к самоубийству, так как ни оно, ни побуждающие к нему действия не считались нарушением моральных норм и традиций. В отличие от этого этапа второй этап (канонический) характеризуется общественным осуждением самоубийц и религиозными наказаниями самоубийц и людей, покушавшихся на самоубийство. Однако законодательство того времени не относилось к самоубийству и покушению на него к преступлениям.

Как писал российский историк Н.М. Карамзин, среди восточнославянских племен добровольное лишение себя жизни не считалось предосудительным и не было запретным. Пример — сжигание вдов в пламени погребального костра вместе с трупами мужей¹. С укоренением христианства на Руси безразличное отношение ее населения к самоубийству поменялось на противоположное, так как одним из основных христианских принципов является заповедь: «Не убий», как другого человека, так и самого себя. Самоубийство приравнивалось к посягательству на волю Бога, запретившего лишать себя жизни, поскольку человек рождается и умирает не по своей воле: «Бог дал — Бог взял».

В главном правовом источнике Древней Руси — «Русской Правде» непосредственно про самоубийство не говорится, однако в Церковном уставе Ярослава Мудрого самоубийство выступает уже как сопутствующий признак преступлений — принудительного брака и воспрепятствованию к нему. К ответственности привлекались отец и мать принудивших вступить против воли в брачные отношения детей,

вследствие чего те добровольно уходили из жизни².

В памятнике русского права «Записи о душегубстве» к душегубству наряду с иными преступлениями против жизни относилось и самоубийство («от своих рук утерется»). В Великопермской уставной наместничьей грамоте 1553 г. также упоминается самоубийство человека, однако наказание за это, а также за возможное до него доведение отсутствует — «кто от своих рук утерется ... в том наместнику виры и продажи нет». Как следует из положений церковного права, самоубийство отнесено к более тяжкому греху, чем убийство, так как самоубийца и на тело, и на душу посягает, поэтому предусматривалось наказание в виде лишения права погребения по христианскому правилу, за исключением случаев «вне ума». Так, в «Послании Митрополита Фотия к псковскому духовенству» (1417 г. содержится приказ, согласно которому кто «от своих рук погубится, удавится или ножом убодется или в воду себя ввержет ... тех не повелено у церковей хоронити, ни над ними пети, ни поминати, но в пустом месте в яму вложив, закопати». В более поздних источниках уголовного права — Судебнике 1497 г., Своде законов Московского государства, Судебниках 1550 и 1589 г. и Соборном уложении 1649 г. упоминания о самоубийстве отсутствуют. В России самоубийство стало государственным преступлением в XVIII в. в период правления Петра Великого. Как отмечал Н.С. Таганцев, «в области посягательств частных в первый раз являются светские взыскания за самоубийство, как оконченное, так и неоконченное».

Согласно Воинскому артикулу Петра Великого 1715 г. № 164 за покушение на самоубийство назначалась смертная казнь или отлучение от воинской службы в регулярной воинской части: «Ежели солдат пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в бес-

¹ См. подробнее: Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти томах. Том 1 / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1989. С. 65.

² См. подробнее: Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1. / Отв. ред.: Янин В.Л.; Под общ. ред.: Чистякова О.И. М., 1984. С. 169.

памятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с бесчестьем от полку отогнан быть имеет. А ежели ж кроме вышеупомянутых причин сие учинил, оного казнить смертью». Исключением являлось причинение смерти самому себе лицом, страдающим психическим заболеванием — «в беспамятстве, болезни, в меланхолии». За покушение на самоубийство статьей 117 Морского Устава 1720 г. также назначалась смертная казнь, посягателя на собственную жизнь надлежало «повесить на рее», а самоубийца «за ноги повешен быть имеет».

Согласно ст. 347—349 Свода законов Российской империи 1832 г. за оконченное самоубийство назначалось церковное наказание в виде запрета на христианское погребение. За покушение на самоубийство виновные приговаривались к каторжным работам, сами же самоубийцы указанным Сводом приравнивались к лицам с психическими заболеваниями. В дальнейшем в России взгляды на самоубийство, как проявление психических заболеваний были отвергнуты, однако они, а также общая гуманизация общества оказали решающее на правовую оценку посягательства на собственную жизнь. И, как следствие, исключение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказания в виде каторги за покушение на самоубийство. В данном Уложении самоубийство фигурировало в 5 статьях, посягатель на собственную жизнь признавался не имевшим права делать предсмертные распоряжения, его духовное завещание признавалось ничтожным. Самоубийца-христианин лишался права на христианское погребение и предавался церковному покаянию (ст. 1944 Уложения). В Уложении впервые криминализованы склонение к самоубийству и содействие в совершении самоубийства (ст. 1946 Уложения), а также доведение до самоубийства (ст. 1947 Уложения). Уложение 1885 г. относительно самоубийства, содействия в нем и доведения до самоубийства применялось практически до Октябрьской революции 1917 г., после чего Декретом СНК РСФСР №1 «О суде» от 24 ноября 1917 г. ответственность за самоубийство и покушение на него полностью

отменялась. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не предусматривал ответственности за самоубийство или за покушение на него. Статья 141 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность за деяния, связанные с преступным воздействием на потерпевшего в целях совершения им самоубийства. Этот кодекс стал первым из отечественных уголовных законов, где сформулировано понятие доведения до самоубийства. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. (ст. 107) также устанавливается ответственность и наказание за доведение до самоубийства, однако указание на способы совершения преступления («иным подобным путем») заменено формулировкой «систематическое унижение личного достоинства потерпевшего». Также в кодексе отсутствуют понятия содействия и подговора к самоубийству или к покушению на самоубийство несовершеннолетнего или невменяемого лица.

Действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) в первоначальной редакции ст. 110 предусматривал уголовную ответственность лишь за доведение до самоубийства. Однако затем ст. 110 УК РФ претерпела последовательно еще три редакции. Так, в 2011 г. изменилась санкция статьи — к видам наказаний за данное преступление добавлены принудительные работы. В июне 2017 г. данная статья УК РФ дополнена частью второй, предусматривающей ряд квалифицированных составов. Также значительно изменились и санкции. Очередные изменения в эту статью внесены в июле 2017 г. — срок лишения свободы значительно увеличивался. Важнейшие изменения в УК РФ внесены Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Была впервые установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 110¹, 110², 151² УК РФ). Очередным Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уго-

ловный кодекс Российской Федерации» санкции новых статей 110¹ и 110² УК РФ изменены в части ужесточения наказания. Таким образом, в уголовном законе появились новые составы преступления: «Склонение к совершению самоубийства», «Содействие совершению самоубийства» и «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, существующих в виде основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов, а статья 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» существенным образом изменена.

Одной из причин существенных изменений уголовного законодательства стала широкое освещение средств массовой информации России так называемых «групп смерти». Как заявила после возбуждения ряда уголовных дел 15 ноября 2016 г. руководитель управления взаимодействия со средствами массовой информации Следственного Комитета Российской Федерации С.Л. Петренко, «следствие располагает данными о том, что с декабря 2013 по май 2016 г. злоумышленники создали восемь виртуальных сообществ в сети «ВКонтакте», где открыто пропагандировали суициды и склоняли к их совершению несовершеннолетних пользователей»¹.

Необходимость внесения указанных изменений и дополнений в УК РФ вполне очевидна, однако с последующим изменением закона устранить все накопившиеся проблемы в правоприменении не получилось. Например, применение ключевого квалифицирующего признака доведения до самоубийства — «то же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», и в настоящее время вызывает вопросы в практике применения уголовного закона. К такому следует отнести вопросы, связанные с отграничением доведения до самоубийства от убийства. Утверждение о правовой неопределенности в данном направлении разделяется многими учеными, изучающими вопросы квалификации убийств

и иных преступлений против жизни и здоровья, которые предлагают различные пути разрешения возникающих противоречий. Как ими справедливо подмечается, внесение изменений в статьи, устанавливающие ответственность за преступления против жизни, а также появление в гл. 16 УК РФ новых статей (110.1 и 110.2) не разрешает всех вопросов квалификации, например, в практических случаях «опосредованного» убийства. И хотя и подчеркивает их актуальность и остроту, все же требует серьезного переосмысления.

При рассмотрении и разрешении спорных вопросов квалификации т.н. «опосредованного убийства» необходимо помнить и учитывать мнение И.Я. Фойницкого, предлагавшего «особо оговаривать» в уголовном законодательстве случаи, когда несовершеннолетний «подстрекается к самоубийству или получает для того какую-либо помощь, поддерживающую явившуюся в нем решимость лишить себя жизни»². До внесения изменений в действующий УК РФ предшествующее законодательство не предусматривало особых условий наступления ответственности за взаимодействие виновного с несовершеннолетним потерпевшим с намерением доведения до самоубийства. В доктрине и в практике подобные действия квалифицировались как убийство. Вместе с тем психологической наукой доказано, что вывод о невозможности адекватной оценки смерти несовершеннолетними в силу их возраста и отсутствия жизненного опыта может расходиться с объективной реальностью. Представляется ошибочным утверждение о том, что все малолетние или значительная их часть не осознают истинных последствий смерти. Поэтому в уголовно-правовой науке и практике неоднократно предпринимались попытки установить более точные возрастные и личностные критерии потерпевших.

Следует также вспомнить определившие на многие годы мировую психиатрию исследования знаменитого психолога и

¹ <https://sledcom.ru/news/item/1080533/?print=1> (дата обращения 03.02.2021).

² Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные (изд. 5-е). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907 // СПС «Гарант».

психиатра Зигмунда Фрейда, а также его учеников и последователей¹. Во многих их работах доказывается, что ребенок не в полной мере осознает и понимает феномен смерти и ее последствий, ценность жизни в представлениях малолетних значительно снижена. Однако данная позиция в настоящее время подвергается сомнению, и во многом опровергнута работами целого ряда исследователей. Учеными приведены практические результаты и доказательства, в соответствии с которыми с наступления возраста коммуникации (старше трех лет) «дети глубоко озабочены возможностью наступления смерти», и эта озабоченность гораздо глубже и острее, чем у взрослых.

В случае установления факта предъявления виновным требования о суициде как условия прекращения издевательств, глумления, иного систематического унижения малолетних содеянное следует квалифицировать не как доведение до самоубийства, т.е. по ст. 110 УК РФ, а как квалифицированное убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В таких случаях необходимо установление осознания виновным того обстоятельства, что потерпевший по делу ребенок в силу различных причин, например, обмана, не осознавал в конкретной ситуации опасность предлагаемого ему суицидального поведения.

Таким образом, преобладающая ранее в доктрине и подтвержденная практикой позиция, в соответствии с которой доведение до самоубийства малолетнего квалифицировалось до указанных изменений уголовного закона принятием Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ как убийство, была обоснованной и в правовом, и в нравственном смысле, поскольку ст. 110 УК РФ в прежней редакции не позволяла в должной мере защитить малолетних — санкции статьи были явно несоизмеримыми содеянному. Изменив ст. 110 УК РФ путем введения анализируемого квалифицирующего признака, законодатель разрешил проблему, установив наказание, которое по своей строгости не уступает наказанию за убийство.

¹ См. подробнее: Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. С. 90—91.

В связи с тем, что доведение до самоубийства или покушения на самоубийство несовершеннолетнего, как и иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, охватывается п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, а не вменяется ст. 105 УК РФ, правоприменительная практика и доктринальные взгляды меняются. Что же касается иных нерешенных вопросов квалификации доведения до самоубийства малолетних и несовершеннолетних, то к ним следует отнести и наличие неопределенности в определении минимального возраста, по достижении которого несовершеннолетний потерпевший не способен к самостоятельному и добровольному принятию решения об уходе из жизни. Также правоприменительной проблемой является очевидное несоответствие между наказанием за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ и преступными последствиями в случаях, когда имело место покушение на самоубийство, а смерть потерпевшего вследствие этого не наступила.

Так, согласно материалам одного уголовного дела, виновный систематически унижал малолетнего нецензурной бранью, применял физическое насилие, что привело к попытке самоубийства последнего, однако тот не довел его до завершения по независящим от него обстоятельствам². И в иной следственной ситуации преступник систематически унижал человеческое достоинство малолетнего сына, вследствие чего тот совершил попытку самоубийства путем самоповешения. Данные действия не были доведены до окончания по причине обрыва веревки³. По обоим приговорам судов сроки лишения свободы не превысили двух лет лишения свободы. В соответствии с действующей редакцией п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ для виновных предусмотрено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы. Очевидно, что назначенные даже минимально возможного наказа-

² <https://www.google.com/search> (дата обращения 22.09.2023). Приговор Добрянского районного суда Пермского края от 17 апреля 2015 г. по делу № 1-75/2015.

³ Там же (дата обращения: 22.09.2023). Приговор Большесосновского районного суда Пермского края от 13 июля 2011 г. по делу № 1-33/2011.

ния (8 лет лишения свободы) не соответствует характеру и степени общественной опасности указанных преступлений. Представляется, что, предлагая столь мягкую санкцию ч. 2 ст. 110 УК РФ, законодатель не учел, что в указанных пределах наказание будет назначаться не только за доведение лица до самоубийства, но и за доведение потерпевшего до покушения на самоубийство.

Таким образом, усложнение общественных отношений, унификация и гармонизация мирового законодательства, ускорение научно-технического прогресса, активное развитие передовых средств коммуникации приводит к существенному изменению уголовного законодательства и, соответственно, к криминализации новых форм преступных проявлений в этой сфере (склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства). Вместе с тем, несмотря на внесение важных и существенных изменений в УК РФ,

устранить все накопившиеся проблемы в практике применения закона в данной сфере не удалось.

Библиография

Рыжов, Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.В. Рыжов. — Москва, 2019. — 216 с.

Сидоров, С.Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства / С.Б. Сидоров, В.Б. Михопаркин // Вестник экономики, права и социологии. — 2010. — № 1. — С. 94—98.

Фойницкий, И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные : изд. 5-е. / И.Я. Фойницкий. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907 // СПС «Гарант».

Цыркалюк, А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цыркалюк Андрей Анатольевич. — Тамбов, 2011. — 163 с.

Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дабкиной. — Москва : Независимая фирма «Класс», 1999. — 576 с.

Военные проблемы международного права

Расширение НАТО в Арктическом регионе

© Азизов Анар Гошгарович,
студент Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Москва

Аннотация. В статье оценивается увеличение военного потенциала НАТО. В центре внимания – усиление военного блока НАТО странами Финляндия и Швеция, как элемент геостратегического соперничества с Российской Федерацией. Анализируется потенциальный состав и направленность военных учений. Делается вывод, что милитаризация Арктического региона и открытые враждебные действия Североатлантического блока с учетом современных тенденций может перерасти в конфликт глобального характера с катастрофическими последствиями.

Ключевые слова: усиление НАТО, Арктика, конфликт, военный потенциал, военные учения, США, Финляндия, Швеция, Россия, Китай, милитаризация.

NATO expansion in the Arctic region

© Azizov A.G.,
RANEPA student, Moscow

Annotation. The article assesses the increase in NATO's military potential. The focus is on the strengthening of the NATO military bloc by the countries of Finland and Sweden, as an element of geo-strategic rivalry with the Russian Federation. The potential composition and direction of military exercises are analyzed. It is concluded that the militarization of the Arctic region and the open hostile actions of the North Atlantic Bloc, taking into account current trends, can escalate into a global conflict with catastrophic consequences.

Keywords: strengthening of NATO, Arctic, conflict, military potential, military exercises, USA, Finland, Sweden, Russia, China, militarization.

Актуальность настоящей работы продиктована политическими и военными событиями в Арктическом регионе, нарастающая милитаризация которого со стороны НАТО побуждает Россию формировать новую политическую повестку, а также вынуждает наращивать интенсивность военной силы и ее потенциала для укрепления защищенности государственных границ. Развитие объемов концентрации вооружений в данном регионе со стороны НАТО при активном содействии Финляндии и Швеции крайне негативно сказываются и на ухудшении мирной жизни данных стран. Прекращается межгосударственное сотрудничество с Россией во многих сферах: политики, экономики, образования, правоохранительной направленности, медицины.

На схожей позиции стоит ученый В.П. Журавель, который также отмечает в научных трудах агрессивный подход НАТО в вопросах своего расширения по всему Арктическому региону¹.

Это выражается в следующих статистических данных, приводимых указанным ученым (см. рис. 1 и 2)

¹ Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 2. С. 55—61.

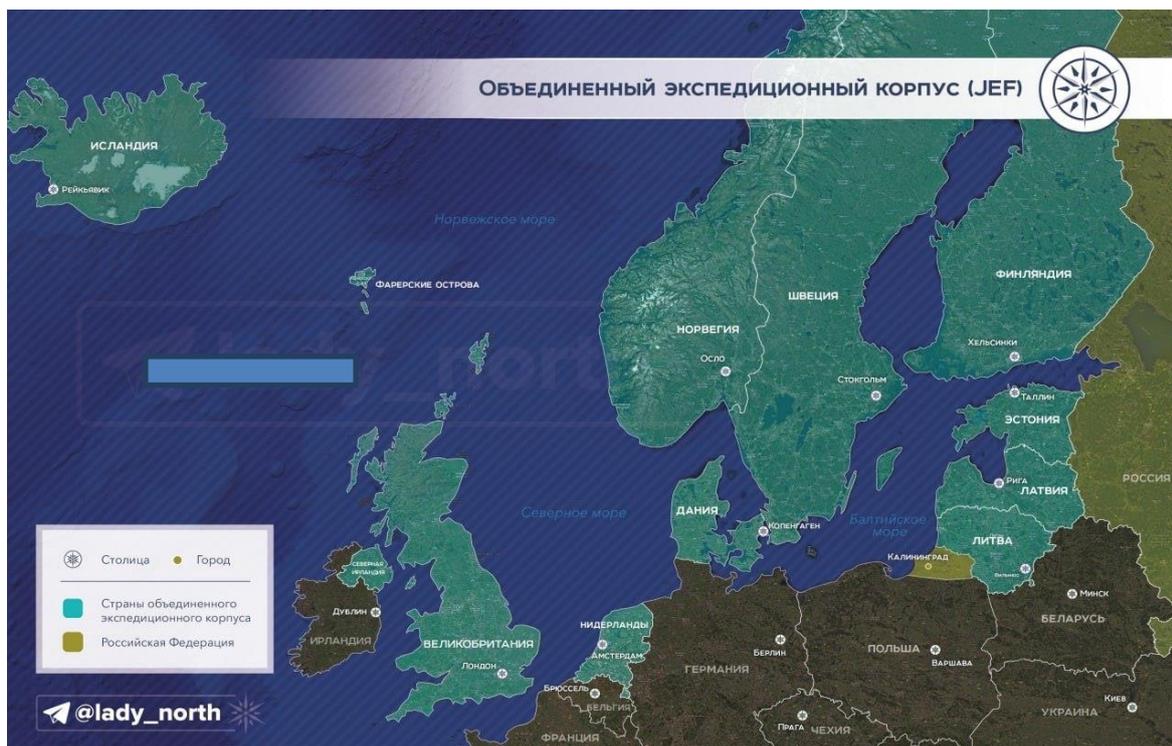

Рис. 1. Географическое расположение участников Объединенного Стратегического корпуса

Рис. 2. Аналитическая информация Североатлантического блока о ядерном потенциале России в

вблизи Арктического региона

Арктическом регионе

В период 2020—2022 гг. военные учения НАТО и Объединенного экспедиционного корпуса (CJEF) на территории Арктического региона стабильно привлекают более 20 000 американских военнослужащих, а также военнослужащих Дании, Канады, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Швеции и порядка 7 крупнейших эсминцев Североатлантического блока, в частности: «Портер», «Дональд Кук» «Франклин Рузвельт» и другие, а также военные самолеты.

Названные военные учения по праву можно назвать крупнейшими с периода холодной войны вблизи границ Кольского полуострова, где, как общеизвестно для НАТО, базируется Северный флот Вооруженных Сил Российской Федерации и часть ядерного потенциала России, следовательно, НАТО открыто создает угрозу военной безопасности¹ (см. рис. 2). Статистические данные коррелируют и с проводимой политикой НАТО и принимаемыми документами в рамках нее, например, обновленной Стратегической концепции НАТО 2022 г., где Россия признана прямой и наиболее значимой угрозой для Североатлантического альянса. Вследствие этого, рассматриваются аспекты развития свободной навигации и безопасных торговых путей при активном участии НАТО в полетах и плавании, в том числе в территориальных водах Арктического региона России².

Такие события, по мнению автора, в конечном итоге крайне негативно сказываются на уровне жизни и развитии всего региона для каждой из приарктических стран, что заставляет по-новому рассмотреть перспективы развития России в Арктическом регионе, исходя из приоритетов, указанных в подп. 2 п. 40 Стратегии национальной безопасности. Принимая во внимание также и агрессивную политику открытых враждебных действий Североат-

лантического блока, частью которого является с 2023 года Финляндия³, а также Швеции с идентичными устремлениями к милитаризации посредством инициации официального и открытого процесса вступления в НАТО⁴.

Названные военные учения по праву можно назвать крупнейшими с периода холодной войны вблизи границ Кольского полуострова, где, как общеизвестно для НАТО, базируется Северный флот Вооруженных Сил Российской Федерации и часть ядерного потенциала России, следовательно, НАТО открыто создает угрозу военной безопасности⁵ (см. рис. 2).

Статистические данные коррелируют и с проводимой политикой НАТО и принимаемыми документами в рамках нее, например, обновленной Стратегической концепции НАТО 2022 г., где Россия признана прямой и наиболее значимой угрозой для Североатлантического альянса. Вследствие этого, рассматриваются аспекты развития свободной навигации и безопасных торговых путей при активном участии НАТО в полетах и плавании, в том числе в территориальных водах Арктического региона России⁶.

Арктический регион становится новым местом военного противоборства ядерных держав спустя почти три последних десятилетия взаимного сотрудничества России и Североатлантического блока по данному направлению⁷.

Изменение глобального климата в сторону потепления, вызывающего ускорен-

³ Решение о вступлении в НАТО Финляндии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17445743>.

⁴ Официальный сайт Шведской правящей Социал-демократической партии. Официальное заявление о стремлении вступления Швеции в НАТО. URL: <https://www.socialdemokraterna.se/nyheter/nyheter/2022-05-15-partistyrelsen-beslut-om-socialdemokraternas-sakerhetspolitiska-linje>.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁶ Иванов О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель — Observer. 2022. № 11—12. С. 394—395.

⁷ Решение о вступлении в НАТО Финляндии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17445743> (дата обращения: 08.04.2023).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Иванов О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель — Observer. 2022. № 11—12. С. 394—395.

ное таяние льдов, а также современные возможности науки и техники, открывают доступ к большим возможностям полезных ископаемых Арктического региона¹. Данный факт не только обуславливает необходимость активного военного расширения стран НАТО в Арктическом регионе для увеличения своего стратегического потенциала, но также обуславливается экономический интерес большинства стран НАТО в данном регионе. Это подтверждается намерениями, декларируемыми на официальном уровне в обновленном документе о национальных приоритетах Соединенных Штатов в Арктическом регионе, выступающих также депозитарием Вашингтонского договора².

На третьей странице данного документа декларируется: «Мы будем сдерживать угрозы родине США и нашим союзникам, наращивая возможности, необходимые для защиты наших интересов в Арктике. Это позволит усилить координацию общих подходов с союзниками и партнерами, способствуя снижению рисков непреднамеренной эскалации в Арктическом регионе. Мы будем осуществлять присутствие США в Арктическом регионе по мере необходимости для защиты американского народа и нашей суверенной территории»³.

Вопреки иным ранее принятым документам, договоренностям США и НАТО в различных сферах и декларируемых условий сотрудничества, изменяются в одностороннем порядке сложившиеся условия межгосударственного сотрудничества в Арктическом регионе с Россией. Исходя из этого утрачивает свою значимость в рамках Арктического Совета, созданного совместно США и Россией в 1996 г. условная политическая архитектура взаимного построения мирного сотрудничества и кооперации в регионе без расширения сфер военного влияния НАТО⁴.

Таким образом, подтверждаются устремления США в желании играть ведущую роль посредством усиления военного присутствия в регионе при содействии Североатлантического блока. Например, по состоянию на 2023 г. из 100 млрд. тонн условного топлива извлекаемых ресурсов углеводородов всего российского шельфа около 85 % сосредоточено в Арктике⁵, что обоснованно вызывает, помимо военных, и экономические опасения стратегической угрозы России.

За последние 20 лет развитие и усиление России в политической, экономической, военной, технической и иных сферах позволило вернуться в мировую политику России в статусе государства, с мнением которого необходимо считаться по всем направлениям, в том числе и по Арктическому региону, которому отводится особое внимание⁶.

Опираясь на данный факт, обновленная политика США и НАТО противоречит тому, что происходит во внешнеполитической самостоятельной деятельности России, которая достаточно активно наращивает темпы военного и экономического сотрудничества с Китаем в Арктическом регионе⁷. Это достаточно наглядно прослеживается и в декларируемых Россией нормативно-правовых актах о планах проведения дальнейшей внешней политики⁸.

Такое сотрудничество России и Китая является предметом отдельного внимания со стороны США, где считают Пекин прямой угрозой национальной безопасности, а Европейский Союз, составляющий фундаментальную основу Североатлантического

council.org/ru/explore/work/cooperation (дата обращения: 08.04.2023).

⁵ Швец Н.Н., Береснева П.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов // Вестник МГИМО. 2014. № 4 (37). С. 60—65.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

⁷ Леонов С.Н. Взаимодействие России и Китая в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. № 3. С. 7—16.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

¹ Иванов О.П. Указ. соч.

² National Strategy for the Arctic region. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf>. (дата обращения: 08.04.2023).

³ Там же.

⁴ Официальный сайт Арктического совета. История создания совета. URL: <https://arctic->

блока, декларирует только потенциальную экономическую угрозу со стороны такого сотрудничества России и Китая¹. Китай препятствует вместе Россией проведению монополистической хозяйственной деятельности в рассматриваемом регионе для стран НАТО; в отношении него также ведется направленная агрессивная политическая деятельность по всем сферам, но с различной интенсивностью относительно различных экономических проектов в Арктическом регионе.

Например, стратегический для Китая экономический проект «Один пояс - один путь», который реализуется совместно с Россией, представляется одним из пунктов конкретных экономических угроз для половины стран блока НАТО: Дании, Норвегии, Финляндии, США, Великобритании, Канады и других (см. рис. 3).

Это заставляет задуматься в данном вопросе, как об открытой политике «агрессора» в лице стран НАТО, которые не считаются с суверенным и международным правом и позицией других государств в Арктическом регионе в настоящее время.

Следовательно, вполне логичным ответом на политическую конфронтацию НАТО является стратегическое сотрудничество и сближение России и Китая, как в экономических, так и военно-промышленных аспектах, реализуемых совместно в Арктическом регионе.

Взаимодополняющие в военной сфере объемы живой силы и техники образуют один из наиболее сильных и географический масштабных в перспективе оборонно-промышленных альянсов при участии России и Китая, который не только способен успешно противостоять внешним угрозам НАТО, но также с большой долей вероятности длительные годы доминировать над Североатлантическим альянсом по всем направлениям в военной сфере.

Достаточно закономерным являются официальные опасения НАТО о потенциале военной силы России и Китая, которые

являются серьезным и весомым конкурентом для НАТО (см. рис. 4).

Таким образом, можно сделать вывод, что Арктический регион переживает новый виток напряженности и милитаризации как стороны стран Североатлантического альянса, так и рациональных ответных мер России, направленных сдерживание недружественных шагов в адрес ее территориальной целостности. Потенциал задействованных военных сил стран Североатлантического блока в ближайшей перспективе ввиду вступления в альянс Финляндии и активным шагам Швеции в данном направлении расширятся высокими темпами (см. рис. 5).

Представляется появление реальной угрозы национальной безопасности России и за счет размещения США в северном регионе комплексной системы обнаружения, отслеживания и перехвата баллистических ракет различных классов, что побуждает Россию вводить соответствующие противодействующие меры в данном регионе посредством развертывания дополнительных войск и вооружений стратегического базирования.

Несомненно, участие стран НАТО в активной милитаризации Арктического региона во многом связано с проводимой Россией самостоятельной политикой [3], в том числе посредством проведения специальной военной операции на территории Украины, где насильственным образом была свергнута законная власть и по настоящее время происходит геноцид населения русской национальности, проживающего на данной территории.

Активная военная и финансовая помощь незаконному нацистскому политическому режиму в Украине способствует активному проведению военных действий на Донбассе, целью которых для НАТО является снижение обороноспособности России, а также снижение ее политической самостоятельности во всех регионах.

¹ Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 158—183.

Рис. 3. Экономические пути Китая через морские акватории, граничащие со странами НАТО и Объединенным Стратегическим корпусом на территории Арктического региона¹

Показатель	Китай 	Россия
Авиация	 3 210	 4 163
Истребители, перехватчики	 1 232	 873
Бомбардировщики	 371	 742
Вертолеты	 911	 1 522
Штурмовые вертолеты	 281	 531
Танки	 3 500	 13 000
Бронетехника	 33 000	 27 000
Артиллерия (самоходная)	 3 800	 6 100
Артиллерия (буксируемая)	 3 600	 4 465
Ракетные пусковые установки	 2 650	 3 860

Рис. 4. Оборонные возможности России и Китая при совместных военных действиях и потенциальных вооруженных конфликтах².

¹ Там же.

² Информационно-аналитический ресурс. URL: <https://jkkrd.ru/warfare/raketnye-vojska-kitaa.html>

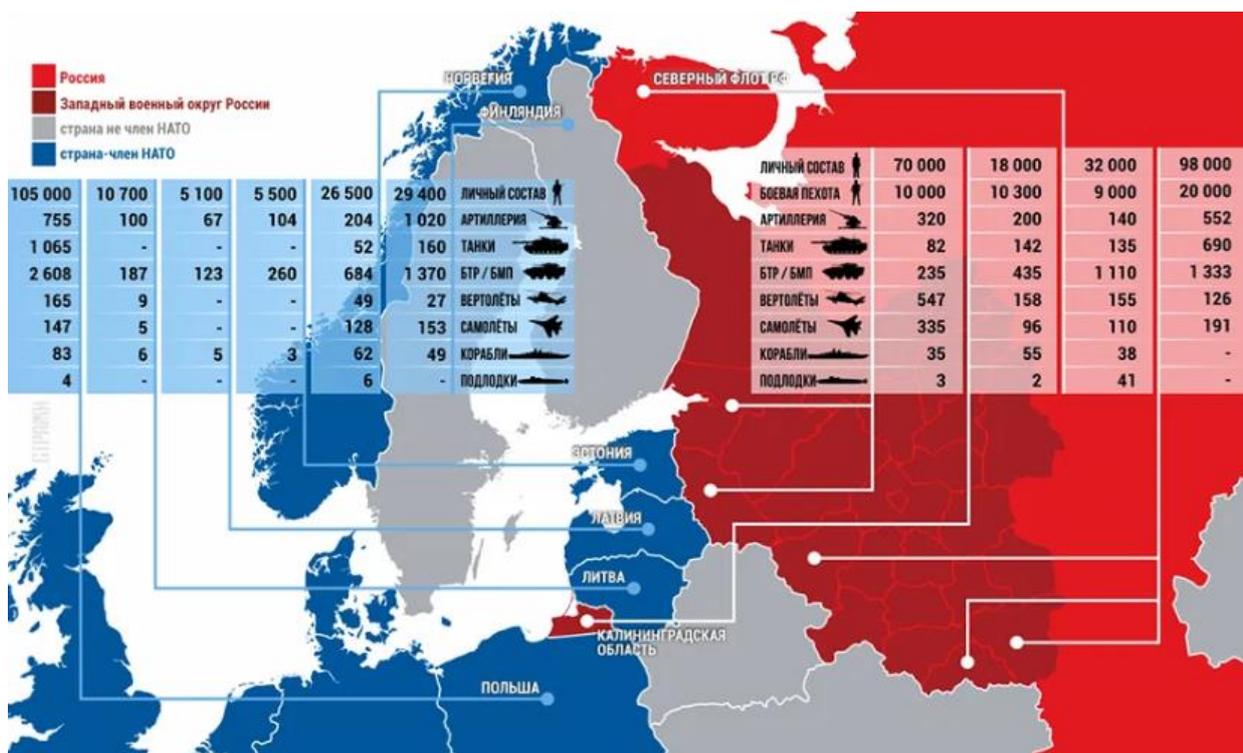

Рис. 5. Потенциал вооруженных сил стран НАТО граничащих с местом базирования северного флота России до вступления в блок НАТО Финляндии

Определенно недружественные шаги стран блока НАТО ведут к дальнейшей милитаризации не только Арктического региона, но и других сопредельных регионов НАТО и России, что ведет к потенциальному военному конфликту.

Библиография

Журавель, В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2021. — № 2. — С. 55—61.

Иванов, О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике /

О.П. Иванов // Обозреватель — Observer. — 2022. — № 11—12. — С. 394—395.

Ковалев, А.А. Геополитическая активность в Арктике стран Северной Европы и их оборонные программы / А.А. Ковалев // Международные отношения. — 2020. — № 3.

Криворотов, А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии / А.К. Криворотов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2013. — № 18. — С. 158—183.

Леонов, С.Н. Взаимодействие России и Китая в Арктике / С.Н. Леонов // Российско-китайские исследования. — 2019. — № 3. — С. 7—16.

Швец, Н.Н. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов / Н.Н. Швец, П.В. Береснева // Вестник МГИМО. — 2014. — № 4 (37). — С. 60—65.

Характеристика современного правового обеспечения военной безопасности и военной политики США и Китая

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник центра международного
права и сравнительно-правовых исследований,
профессор кафедры международного права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации

© Тхаммавонгса Сикхам,
адъюнкт научно-исследовательского отдела
(военно-научной информации, военно-правовых
проблем) Военного университета имени князя
Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В настоящей статье определены основные тенденции развития правового обеспечения военной безопасности и военной политики у некоторых ведущих мировых держав (США и Китая) в условиях геополитических трансформаций. В первой части проанализированы основные аспекты военной политики и правового обеспечения военной безопасности у США в Индо-Тихоокеанском регионе. Во второй части изложены соответствующие доктринальные нововведения в военной безопасности Китайской Народной республики, ее позиция на стратегию Индо-Тихоокеанский регион США. В статье рассматриваются особенности их политики и установлены правовое регулирование данной области и делаются выводы относительно значимости правового обеспечения военной безопасности.

Ключевые слова: политика, правовое обеспечение, военная безопасность, США, Китай, экономика.

Characteristics of modern legal provision of military security and military policy of the USA and China

© Kholikov I.V.,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the
Center of International Law and Comparative-Legal
Studies, Professor of the Chair of International Law
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

© Thammavongsa S.,
PhD student of the Research Department (Military
Scientific Information, Military Legal Problems),
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Abstract. This article identifies the main trends in the development of legal support for military security and military policy among the leading world powers (the United States and China) in the context of geopolitical transformations. The first part analyzes the main aspects of military policy and legal provision of military security in the United States, especially the US national strategy in the Indo-Pacific region. The second part sets out the relevant doctrinal innovations in the military security of the People's Republic of China, its position on the strategy of the Indo-Pacific region of the United States. The article examines the specifics

of their policy and establishes legal regulation of this area and draws conclusions about the importance of legal provision of military security.

Keywords: politics, legal support, military security, USA, China, economy.

Текущая международная обстановка дестабилизации¹ актуализирует необходимость изучения основ современного правового обеспечения военной безопасности и позиций ведущих стран мира. Это важно, чтобы понимать военно-стратегические и военно-политические последствия, возникающие вследствие изменений в проводимой ими военной политике, и их влияние на мировые процессы. Стремительно меняющийся баланс сил на мировой арене создает новые военные угрозы и вызовы национальным интересам Российской Федерации, которая вынуждена на них регистрироваться². В этой связи Индо-Тихоокеанский регион выходит на авансцену в контексте столкновения геополитических интересов двух мощных мировых игроков — США и КНР.

Основополагающим документом США в области военной безопасности является Стратегия национальной безопасности, в которой приводится описание основ военно-стратегической политики, основных вызовов и угроз, с которыми сталкивается США как Индо-Тихоокеанская держава³, а также Индо-Тихоокеанская стратегия США⁴, имеющая четкую направленность на достижение превосходства в области политики, экономики и безопасности, расширение своего влияния и одновремен-

ное сдерживание политического и экономического влияния Китая в регионе, а также на оказание давления на страны, не следующие фарватеру, задаваемому США. Еще одним часто используемым документом является Предварительное стратегическое руководство по вопросам национальной безопасности. На основе этих источников разрабатываются такие военно-политические документы как Национальная стратегия обороны и Национальная военная стратегия. Однако эти документы не являются открытыми, и обычно в средствах массовой информации можно встретить лишь их краткие описания.

Военно-стратегические документы США (и в этом их отличие от документов других ведущих держав) наполнены идеологическими положениями, в которых прямо или косвенно утверждается о необходимости удержания мирового господства и контроля над глобальной политической и экономической системой в регионах всего мира, а также о необходимости противодействовать попыткам других держав оспорить американский миропорядок или проводить политику, угрожающую американским геополитическим интересам и ценностям.

Текущая стратегия национальной безопасности построена вокруг трех пунктов:

- развитие источников американской национальной мощи;
- мобилизация широкой коалиции наций для усиления коллективного западного влияния;
- формирование правил развития экономики XXI в. от технологий до киберпространства, торговли и экономики.

Военная безопасность США предполагает достижение военного превосходства над любым иностранным государством или группой государств. Во всех современных военно-политических документах США такие державы, как Россия и Китай, которые, по мнению американской стороны, сочетают авторитарное управление с

¹ Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148.

² Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120.

³ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения 06.09.2023)

⁴ <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения 06.09.2023)

ревизионистской внешней политикой, рассматриваются как основные угрозы безопасности и экономики¹. Также в качестве источников угроз выделяются КНДР и Иран.

В этой связи Вашингтон проводит политику создания ситуативных коалиций в различных районах земного шара, например формирование AUKUS — трехстороннего военного альянса в составе США, Австралии и Великобритании, а в перспективе четырехстороннего диалога по безопасности QUAD (Австралия, Индия, США и Япония)².

Общий вывод в стратегических документах делается следующий: США в настоящее время столкнулись с двумя основными геополитическими вызовами: конкуренцией между сверхдержавами после окончания холодной войны и различными транснациональными угрозами от изменения климата до глобальных проблем современного здравоохранения³ и пандемий массовых инфекционных заболеваний⁴.

¹ Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4(53). С. 7—18.

² Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

³ Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4(24). С. 547—555.

⁴ Жданов К.В., Холиков И.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 5—17; Sazonova K.L., Kholikov I. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38—51; Землин А.И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) // Военное право. 2020. № 6(64). С. 15—29; Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных

Военно-стратегическая политика Китая тесно интегрирует вопросы военной политики с политической, дипломатической и экономической борьбой. Ее основные положения описываются в «Белой книге по военной стратегии Китая»⁵. Подобные белые книги регулярно выпускаются Информационным бюро Государственного совета КНР⁶. Время от времени белые книги дополняются новыми главами, в которых описываются дополнительные вызовы и угрозы.

В документе говорится, что наиболее серьезный стратегический вызов, стоящий перед Китаем, исходит от таких государств, как США и Япония. Главной доктринальной угрозой признается угроза американского стратегического сдерживания Китая. Конфликт с США вытекает из его неизбежности, при этом крупнейшей военной угрозой для Китая является американская военная политика. В этом контексте рассматривается и угроза независимости Тайваня (в новой военной доктрине Тайвань упоминается 14 раз). По мнению китайского руководства, национальная безопасность напрямую зависит от мощи государства. Главными ее компонентами считаются экономика, наука и техника, внутривластная стабильность и военная мощь⁷.

Другая задача для военно-политического руководства Поднебесной и проводимой ими военной политики — обеспечить к 2050 г. мировое господство

организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 8. С. 51—57; <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/> (дата обращения 06.09.2023)

⁵ http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения 06.09.2023)

⁶ См., например: Холиков И.В. Политико-правовые аспекты китайской космической программы // Военное право. 2021. № 4(68). С. 310—314.

⁷ Голуенко Т.А., Степанова О.В. Основные направления концепции национальной безопасности Китая. 2018. № 1 (8). [Электронный ресурс] URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2018/1/articles/4_1.pdf (дата обращения 06.09.2023)

Китая, для чего в официальной китайской военной доктрине уделяется особое внимание необходимости военно-политического обеспечения технологического суверенитета. В этом смысле военная стратегия Китая довольно сильно пересекается с доктринальными документами в области экономической и промышленной политики.

Интересно при этом отметить, что в отличие от западных военных стратегий Китай не уделяет большого внимания проблемам изменения климата, энергобезопасности и защиты окружающей среды. Международные экологические соглашения не являются для Китая безусловным приоритетом по сравнению с нуждами экономики и технологическими приоритетами.

Анализ военно-стратегических доктрин показывает, что Китай стремится достичь военного лидерства на основе представлений о «комплексной мощи государства» и необходимости обеспечения своей безопасности в тихоокеанском регионе. Одним из шагов в этом направлении является китайская инициатива «Один пояс — один путь», направленная на соединение Азии с Африкой и Европой через сухопутные и морские маршруты с целью углубления региональной интеграции, развития торговли и стимулирования экономического роста¹. Реализация данной инициативы уже наталкивается на активное противодействие США что, безусловно, будет способствовать росту напряженности в регионе.

Таким образом, военно-стратегические нормативные правовые документы в области военной безопасности и соответствующей военной политики во многом носят инерционный характер. Они долго разрабатываются и принимаются, причем процессуальные аспекты принятия напрямую определяются национально-институциональной спецификой и военно-политическими традициями. Основопола-

гающим документом может быть стратегия, руководство, книга или любая другая нормативно-правовая форма. Как правило, новая стратегия военной безопасности (или изменения и дополнения в уже существующую) принимается после смены правительства, премьер-министра или избрания нового президента. Такие стратегии стремятся представить новые администрации и правительства в максимально выгодном свете. Они содержат в себе не только военные, но и военно-политические или даже политико-экономические и политические аспекты в чистом виде. Например, в военно-стратегических документах США активно обсуждаются общие вопросы коррупции, национализма, экономического развития, иммиграции, пандемий, продовольственной безопасности, критической инфраструктуры и т.п. КНР уделяет гораздо меньше внимания невоенным глобальным и экономическим проблемам.

Другим институциональным отличием национальных документов в области обеспечения военной безопасности и проведения военной политики является упор доктринальных документов США на военные интервенции за пределами национальных границ. Китайская армия последний раз принимала участие в военной операции за пределами китайской территории более 50 лет назад.

Американские стратегии военной безопасности носят, в определенном институциональном смысле, коллективистский, экономический характер: в их рамках подчеркивается важность союзников, с которыми поддерживаются особые отношения, предполагающие, что США будут защищать стратегические интересы своих партнеров и союзников.

В абсолютно всех документах, регламентирующих вопросы военной безопасности и реализации военной политики у Китая и США, подчеркивается необходимость инвестиций в новые системы вооружений. Также упомянутые державы активно модернизируют свою ядерную триаду (стратегическую авиацию, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные ракетноносцы). США стремятся осуществлять политику ядерно-

¹ Амонулов Ш.П., Холиков И.В. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества // Военное право. 2020. № 4(62). С. 205—211.

го сдерживания в отношении Китая и России.

Военные стратегии США и Китая являются зеркальными, в том смысле, что одним из главных вызовов для военной безопасности Китая являются США, а для безопасности США, соответственно, Китай. Страны обвиняют друг друга в том, что стремятся к доминированию и хотят подстроить под себя глобальную экономику и политику. Такое «отзеркаливание» проявляется и на уровне военно-политических действий. США, например, поддерживают своих партнёров и союзников (Филиппины, Вьетнам и Малайзию) в территориальном споре с Китаем в акватории Южно-Китайского моря. Китай, в свою очередь, поддерживает страны, которые соперничают или противостоят США (КНДР, Иран, Россия).

В данной ситуации Российской Федерации важно, поддерживая стратегическое партнерство с КНР, сохранить за собой лидерство на постсоветском пространстве и продолжить наращивать международное сотрудничество со странами Индо-Тихоокеанского региона в целях достижения и поддержания в регионе архитектуры единой и неделимой безопасности.

Библиография

1. Амонулов, Ш.П. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества / Ш.П. Амонулов, И.В. Холиков // *Военное право*. — 2020. — № 4(62). — С. 205—211.
2. Голуенко, Т.А. Основные направления концепции национальной безопасности Китая / Т.А. Голуенко, О.В. Степанова. — 2018. — Выпуск 1 (8). [Электронный ресурс] URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2018/1/articles/4_1.pdf (дата обращения 06.09.2023)
3. Жданов, К.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике / К.В. Жданов, И.В. Холиков // *Журнал инфектологии*. — 2015. — Т. 7. — № 1. — С. 5—17.
4. Землин, А.И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) / А.И. Землин // *Военное право*. — 2020. — № 6(64). — С. 15—29.
5. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120.
6. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.
7. Холиков, И. В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // *Журнал российского права*. — 2022. — Т. 26. — № 11. — С. 132—148. — DOI 10.12737/jrl.2022.122. — EDN ABVLLM.
8. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // *Военно-медицинский журнал*. — 2015. — Т. 336. — № 8. — С. 51—57.
9. Холиков, И.В. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства / И.В. Холиков, А.И. Конуров // *Вестник Академии военных наук*. — 2015. — № 4(53). — С. 7—18.
10. Холиков, И.В. Политико-правовые аспекты китайской космической программы / И.В. Холиков // *Военное право*. — 2021. — № 4(68). — С. 310—314.
11. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения / И.В. Холиков // *Актуальные проблемы государства и права*. — 2022. — Т. 6. — № 4(24). — С. 547—555. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.
12. Sazonova, K.L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K.L. Sazonova, I.Kholikov // *Ethical Challenges for Military Health Care Personnel*. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. — New York : Routledge, 2018. — P. 38—51.